ДОБРОДѢТЕЛЬНАЯ ЖЕНА

или

РАСПУТНЫЙ,

ЛЮБОВІЮ ИСПРАВЛЕННЫЙ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА,
Въ Сенатской Типографіи
у Селивановскаго.
1803.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1875/2

Съ одобренія Московской Ценсуры.

ПИСЬМО XXII.

Маркизъ къ Шевалье.

О, другъ мой! сколь сладостно любить и быть любиму! какое на земли блаженство можетъ сравниться съ тѣмъ, каковое вкушаютъ двое любящихся, и которыхъ любовь взаимна и почти равносильна и пламенна! сїе-то есть восторгъ, восхищенїе, упоенїе, сладостное всѣхъ душевныхъ способностей растворенїе, кои можно чувствовать, но изъяснить не льзя! сїе-то есть сотрясенїе, трепетанїе, радостное чувствъ изступленїе, которыхъ не испытавши собою, постигнуть не возможно. Не превозноси теперь предо мною равнодушїя, легкомыслїя, непостоянства, нечувствительности, и всѣхъ оныхъ умѣренныхъ и холодныхъ страстей, кои воспрїемлются съ полуудовольствїемъ и несовершеннымъ наслажденїемъ. Чувства могутъ ими быть насыщенны, но душа остается пуста и сердце голодно.

Любовь, да, Шевалье, одна любовь насыщаетъ душу, разгрѣваетъ сердце, утоляетъ чувства и иногда всѣ утѣхи вмѣстѣ соединяетъ; слѣдовательно она одна есть источникъ истинныхъ удовольствій, и ею то и одною достигаемъ мы къ земному блаженству.

Все сіе начертаваю я тебѣ несовершенно; поелику послѣдней степени наслажденія не достаетъ къ моему благополучію. Всѣ любовныя утѣхи, одна токмо увѣнчанная любовь описать можетъ, а моя еще не такова; и что безъ сомнѣнія удивитъ тебя, я вразсужденіи онаго весьма равнодушенъ. Я любимъ, это знаю, мнѣ то сказано и въ ономъ увѣренъ, а сего и довольно теперь для меня. Таковое неожидаемое удовольствіе и блаженство почитаю я на сей разъ совершеннымъ.

Но я забылъ, что обѣщалъ извѣстить тебя о подробностяхъ любовнаго моего замысла, котораго глупость и безразсудность оправдалъ однакожъ успѣхъ: и такъ начинаю мой журналъ.

Къ послѣднему моему письму прилагаю и то, которое написано мною къ прекрасной моей любовницѣ. Оно покажется тебѣ безъ сомнѣнія истиннымъ плачемъ; но говори, что хочешъ, я на-

черталъ то, что чувствовалъ, сказалъ то, чѣмъ былъ преисполненъ, и изобразилъ то, что испыталъ; вотъ и все.

Вмѣсто того, чтобъ отправить любовное мое письмо по почтѣ, мнѣ вздумалось, что было бы забавнѣе отнести его самому. На семъ кажется помышленіи, кончилось повѣствованіе мое въ послѣднемъ письмѣ о превосходномъ замыслѣ. Когда я совершенно на оное рѣшился и согласилъ всѣ распоряженія, то на другой день назначилъ выѣхать изъ замка, и отправившись оттуда пріѣхалъ въ Парижъ.

Въ день пріѣзда, не лзя было мнѣ исполнить моего предпріятія. Вѣрный Лафліоръ, котораго посылалъ я развѣдать, донесъ мнѣ, что у госпожи д' Озамбрюнъ въ тотъ день гости, а для исполненія моего замысла надлежало, чтобъ она была одна.

На другой день былъ я гораздо щастливѣе. Я переодѣлся въ платье шатающагося по улицамъ человѣка: большая войлошная шляпа совершенно изтасканная покрывала растрепанные и ненапудренные мои волосы. Лице все вымаралъ, а на лѣвой глазъ наложилъ пластырь. Ты, я чаю, видалъ когда ни-

будь сихъ презрительныхъ и безчестныхъ негодяевъ, кои нанимаются подсматривать за поведенiемъ и дѣлами честныхъ людей, какъ за бездѣльниками. На такого точно изъ нихъ и я походилъ.

Одѣвшись такимъ образомъ, беру я печальное мое посланiе и вхожу въ замокъ моей богини. Привратникъ меня пропустилъ, и я дошелъ уже до передней, гдѣ два или три великорослыхъ лакея осматриваютъ меня съ ногъ до головы и начинаютъ громко смѣяться при воззрѣнiи на странную мою фигуру. Одинъ изъ нихъ подходитъ ко мнѣ и смѣючись подъ носъ, спрашиваетъ меня, чего я хочу? — У меня есть письмо къ Графинѣ. — Подай (сказалъ негодяй)— надобно, чтобъ я самъ его ей вручилъ. — Подай, говорю я, тебѣ, развѣ ты боишся, что я спрячу его для себя? — Это не для того, но я сказываю, что непремѣнно должно отдать мнѣ оное самому Графинѣ. — Того-то и не будетъ (отвѣтствуетъ грубо бездѣльникъ); довольно съ тебя и того, что позволено тебѣ сюда взойти. — Поди увѣдомь Графиню, что сiе письмо изъ замка. — Что до того, изъ замка ли оное или изъ другаго какого

мѣста, госпожа и безъ того увидитъ, откуда оно. — Поди же, и доложи Графинѣ, что я тебѣ говорю. — Я не хочу итти, да и можетъ ли такой Савоярдъ, какъ ты, приказывать мнѣ? — Савоярдъ, или нѣтъ, что до того нужды, но я такой же человѣкъ, какъ ты, и я не знаю, за что ты меня презираешъ? Развѣ за то, что на тебѣ ливрея, а на мнѣ только худая епанча, но вить не одежда составляетъ человѣка, а чувства и добрые качества; тотъ кто живетъ честно и порядочно, въ какомъ бы состоянїи ни находился всегда будетъ почтенъ. Что это, ты мнѣ кажется, вздумалъ меня учить? Такъ знаешъ ли, что съ твоею харею на домоваго похожею, съ выколотымъ глазомъ и мерзкимъ твоимъ видомъ, ты заслуживаешъ, чтобы выкинуть тебя за окошко, или заставить перещитать на лѣстницѣ ступени — я знаю, что будучи на твоемъ мѣстѣ, исполнялъ бы я гораздо лучше свою должность; а ежели бы богатъ былъ и могъ имѣть у себя слугъ, то ни одного дня не держалъ бы подобныхъ тебѣ въ моей службѣ. — Замолчи, неучтивецъ! отдай скорѣе письмо или убирайся отсюда. — Я уже сказалъ те-

бѣ и еще повторяю, что мнѣ приказано точно не отдавать его никому, кромѣ самой Графини, а сверьхъ того мнѣ самолично хочется имѣть честь съ нею поговорить.

Сія небольшая ссора не могла произойти безъ того, чтобы шумъ недостигъ до ушей Графининыхъ. Она позвонила, чтобъ узнать безъ сомнѣнія причину такого шума, и лакей (другой, а не тотъ, которой спорилъ со мною, и которой не преставалъ мнѣ грубіянить и досаждать) пошелъ къ госпожѣ и возвратяся отъ нее сказалъ, что я могу войти.

И такъ, вотъ уже я предъ лицемъ небесной красоты. Увидя ее, сердце мое трепетавшее прежде отъ ужаса, казалось нѣсколько успокоившимся, и даже нѣкоторой лучь радости и надежды въ оное проникнулъ. Она сидѣла въ кабинетѣ за письменнымъ столикомъ, которой былъ открытъ и на которомъ лежали развернутыя письма, кои призналъ я за свои. По видимому она занималась тогда чтеніемъ оныхъ. Нѣжная томность, пріятное уныніе и нѣкоторая внутренняя скорбь на лицѣ и во всѣхъ поступкахъ казались начертаны. Ахъ, Шевалье! сколь преле-

стна, сколь очаровательна была она въ семъ положенiи! самый Ангелъ не могъ бы смотрѣть на нее безъ опасности! первое мое побужденiе было броситься предъ нею на колѣни; но подумавъ, что поспѣшностiю таковою могу все испортить, удержался отъ онаго. — Вотъ (сказалъ я, подавая письмо робкою и дрожащею рукою и стараясь, сколь можно притворить голосъ, а всего больше скрыть смятенiе свое) письмо, которое мнѣ приказано вручить вамъ, сударыня, и подождать отвѣта, ежели вамъ будетъ угодно сдѣлать оный. — Она взяла посланiе не вскинувъ очей своихъ на меня и не произнеся ни одного слова, а разсматривала только надпись. Узнавши почеркъ, очаровательное лице ея покрылося блѣдностiю, которая и на ланиты ея выступила вмѣсто розъ и лилей. Положа посланiе на письменной столикъ и подперши голову обѣими руками, осталася на нѣсколько минутъ въ семъ положенiи. Потомъ насилу вставши, отерла омоченные слезами очи свои и взяла опять письмо боязливою рукою. Наконецъ печать разломана, и посланiе развернуто. Вотъ уже владычица моя читаетъ жалобы и нѣжные мои изъясненiя. Хо-

тя я, по врученіи ей щастливаго письма нѣсколько отъ нее поудалился; хотя и самъ не столь былъ равнодушенъ, чтобъ хорошо за нею примѣчать могъ, однакожъ большая часть движеній ея отъ меня не сокрылась. Я видѣлъ, что она, такъ сказать, глотала слова, что нѣкоторые отдѣленія пробѣгала жадно, а на нѣкоторыхъ мѣстахъ останавливалась съ удовольствіемъ, и что иногда возвращалася назадъ, дабы повторять вновь тѣ мѣста кои трогали ее болѣе, и чтобъ удержать ихъ въ памяти своей. Я видѣлъ, что сердчишко ея трепетало, грудь воздымалась, и она задыхалась по мѣрѣ какъ впечатлѣнія дѣлались сильнѣе, я слышалъ прерывающіеся вздохи сквозь томное — и принужденное дыханіе. Она многократно прерывала чтеніе, дабы отереть слезы, яко драгоцѣнныя бисеры текшія по ланитамъ ея.— Ахъ! говорилъ я самъ себѣ, весьма буду я оплошенъ, естьли не употреблю сего обстоятельства въ свою пользу, не исторгну у обожаемой мною признанія въ любви и не принужу ея произнесть, люблю тебя, чего столь жадно желаю услышать изъ прекрасныхъ ея устъ. —

Однакожъ, я имѣлъ терпѣнїе дождаться пока она дочла до конца.

По окончанїи чтенїя взяла она листъ бѣлой бумаги и положила предъ собою, потомъ углубилася въ размышленїя. Изготовясь написать первую букву, три раза клала она перо и столькожъ разъ опять за него принималась. Напослѣдокъ начертала двѣ строки; но паки перемѣнивъ намѣренїе и изодравъ написанное, нѣтъ! вскричала съ нѣкоторою досадою, я не буду писать. Скажи ему (сїе сказано было оборотясь ко мнѣ бокомъ) скажи ему, — нѣтъ! ничего ему не сказывай. — Постой — скажи ему, чтобъ онъ далъ мнѣ знать, — когда онъ прїѣдетъ въ Парижъ? — Вотъ онъ здѣсь предъ вами (воскликнулъ я съ восхищенїемъ и ставши на колѣни), вотъ сей щастливой любовникъ, которой въ противность всѣхъ своихъ клятвъ, рѣшился хотя однажды еще васъ увидѣть. — Удивленїе, робость, а можетъ быть также стыдъ и гнѣвъ принудили прелестную д'Озамбрюнъ громко и пронзительно закричать, и сей крикъ раздавшїйся далеко привлекъ служителя. По щастїю услышалъ я отворяемыя двери и имѣлъ время встать, наложить пластырь и при-

нять прежнее положенїе. — Не кликали ли вы меня, сударыня (спросилъ служитель)? — Нѣтъ (отвѣчала Графиня, стараяся укрѣпиться и скрыть свое смущенїе) проклятая мышь (какъ женщины умѣютъ въ нуждѣ вывертываться) испугала меня — поди, (при семъ дала она знакъ служителю выйти).

Ахъ! сударыня, простите ли вы мнѣ мой проступокъ, которой хотя и очень оскорбителенъ, но можетъ извиненъ быть чрезмѣрною любовїю моею. Свидѣтель Богъ, что я желалъ однажды только васъ увидѣть и потомъ умереть. — Я думаю (отвѣчала она закраснѣвшись), что послѣ того, что вы видѣли, не должны кажется, желать себѣ смерти; когда только одно отчаянїе не быть любиму, побуждаетъ васъ къ такому плачевному изступленїю. Увѣрять васъ теперь въ моемъ равнодушїи, такъ какъ вы прежде думали, была бы пустота, нелѣпость и даже глупость; и, вы конечно оному не повѣрили бы. Вы почли бы меня лживою и сумасшедшею женщиною, да имѣли бы къ тому и причину; и такъ я не хочу казаться предъ вами ни цѣломудренною, ни безстыдною. При-

знаюсь чистосердечно, что я васъ люблю, и что моя любовь и вашу можетъ быть превосходитъ, или по крайней мѣрѣ она столь же сильна, но развѣ нѣсколько благороднѣе и чище. Не скрою отъ васъ, что безъ теперешней вашей хитрости не узнали бы вы никогда ни силы, ни пространства моихъ къ вамъ чувствований. Я опредѣляла неотмѣнно погребсти въ неизвѣстности безнадежный пламень, который угасить законъ мнѣ повелѣваетъ: но раздраженное безъ сомнѣнія виновнымъ пламенемъ небо, не восхотѣло благословить рѣшимости, съ сожалѣніемъ мною воспріятой, и я такъ сказать, кляла обязанности, оную на меня налагающія. Видите, съ какою откровенностію объявляю я вамъ обѣты, всегда тягостные въ устахъ жены, не забывающей, чѣмъ она самой себѣ долженствуетъ. Естьлибъ почитала я васъ удобнымъ обмануть меня и вовлечь въ законопреступныя сѣти, то во всю жизнь убѣгала бы васъ и за непростительную слабость наказала бы сердце свое непремѣнно; но я слишкомъ полагаюсь на вашу честность, а и того болѣе на тѣ лестные обѣщанія, коими вы увѣрить меня умѣли. И такъ будемъ любить другъ друга: я

на то согласна, но только Платоническою любовію. Пусть души и сердца наши наслаждаются такимъ вѣчнымъ и нерушимымъ союзомъ, каковый нѣкогда соединитъ насъ въ нѣдрахъ Высочайшаго существа; обуздаемъ наши желанія; предохранимъ чувства наши отъ того упоенія, которое Превѣчный отвергаетъ. — Есть ли такая любовь достаточна къ вашему благополучію, то я отъ чистаго сердца оную вамъ предлагаю и осмѣливаюсь сказать, что собственное мое спокойствіе къ тому меня принуждаетъ. Ежели же страсть и желанія ваши простираются далѣе, то бѣгите, ахъ! изъ сожалѣнія удалитесь отъ меня! Положимъ, естьли надобно, пространство вселенной между собою! не принудьте меня наказать себя за преступленіе, которое и безъ того уже слишкомъ велико.

О владычица моя! (отвѣтствовалъ я съ изъявленіемъ живѣйшей радости и истиннаго чистосердечія) милое божество сердца моего! дражайшій предметъ всѣхъ моихъ желаній! единственное въ жизни моей упованіе! умѣрьте, прошу васъ, напрасный страхъ, безпокойство вамъ причиняющій! Да разсѣетъ

кроткая довѣренность сей смертельный ужасъ, который никогда не думалъ я возродить въ васъ! Ахъ! я безъ сомнѣнія васъ обожаю! имѣю такіе къ вамъ чувствованія, каковыхъ ни одинъ смертный ни постигнуть, ни ощутить не въ состояніи! Для обладанія вами, для соединенія бытія моего съ вашимъ во всѣхъ точкахъ существованія его, не пощадилъ бы я тысячи жизней, естьли бъ только имѣлъ ихъ! Я весьма уважаю ненарушимую вашу къ добродѣтели привязанность; жестокая цѣпь васъ удерживающая, страшныя узы васъ связующія, должности, клятвы, твердыя ваши правила, словомъ; все, все для меня священно. Естьли бы пришло мнѣ когда нибудь въ мысль оскорбить васъ въ самомъ драгоцѣннѣйшемъ для васъ пунктѣ; есть ли бы вздумалъ предпринять что либо противъ благоразумія и чести самой достойнѣйшей жены, каковая токмо существовала отъ созданія міра, то соглашаюсь, что бы небо злодѣянія, обратило на меня всю ярость гнѣва своего! — соглашаюсь — Но какая нужда въ клятвахъ и напрасныхъ увѣреніяхъ, которыя не могли бы связать меня, когда бы сердце мое было развратно и намѣренія зло-

дѣйскіе? Долгъ любви есть успокоивать робкую и возмущенную любовь. И такъ, вѣрьте сударыня, сему чувствованію, основанному единственно на добродѣтели и на непремѣнной честности и искренности. Оставьте, ахъ! оставьте меня питаться удовольствіемъ, неожидаемымъ блаженствомъ быть любиму— любиму отъ васъ; ибо въ семъ состоитъ все мое благополучіе.

По окончаніи такого пріятнаго разговора Графиня просила меня возвратиться, для того, присовокупила она, что служители заключатъ о каковой либо тайности въ семъ свиданіи, ежелибъ оно еще продолжилося, и приглашала къ себѣ обѣдать, естьли дѣла мои мнѣ позволятъ. Я обѣщалъ ей то, и разстался съ нею поцѣловавъ ея руку, въ знакъ дружбы мнѣ поданную.

Вотъ, любезной Шевалье, моя исторія, которую обѣщалъ я тебѣ сообщить; подробности ея безъ сомнѣнія для тебя маловажны, поелику ты взираешъ на все съ высоты великаго твоего просвѣщенія, но для меня многозначущи: ибо они способствовали къ великому моему щастію услышать сказанное и повторенное, что меня любятъ. Отъ сего

щастливаго дня, я безпрестанно бываю у моей любовницы. Правда, что она не допускаетъ меня воспользоваться ни малѣйшею благосклонностію, которая имѣла бы послѣдствія; но я ее вижу, внимаю ей, нахожусь близь ее, упоеваюсь въ тайнѣ удовольствіемъ разсматривая обожаемыя ея прелести, и тѣмъ доволенъ. Когда случаются въ бесѣдѣ сторонніе, то взоры наши взаимно себя ищутъ, и говорятъ, что мы любимся; когдаже случится быть наединѣ, то изустно то же самое изъясняемъ. Случается иногда, что я по благосклонности ея, цѣлую ея руку, могущую съ Гебеиною только сравниться, и сіе легкое нарушеніе благоразумія погружаетъ меня въ восторгъ, упоеніе, въ такое сладострастное изступленіе, какова я никогда еще не испытывалъ. — Говорить съ тобою объ ней, есть также ни съ чѣмъ несравненное для меня утѣшеніе. Чтожъ будетъ, когда . . . но не ужели забылъ я, что совершенному моему щастію непреоборимая положена преграда, и что я обѣщалъ не покушаться никогда преступать оную? — Стремительность страсти увлекаетъ меня иногда гораздо далѣе, нежели надлежало, и я въ самомъ

дѣлѣ отваживаюсь сдѣлаться предпрїимчивѣс; но Нимфа однимъ строгимъ взоромъ поражаетъ меня и однимъ словомъ связываетъ языкъ и руки мои; жаръ мой успокоивается и душа моя соглашается съ ея душею. Сколько доставляетъ мнѣ невинныхъ утѣхъ и удовольствїй столь прїятное и свободное съ нею обращенїе! сколько прелестей имѣетъ для меня взаимное излїянїе душъ нашихъ! сколь сладостно бесѣдовать съ любовницею въ тишинѣ о дѣлахъ, намѣренїяхъ и о всемъ, что до насъ ни относится! какъ самые равнодушные разговоры оживляются и становятся нужны для двухъ особъ любовію совокупляемыхъ, и которыхъ вкусы и склонности сею же самою любовію соединяются! Ахъ, Шевалье! какъ сожалѣю я о тѣхъ дняхъ, которые протекли въ душевной безчувственности и въ лишенїи испытываемаго мною теперь ощущенїя! сколь удаленъ я былъ отъ моего блаженства!

Изъ Парижа 29 Іюля.

ПИСЬМО XXIII.

Отвѣтъ Шевалье Мармеля.

Я пріѣхалъ сюда вчера, любезный Алозанъ, но уже поздо было увѣдомить тебя о томъ; сево дни же приходилъ къ тебя самъ два раза, но не могъ тебя видѣть. Не знавъ куда, итти до вечера (и не имѣя великаго желанія итти въ театръ и проводить тамъ праздное время и скучать переходя изъ ложи въ ложу) возратился домой и вздумалъ заняться начертаніемъ того, что хотѣлъ сказать тебѣ изустно. Можетъ статься, читая мое письмо ты лучше въ оное вникнешъ; поелику, сказываютъ, что предметы гораздо большепоражаютъ чрезъ зрѣніе, нежели черезъ слухъ.

Любезный другъ! я не намѣренъ ни убѣждать тебя доказательствами, ни вступать съ тобою въ споръ: ибо къ чему послужилъ бы разсудительный разговоръ съ такимъ человѣкомъ, у котораго помѣшанъ разумъ? а вмѣсто того опишу тебѣ мою юность. Подробности ея, постараюсь сколь можно сократить, а скажу только то, что наставленіемъ тебѣ послужить можетъ.

Едва вышелъ я изъ младенческаго возраста, какъ послали меня въ провинцïальное училище, гдѣ я воспитанъ былъ во всѣхъ предразсудкахъ глупыхъ нашихъ правилъ. Въ ономъ учился я всему, кромѣ науки быть щастливымъ. Мнѣ твердили, что дабы сдѣлаться таковымъ, то надлежитъ отречься себя, разсудка своего и всѣхъ удовольствïй здѣшней жизни; въ книгахъ, которыя давали мнѣ тогда читать, находилъ я, что тотъ только щастливъ, кто умѣетъ побѣждать свои страсти, умѣрять желанïя, обуздывать склонности, однимъ словомъ умерщвлять естественные свои побужденïя. — Сколько ужасно обманывали меня сïи ложные зеркала, въ которыхъ человѣческое сердце познавать я старался! самыхъ безразсудныхъ, лукавыхъ, самыхъ мрачныхъ людей почиталъ Героями и мудрецами! Называлъ честïю, благодѣянïемъ, человѣколюбïемъ, добродѣтелïю то, что въ самомъ дѣлѣ было токмо мнѣнïе, гордость, самолюбïе и лицемѣрïе.

Проведя десять лѣтъ въ утвержденïи себя во всѣхъ сихъ нелѣпостяхъ, возвратился я въ Парижъ, и съ таковымъ образомъ мыслей вступилъ въ

свѣтъ. Мнѣ было тогда шестнадцать лѣтъ. Въ семъ возрастѣ ослѣпленіе, химеры и всѣ грубые лжи большую имѣютъ власть надъ человѣкомъ; ибо свѣтильникъ опытности не показалъ ему еще прямую цѣну вещей.

Скоро отверзъ я душу мою всѣмъ заблужденіямъ и очарованіямъ обществъ. Я думалъ, что въ нихъ дѣйствительно находились добродѣтельные сердца, сострадательныя души, искренніе друзья, честные и истинно благочестивые люди: все что тамо говорено ни было, казалося вѣроятнымъ и неоспоримымъ. Я не могъ себѣ вообразить, что бы уста не были истолкователями сердца; утверждался въ глупомъ мнѣніи, что честность, искренняя любовь, чувствительность, учтивость, откровенность, довѣренность, дружба не простыя токмо были добродѣтели, служащія къ единому только наружному украшенію, отъ коего въ случаѣ нужды легко можно освободиться, и что они не такія обманчивыя личины, которыя всякъ слагаетъ съ себя по своей волѣ и коими одни только глупцы обманываются. Ахъ, сколь я ослѣпленъ былъ! Я не зналъ, что большая часть людей сохраняетъ одну только наружность,

и для нее жертвуетъ всѣмъ владычествующимъ предразсудкамъ, но въ шайнѣ награждаетъ себя за сіе глупое принужденіе, позволяя себѣ все то, что только можетъ удовлетворить склонности ихъ.

Многіе годы провелъ я въ такомъ заблужденіи, которое, признаюсь, было мнѣ пріятно, но плачевныхъ коего слѣдствій едва я избѣжалъ. Я имѣлъ любовницу которую обожалъ, боготворилъ, которую любилъ больше нежели себя; я испытывалъ для нея, въ превосходнѣйшемъ можетъ быть степени то, что ты, по словамъ твоимъ испытываешъ въ разсужденіи госпожи д'Озамбрюнъ. Я бы готовъ былъ положить руку мою въ огонь въ поручительство ея нѣжности, наипаче же вѣрности; и ослѣпленіе мое до того простиралось, что я хотѣлъ женится на ней.

Я имѣлъ покровителями вельможъ и знатныхъ людей, кои допускали меня въ свое сообщество, питали меня ласкательными надеждами и обѣщаніями, и удостоивали, какъ казалось, довѣренностію и дружбою своею. Учтивость ихъ почиталъ я истиннымъ изъявленіемъ чувствъ; думалъ, что подозрѣвать ихъ не токмо въ обманѣ, но и въ холо-

дности было бы непростительною для нихъ обидою; я ихъ любилъ; совершенно былъ имъ преданъ; въ состоянiи былъ пожертвовать за нихъ своею жизнiю, и вмѣнялъ въ честь себѣ такiя чувствованiя.

Я имѣлъ друзей (ибо дружба была для меня самая прiятнѣйшая мечта); они осыпали меня своими ласками; предлагали мнѣ непрестанно свои услуги и по наружности пеклися больше о моей, нежели о собственной своей пользѣ; я почиталъ ихъ услужливыми, искренными, ревностными, словомъ: таковыми, каковыми они старались притворяться; думалъ, что для нихъ было бы оскорбительно, а для меня подло, когда бы сталъ я сомнѣваться въ откровенности ихъ и чистой совѣсти. Сколь искренно былъ я къ нимъ прилѣпленъ! Естьли бы они потребовали тогда все мое имѣнiе, то съ какою радостiю, съ какимъ истиннымъ и прiятнымъ удовольствiемъ лишился бы я онаго для нихъ!

Я забылъ сказать, что въ сiе время щастiе весьма мнѣ благопрiятствовало, и казалось, что оно всегда пребудетъ неизмѣнно; но внезапныя злоключенiя вдругъ онаго меня лишили и повергли

въ такое посредственное состоянїе, которое не далеко отстояло отъ бѣдности. Тогда-то родъ человѣческiй представился мнѣ въ истинномъ своемъ видѣ; тогда то узналъ я людей и увидѣлъ прямыя ихъ расположенїя. Любовница моя презрѣла мою страсть и не хотѣла больше ни видѣть меня, ни слышать обо мнѣ. Я однакожъ свѣдалъ, что она не столь была строга въ разсужденiи другихъ своихъ обожателей, вмѣсто того, что я желавшiй быть ея мужемъ, въ три года едва получилъ дозволенїе цѣловать иногда у нея руку, покровители мои перемѣнили ласки свои въ обыкновенное учтивство; изъявлявшее всю ихъ надмѣнность, и вскорѣ сдѣлались для меня совершенно невидимы; въ прежнемъ же моемъ состоянїи стыдно бъ мнѣ было унизиться до того, что бы искать ихъ покровительства. Что жъ касается до друзей моихъ, они узнавъ о моемъ нещастїи, меня оставили, и я ни одного уже изъ нихъ больше не видалъ; когда же случалось мнѣ съ ними встрѣтиться на дорогѣ, то они или сворачивали сьоной, дабы со мною не говорить, или глядѣли въ другую сторону, дабы только не взглянуть на меня.

Послѣ сего не зналъ я, что дѣлать и куда дѣваться; мрачное отчаяніе совсѣмъ мною овладѣло. Я погибъ бы, естьли бъ по случаю не нашелъ толь рѣдкаго человѣка, какого въ цѣлой вѣкъ сыскать трудно, или по крайней мѣрѣ, не больше одного. Такіе люди, будучи одарены высокимъ разумомъ, умѣютъ оцѣнивать прямо предразсудки и обманы человѣческіе, не добиваются благосклонности отъ вельможъ, не ищутъ знакомства съ богачами, не занимаютъ собою народъ, и не увеселяютъ празднолюбцевъ ни дѣяніями, ни славою имени своего; они живутъ довольны и щастливы, предаваясь умѣренно своимъ желаніямъ, слѣдуя съ осторожностію натуральнымъ склонностямъ, удовлетворяя страсти свои безъ напряженія и недавая имъ полной власти надъ собою; однимъ словомъ, я нашелъ мудреца, истиннаго Философа.

Сему человѣку было около пятидесяти лѣтъ; онъ не имѣлъ ни слишкомъ приманчиваго вида, ни очень хорошаго стана, и вся наружность показывала его обыкновеннымъ человѣкомъ: но сколь много наградила его натура разумомъ, лишивъ тѣлесныхъ дарованій! Когда онъ былъ здоровъ, то столь

пріятно, весело и хорошо говорилЪ, что нельзя было довольно наслушаться. ОнЪ былЪ изящный ораторЪ, нескучный моралистЪ, не угрюмой ученой, не великой остроумецЪ, но самой простой и откровенной смертный, великодушнѣйшій вЪ свѣтѣ мужЪ, самой услужливый другЪ, попечительнѣйшій хозяинЪ: словомЪ, такой разумной и пріятной разскащикЪ, каковаго едва ли когда производила натура!

НѣкоторЪІй родЪ непреодилимой симпатіи привлекЪ меня кЪ сему благополучному смертному; принудилЪ открыть ему мое сердце, и подробно описать настоящее мое горестное положеніе. ОнЪ, казалось, принялЪ участіе вЪ моей судбинѣ, и не дѣлая никакихЪ особенныхЪ обѣщаній, и неизЪявляя надмѣнно своего мнѣ покровительства, принудилЪ меня переѣхать кЪ себѣ, гдѣ я могу жить, сказалЪ онЪ, по своей волѣ и желанію.

Почти три мѣсяца жилЪ я вЪ домѣ благодѣтеля моего, не примѣчая ни мало, чтобы онЪ наблюдалЪ за моими поступками, замѣчалЪ дѣла мои, или чтобЪ много безпокоился; лучше ли стало или нѣтЪ настоящее мое положеніе. Но однажды спросилЪ онЪ меня, не скучно

ли мнѣ будетъ отъѣхать съ нимъ въ загородной его домъ? — Не скучно ли? Напротивъ я бы очень былъ радъ, естьли бъ вы позволили мнѣ проводить васъ туда. — Когда такъ, примолвилъ онъ, то мы завтра туда отправимся; но я предваряю тебя, что мы тамъ останемся ночевать, а по сему ты и располагайся.

И такъ мы отправились въ путь, и пріѣхали, такъ какъ ты имѣешъ привычку говорить въ твоихъ разсказахъ. Прекрасный мѣсяцъ, толико воспѣваемый стихотворцами, столь благопріятствующій любовникамъ, коихъ онъ, какъ кажется, возобновляетъ жаръ и любовь, который на всю печальною одеждою покрытую натуру распростираетъ длинное зеленое одѣяніе, изъ листьевъ и цвѣтовъ составленное, который во всѣ существа вдыхаетъ пламень удовольствія и въ то же самое время растворяетъ сладкій сокъ, сущность ихъ напояющій: сей мѣсяцъ былъ уже тогда при исходѣ. Когда мы вышли изъ повозки, въ то время былъ тотъ часъ дня, въ который солнце при окончаніи теченія своего бросаетъ умѣренные лучи и позволяетъ глазамъ разсматривать ослѣпляющій свой кругъ.

— Теперь еще рано (сказалъ мой путеводитель) естьли ты не усталъ, то мы можемъ прогуляться по саду, во ожидани приближенія ночи. — Я на то согласенъ, что и до меня касается, то съ удовольствіемъ хочу напитаться свѣжимъ воздухомъ толь прекраснаго дня.

При входѣ въ садъ, пораженъ я былъ вдругъ такимъ пріятнымъ зрѣлищемъ, каковое когда либо встрѣчалось взору или воображенію моему! На одномъ необыкновеннаго дерева столбѣ, раскрашенномъ разными красками и чрезвычайно искусно вырѣзанномъ, начертаны были слѣдующіе стихи:

Здѣсь Эпикура вертограды,
Гдѣ всякъ хранитъ его законы;
Бѣгите мѣстъ сихъ всѣ упорны
Противъ зовущей васъ природы.

Все, что послѣ ни встрѣчалось взору моему, совершенно соотвѣтствовало сему удивительному зрѣлищу. Извѣстно тебѣ прекрасное описаніе, каковое Сентъ Пре дѣлаетъ Эдуару о садѣ Госпожи де-Вольмаръ (*): я ссылаюсь

(*) Новая Элоиза Часть IV.

тебѣ на оное. Ты увидишь въ немъ точное описанїе сада благодѣтеля моего; въ немъ тѣ же алеи, тѣ же излучистыя дороги, тѣ же тѣни, та же зелѣнь, то же уединенїе, та же пустыня, тотъ же дернъ, тѣ же цвѣты, деревья, плоды, тѣ же птички и та же вода, извивающаяся въ иномъ мѣстѣ между травою и цвѣтами почти непримѣтно, въ другомъ же большими ручьями течетъ по чистому и пестрому песку, на которомъ вода всегда бываетъ яснѣе. Сходство сїе совершенно, выключая только, что въ садахъ моего философа видѣлъ я больше деревъ иностранныхъ, множество любовныхъ девизовъ въ разныхъ мѣстахъ разсѣянныхъ, довольно пещеръ и древнихъ развалинъ, каковыя находятся въ Аглинскихъ садахъ, и бань подобныхъ тѣмъ, какїя въ употребленїи у восточныхъ народовъ. — Гдѣ я! (вскричалъ я увидѣвъ такїя чудеса) не здѣсь ли очарованные сады Армиды? — Ты въ самомъ дѣлѣ увидишь Армидъ (отвѣчалъ мудрѣйшїй изъ человѣковъ) но сей садъ ни волшебный, ни очарованный: натура, при помощи небольшаго искусства, учинила его таковымъ, какъ

ты его видишъ. Слѣдуй за мною, ты не все еще видѣлъ.

Тогда привелъ онъ меня въ прелестный павильйонъ, сдѣланный въ концѣ сада и котораго не могъ я видѣть за препятствовавшимъ мнѣ густымъ лѣсомъ. Новыя красоты, новые очарованія, новые чудеса въ ономъ меня поразили. Въ низу онаго сдѣланы были веселыя и весьма покойныя комнатки для бань во всякое время года, разной степени теплоты, которыя были очень просты и чисты. По сторонамъ были устроены мѣста для отдохновенія, гдѣ каждый могъ найти попечительныя услуги и наслаждаться покоемъ, къ коему баня, кажется, призываетъ. Всѣ сіи комнатки украшены были зеркалами и картинами, которыя могли удовольствовать зрѣніе своею пріятностію и изяществомъ. Потомъ взошли мы по круглой лѣстницѣ въ круглую комнату, къ которой приведено было множество пріятнѣйшихъ и роскошнѣйшихъ кабинетовъ вымысла совершеннѣйшаго. Въ сихъ то кабинетахъ безчисленное множество зеркалъ отвѣчая одни другимъ, преломляли предметы въ тысящообразные виды, или лучше ска-

зать, умножали оные. Здѣсь то искусство Зевксисовъ и Апеллесовъ истощено было ради усовершенствованія всѣхъ изображеній любовной миѳологіи и ради представленія оной въ самомъ сластолюбивомъ видѣ.

Пробѣжавъ глазами всѣ сїи восхитительныя предметы, вышли мы на балконъ съ балюстрадомъ изъ высѣченнаго мрамора. Тогда какое прiятное зрѣлище представилось жадному и изумленному моему взору! я могъ обозрѣвать пространныя поля, ограничиваемыя горизонтомъ на разстояніе слишкомъ двадцати миль О другъ мой! коликое множество различныхъ предметовъ открылось въ семъ безмѣрномъ пространствѣ! Въ дали видимы были величественные лѣса, кои, казалось, терялися въ разсѣянныхъ разноцвѣтныхъ облакахъ; поближе какъ бы нарочно собранныя въ кучу деревни и селенія; въ долинѣ, рѣки орошающія плодоносные поля и множество ручейковъ извивающихся и веселящихся между прiятными лугами. Въ иномъ мѣстѣ пастухи, одни загоняя стада свои въ овчарни, рѣзвились съ своими пастушками; другіе играли на свирѣляхъ, отъ согласнаго коихъ звука отзывалось въ окре-

стностяхъ эхо. Индѣ охотники, послѣдуемые запыхавшимися собаками, спускались съ холмовъ съ пѣнїемъ и возвращались весело, будучи обременены желаемою добычею и позабывъ претерпѣнные при томъ безпокойства. Предъ нами находилось прїятное смѣшенїе виноградниковъ, луговъ, полей, изъ коихъ иные зеленѣлись, другїе заняты были подъ земледѣлїе, сады и огороды; множество лѣтающихъ около насъ птицъ воздавали пѣнїемъ своимъ поклоненїе виновнику дня, удалявшемуся отъ нашего полушара, котораго оставшїеся лучи отбрасывали еще свѣтъ блѣдный, слабый и зыблющїйся на превосходные предметы. Пѣнїе ихъ, напряженное, какъ казалось, жалобою и сильнѣйшимъ звукомъ изъявляло сожалѣнїе о тѣхъ играхъ и удовольствїяхъ, которыхъ ночь вскорѣ лишитъ ихъ и упрекало блистающему свѣтилу за удаленїе онаго въ другую вселенную, и убѣждало его поспѣшить возвращенїемъ своимъ ради освѣщенїя любви ихъ.

Юноша (сказалъ мнѣ великодушный смертный, давшїй мнѣ время насытиться столь прїятными чувствованїями) ты думаешь, можетъ быть, что

въ краткое время пребыванія твоего въ моемъ домѣ, я не могъ еще вызнать тебя, оцѣнить характеръ и различить натуральные твои дарованія отъ дурнаго твоего воспитанія; но ты ошибаешся: я тайно и не примѣтно извѣдывалъ тебя, замѣчалъ всѣ твои шаги и дѣйствія такъ, что ты того и не воображалъ; я проникъ всѣ твои склонности и легко различилъ данныя тебѣ натурою отъ тѣхъ, кои внушены въ тебя единственно предразсудками. Испытаніе мое было тебѣ въ пользу. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что для содѣланія тебя таковымъ, каковымъ создала натура, надобно только разумѣть окружавшее тебя съ самаго младенчества очарованіе, искоренить мнѣніе, укрѣпляющее въ тебѣ ложь вмѣсто здраваго разсудка, и наконецъ открыть тебѣ то, что есть, что всегда было, да и навсегда пребудетъ, дабы ты твердо въ томъ удостовѣрился. Любезный юноша! натура имѣла о тебѣ материнское попеченіе: она одарила тебя самыми лучшими дарованіями; и такъ естьли ты будешъ еще долѣе раздражать ея, сопротивляяся священнымъ ея вдохновеніямъ, то страшись ея ищенія. — Но прежде нежели

буду говорить съ тобою о томъ, что въ разсужденiи сего имѣю сказать тебѣ, прошу открыть мнѣ причину, погружающую тебя въ сiю глубокую и жестокую задумчивость, изъ которой ничто извлечь тебя не можетъ.

Я разсказалъ ему подробно все, что ты читалъ — но всего больше меня опечалило, чувствительно тронуло да и теперь еще мучитъ (примолвилъ я воздохнувъ) презрѣнiе и невѣрность моей любовницы. Нещастiе мое столь чрезмѣрно, что не смотря на ея неблагодарность и вѣроломство, я не могу ее забыть, и въ досаду гнусному ея поступку и жестокому вѣроломству, въ досаду самолюбiю моему и справедливому гнѣву, въ досаду самому разсудку и въ досаду всему, я еще ее обожаю.

„Я подозрѣвалъ (отвѣчалъ достой-„ный воспитанникъ сына Неоклова) „что любовь была причиною твоей пе-„чали и сей мрачной нелюдимости, „которая учинила тебѣ омерзитель-„нымъ весь родъ человѣческiй. Мнѣ „извѣстны слѣдствiя пагубной сей „страсти. Когда не умѣряется она „правилами истиннаго благоразумiя; „тогда уже она не простая страсть,

,,но изступленїе, ярость, неизъясни-
,,мое почти сумасшествие, убивающее
,,душу, терзающее сердце, занимающее
,,всѣ чувства, стѣсняющее нервы,
,,производящее безпорядочное движенїе
,,и растроивающее всю машину совер-
,,шенно. Такое состоянїе конечно не-
,,удобно сдѣлать щастливымъ чело-
,,вѣка, поелику оно ему столь же не-
,,свойственно, какъ натурѣ, привуж-
,,денїе и единообразїе, сїе есть скучный
,,бракъ, породившій любовь, сїе стран-
,,ное и мучительное чувство, сїе едино-
,,гласное и скучное божество, которое
,,мнитъ соединить удовольствїе между
,,двумя противными существами и
,,утвердить оное тамъ. Но сколь гласъ
,,натуры есть различенъ! Воззри на
,,множество различныхъ предметовъ,
,,весь земной шаръ покрывающихъ! ка-
,,кая тѣнь въ цвѣтахъ, какое различїе
,,въ одной почкѣ съ другою! какая див-
,,ная разнообразность во всемъ оду-
,,шевленномъ! Скажи, юный мой другъ!
,,что движетъ, что управляетъ нами?
,,что приводитъ насъ въ восторгъ, что
,,воспламеняетъ холодный нашъ раз-
,,судокъ? Не утѣшенїе ли? единствен-
,,ное и всегдашнее утѣшенїе? Нещастїе
,,большей части людей въ томъ состо-

,,итъ, что они ищутъ его тамъ, гдѣ
,,онаго нѣтъ; они хотятъ соединить
,,чувствованiе со впечатлѣнiемъ, или
,,паче смѣшать оные вмѣстѣ, и вмѣсто
,,того, что наслажденiе должно быть
,,источникомъ чистаго любострастiя,
,,оно бываетъ тогда въ тягость.
,,На что желать преображать на-
,,туру! развѣ она вымыслила посто-
,,янство, вѣрность и любовь? Посмо-
,,три на дикихъ; они не имѣютъ соб-
,,ственныхъ женъ, а всѣ у нихъ общiя;
,,каждый избираетъ себѣ ту, которая
,,ему понравится: живетъ съ нею
,,столько, сколько хочетъ, и наконецъ
,,оставляетъ ее когда вздумается, или
,,же имѣетъ многихъ въ одно время.
,,Ахъ! кто хорошо знаетъ женщинъ,
,,тотъ не можетъ имѣть къ нимъ при-
,,вязанности; по моему мнѣнiю нигдѣ
,,ихъ такъ хорошо цѣнить не умѣютъ,
,,какъ въ Черкассiи. Тамо должность
,,ихъ состоитъ только въ томъ, чтобъ
,,ласкать мущинъ, плясать около ихъ
,,и разными прiемами возбуждать въ
,,нихъ желанiя и удовольствiя; таковъ
,,бы долженъ быть и вездѣ ихъ жребiй.
,,Есть ли ты хочешъ содержать себя
,,въ независимости отъ сего пола и въ
,,нѣдрахъ удовольствiя и наслажденiя

,,быть свободнымъ, то подражай ба-
,,бочкѣ. Вотъ изображенiе прямаго Фи-
,,лософа.,,

Большую часть сего разговора я со-
кращу, дабы приближиться скорѣе къ
заключенiю.

,,Предавайся, юный мой другъ! пре-
,,давайся очаровательнымъ вдохнове-
,,нiямъ утѣшенiя. Тѣ, кои думаютъ
,,что надобно щадить время, дабы до-
,,лѣе и прiятнѣе онымъ пользоваться,
,,говорятъ нелѣпость. Кто знаетъ,
,,можемъ ли мы располагать часами для
,,утѣхъ нашихъ опредѣленными? Мы
,,можемъ располагать токмо настоя-
,,щимъ временемъ; одни безразсудные
,,предполагаютъ жить въ удовольствiи,
,,и никогда не живутъ. Весьма худа та
,,Философiя, которая начертываетъ
,,вѣчное благоденствiе, какъ будто бы
,,жизнь человѣческая состояла въ ихъ
,,волѣ и они могутъ продолжить оную;
,,какъ будтобы веретено у нихъ въ ру-
,,кахъ и они непрестанно могутъ при-
,,бавлять нить жизни. Нещастный не-
,,вольникъ надежды и будущаго, поль-
,,зуйся настоящею минутою; въ по-
,,слѣдующую же тебя уже не будетъ.
,,Что до меня касается, то думаю, что
,,лучше прожить только десять лѣтъ,

,,и каждый годъ учинить достопамят-
,,нымъ чрезъ какое нибудь утѣшеніе
,,или наслажденіе, нежели жить притт-
,,цать и проводить оные въ печали,
,,будучи всего того лишеннымъ, что
,,способствовало бы къ пріятному дней
,,нашихъ препровожденію. Пусть зав-
,,тра погибнетъ все, но да будемъ ща-
,,стливы нынѣ! да усѣемъ краткое сіе
,,время цвѣтами по возможности! вотъ
,,мое правило.

Здѣсь философъ мой остановился, позволивъ мнѣ на нѣсколько минутъ погрузиться въ размышленіе о всемъ мною слышанномъ. По томъ взявъ меня за руку, послушай, сказалъ онъ: ,,Естьли
,,ученіе мое тебѣ нравится, естьли на-
,,ставленія мои кажутся тебѣ истин-
,,ны и естественны, есть ли рѣчь моя
,,подѣйствовала надъ твоимъ сердцемъ,
,,то я научу тебя, какъ легче и удоб-
,,нѣе исполнять мои правила.,,

Мы сошли въ круглую залу, о которой я говорилъ, гдѣ къ удивленію моему увидѣлъ я столъ, накрытый для двенадцати человѣкъ. Лишь только хотѣлъ я спросить у благодѣтеля своего, не съ нимъ ли живутъ тѣ особы, для которыхъ прочіе приборы

приготовлены, какъ вошла толпа молодыхъ нимфъ, красоты безподобной, которыя поклонившись намъ, заняли свои мѣста, съ отмѣнною рѣзвостію, веселостію и пріятностію. ,,Ты видишъ, сказалъ мнѣ великодушный мой ,,хозяинъ, соучастницъ моихъ удоволь-,,ствій, и тѣхъ изъ моихъ друзей, ко-,,торыхъ привожу я сюда съ собою. ,,Отъ тебя единственно будетъ зави-,,сѣть сдѣлаться участникомъ нашихъ ,,утѣхъ и избрать изъ сихъ богинь ,,лучшую для препровожденія съ нею ,,времени.,, Суди самъ, пріятенъ ли былъ нашъ ужинъ. Я почиталъ себя пренесеннымъ во страну волшебницъ. Какія совершенства, какіе прелести соединены были въ сихъ красавицахъ! какая пріятность! какой вкусъ въ одѣяніи! какая ловкость и какая любезная искренность ежеминутно была въ нихъ видима! Казалось, что каждая желала быть мною предпочтена, и каждая взорами и прелестями говорила: ,,мнѣ отдай яблоко и бу-,,детъ за то награжденъ.,, О другъ мой! какое сильное побужденіе произвели во всѣхъ моихъ чувствакъ столь прелестныя лица! какъ воспылали страсти въ сердцѣ моемъ! Я предчувствовалъ то пріятное побужденіе, то прямое всего

нашего существа уничтоженїе, тотъ восторгъ, коимъ удовольствїе сопровождаемо бываетъ. Я не зналъ, которой изъ нихъ дать преимущество; сердце мое предавшись сильному движенїю, заблуждалось въ той прїятной нерѣшимости, которая не послѣднюю степень сладострастїя составляетъ.

Я провелъ цѣлую недѣлю въ семъ загородномъ домѣ; но я не въ силахъ изъяснить тебѣ всѣхъ перемѣнныхъ явленїй, утѣхъ и наслажденїй моихъ! О сколь великую признательность ощущалъ я во глубинѣ моего сердца къ сему великодушному смертному, толь много меня облагодѣтельствовавшему! Преподанный мнѣ отъ него урокъ столь ясно и сильно былъ истолкованъ, что я никакъ его не позабуду. — По времени, когда своенравная фортуна стала ко мнѣ по прежнему благосклонна, я началъ соображать поведенїе мое съ мудрыми его правилами, и въ теченїи десяти лѣтъ ни одинъ еще разъ въ томъ не раскаивался, и почитаю себя совершенно щасливымъ.

Прости, мой другъ! размысли обо всемъ хорошенько, и извлеки изъ того для себя какую нибудь пользу; что жъ до меня касается, то учинивъ обѣтъ

посвятить жизнь на служенїе божеству утѣхъ, никогда нарушать онаго не намѣренъ. Теперь лечу въ объятїя нетерпѣливой Зюлимы; она зоветъ меня къ себѣ особою цидулкою, и я отвѣчалъ, что не позже десяти часовъ къ ней явлюсь. Часы скоро пробьютъ; посылаю къ тебѣ ее письмо, дабы ты покрайней мѣрѣ позавидовалъ удовольствїю и славѣ моей. — Прощай бѣдный разслабленный!

Изъ Парижа, Августа 6.

ПИСЬМО XXIV.

Зюлима къ Шевалье.

Что это значитъ, неблагодарной? Ты прїѣхалъ вчера, а я тебя еще не видала? Знаешъ ли, что это страшное преступленїе? Развѣ забылъ ты свое обѣщанїе? О ты заслуживаешъ, что бы я отмстила тебя согласясь по настоянїю съ толстымъ Лозюномъ, который больше недѣли не отступно къ

тому меня убѣждаетъ! Признайся, что столь долгое ожиданіе такова нерадивца означаетъ рѣдкую вѣрность и примѣрную съ моей стороны добродѣтель. Право я почти сожалѣю о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыхъ цѣны, кажется, ты нечувствуешъ.

И такъ, поспѣши, Шевалье! принудь меня забыть твой проступокъ хотя для того, что бы стыдъ, слабости, удовольствіе мщенія и досада незавлекли меня гораздо далѣе, нежели я желаю. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ бы самой на себя былъ досадно, естьли бы я нашла себя не въ состояніи защищаться и допустила поймать себя въ расплохъ тогда, когда ты, преисполненъ будучи сего военнаго жара, сего благороднаго и свойственнаго героямъ гнѣва, который содѣлалъ тебя толико славнымъ между нашими Амазонками, а меня съ тайною завистію удивляться заставилъ, когдабъ ты, говорю, пожелалъ ознаменовать себя новыми подвигами предъ моими глазами. Ты знаешъ, что я ни отставать, ни одолжаться не люблю; но кто за случай отвѣтствовать можетъ? Дьяволъ очень лукавъ! У него весьма много средствъ къ искушенію, особливо женщинъ, коихъ слабость ему извѣстна.

Не тревожся однакожъ слишкомъ. Я обѣщаюсь побѣдить искушенїе еще и сего дня; ежели слава отличиться своими подвигами тебя прельщаетъ, то прїѣзжай нынѣшнїй вечеръ. Ты найдешъ вкусной ужинъ и сладкїе и созрѣлые плоды, кои нетерпѣливо сорваны быть желаютъ. Жалкобъ было по истиннѣ, естьли бы другой, а не ты тѣмъ воспользовался! Однакожъ, ежели ты еще промедлишь, то я ни зачто уже не отвѣчаю. Прощай, Шевалье!

Понедѣльникъ въ 3 часа пополудни.

Цидулка отъ Шевалье къ Зюлимѣ.

Я виноватъ, Королева моя; но притомъ извиненїя достоинъ. Одно дружество содѣлало меня виновнымъ предъ любовiю; (я употребляю обыкновенное изъясненїе, но ты знаешъ, какой смыслъ оному дать надлежитъ). Сїе хладное и однакожъ милое божество и единственное, такъ сказать, по божкѣ утѣхъ, долженствовавшее имѣть у людей олтари, почти цѣлой день меня занимало. Я не могъ прежде шести часовъ

къ тебѣ появиться, а мнѣ извѣстно, что въ сїе время не бываешъ ты дома. Сего дня вечеромъ я хотѣлъ пришти къ тебѣ и безъ приглашенїя твоего. Письмо сїе вручится при твоемъ возвращенїи для того токмо, что бы предварить тебя, что я свиданїя не пропущу; а между тѣмъ прошу о мщенїи не помышлять; ибо то будетъ для меня не только не прїятно, но и обидно. .... Ежели ты имѣешъ плоды, кои нетерпѣливо сорваны быть желаютъ, то я страшной имѣю голодъ пожрать ихъ. Прощай, моя любезная! я прїѣду къ тебѣ не позже десяти часовъ: но чуръ не мстить до того времени. Что бы ни говорили, но мщенїе въ сердцѣ женщины не замѣнитъ удовольствїя, простить мущинѣ умѣющему заслужить оное; я же надѣюсь принудить тебя признаться, что сей мущина я.

Въ шесть часовъ съ половиною вечера.

ПИСЬМО XXV.

Маркизъ къ Графинѣ.

Наконецъ обладаю я симъ драгоцѣннымъ лицеизображенїемъ, которое назвали вы мнѣ даромъ почтенїя, довѣренности и дружбы, но которое, боюсь, не докучливостью ли моею было исторгнуто! Безъ сомнѣнїя слабое искуство не изобразило точно прелестныхъ вашихъ очей надъ душею моею владычествующихъ; но сїи суть ваши черты, ваши прїятности! се кротость, красота: это точно вы сами. Сїе лицеизображенїе будетъ въ отсудствїе ваше составлять все утѣшенїе мое; непрестанно станетъ приводить мнѣ на память образъ, и безъ того не заглади мыми чертами въ душѣ моей впечатлѣнный: я буду всегда носить его на моемъ сердце, покрывать лобзанїями, расточать на него ласки, на которыя не осмѣливаюсь, и которыя все мнѣ воспрещаетъ самимъ вамъ оказывать; оно будетъ безмолвнымъ и не чувствительнымъ свидѣтелемъ пламенной моей страсти и того огня, который угасить я долженствую. — Дражайшее начертанїе того, что я обожаю!

любезное и восхитительное изображенїе предмета страстно любимаго! да облабызаю, да облобызаю еще тебя! Воспрїими вмѣсто онаго клятву о вѣчномъ постоянствѣ, о ненарушимой вѣрности, о чистѣйшей и искреннѣйшей любви, которая до конца жизни моей неизмѣнною пребудетъ, хотя бы миллїоны вѣковъ продолжаться ей суждено было!

Но ахъ, сколь несносно любить, повторять то непрестанно; но къ симъ сладостнымъ утѣшенїямъ не присовокуплять множайшихъ еще лобзанїй, восторговъ и удовольствїй. До сего времени, какъ вамъ извѣстно, я не проступился ни въ одной чертѣ жестокихъ обѣщанїй, вами отъ меня исторгнутыхъ, и которыхъ, не взирая на ропотъ сердца моего, ни на минуту не поколебался я сдѣлать для разсѣянїя вашихъ сомнѣнїй. Вы говорили, что нужно то было въ разсужденїи собственной вашей слабости. Вы слабы! Ахъ, вы въ тысячу разъ больше имѣете твердости, или тысячу разъ меньше любви, нежели я! Я вижу васъ спокойною, веселою, рѣзвою и шутливою тогда, когда я страшное мученїе претерпѣваю, будучи печаленъ, задумчивъ, разсѣянъ, и соглашая по

перемѣнно желанія съ должностьми и должности съ желаніями моими. Нѣтъ ни часа, ни минуты, въ кои бы не смущали меня противные объты, не волновали сердца моего и непонуждали душу мою странствовать въ безпредѣльныхъ моряхъ нерѣшимостей, сомнѣній, затрудненій! О небесная красота! удовольствуй желанія мои, или научи меня умѣрять оныя; содѣлай меня участникомъ тайнаго блаженства, которое среди возстающихъ волнъ не нарушаетъ спокойствія вашего! О небо! для чего допустило ты воспламениться огню, которой ты же угасить повелѣваешъ? Уничтожъ нашу любовь, или не воспрещай намъ блаженнаго ея упоенія!

Изъ Парижа 30 Іюля.

ПИСЬМО XVI.

Отвѣтъ отъ Графини.

Ты жалуешся, мой другъ, тогда, когда я исполнена къ тебѣ благопріятства больше, нежели ты ожидать имѣлъ право. Такъ ли должно поступать по-

чтительному и покорному любовнику, каковымъ ты называешъ себя? Неблагодарной! развѣ уже не позволено предпочитать вѣчнаго спокойствія минутному удовольствію, въ своенравномъ только воображеніи уважаемому? Согласуется ли такая философія съ тайною наклонностію, влекущею насъ непреодолимо къ истинному блаженству? Что бы послѣдовало, естьлибъ мы, предавшись стремленію суетнаго желанія, покорившись поносному чувствъ побужденію, пожертвовали минутному благополучію нашими должностями, размышленіями, добродѣтелію? Слѣдующія неминуемо за преступленіемъ раскаянія (ежели только душа не совсѣмъ развращена и умѣетъ цѣнить справедливо вещи) отравили бы остатокъ дней нашихъ. Мы содѣлались бы добычею непрестаннаго горестнаго сожалѣнія, уничиженія нашего! Лишились бы (я говорю о себѣ?) чести, двадцатилѣтней невинности, за одно мечтательное наслажденіе какъ молнія преходящее. Ахъ, мой другъ! За такимъ преступленіемъ, въ коемъ укоряешъ себя, и котораго избѣжать можно было, слѣдуютъ неминуемо раскаянія и жестокія душевныя терзанія. Кто же бы за-

хотѣлъ купить за такую цѣну подобное щастїе? Вмѣсто того, что предполагая себѣ легкія лишенія, въ началѣ токмо нѣчто значущія, и обуздывая минутныя желанія по толику только стремительныя, по колику разсудокъ не употребляетъ всѣхъ своихъ усилій ради удержанія ихъ въ надлежащихъ предѣлахъ; кои потому токмо становятся непреодолимыми, что воля наша сама подъ иго ихъ подклоняется, мы пользуемся кроткимъ миромъ, внутреннимъ правыхъ душъ удовольствїемъ. Такое непрестанно продолжающееся щастїе (понеже причина его всегда существуетъ), кажется мнѣ, гораздо важнѣе того, какое тягостнымъ тебѣ представляется, и заслуживаетъ небольшимъ терпѣнїемъ быть куплено. Кто знаетъ, можетъ быть, призываемое тобою небо удовлетворясь сраженїемъ нашимъ, побѣдою безъ сомнѣнїя ему благопрїятною, и вознаградитъ нѣкогда твердое божественнымъ заповѣдямъ его повиновенїе? Можетъ быть увидимъ мы нѣжный нашъ пламень увѣнчаннымъ подъ знаменемъ священнаго Гименея. Я конечно удалена отъ того, чтобъ онаго желать, ибо это значило бы желать смерти супругу, который по мно-

тимъ причинамъ долженъ быть драгоцѣненъ (и котораго однакожъ возвращенія заставляешъ ты меня по нещастію опасаться); но естьли божественный Промыслъ всѣми происшествіями управляющій, приведетъ меня къ плачевной необходимости носить печальное одѣяніе, то по отданіи должныхъ слезъ памяти моего супруга, я рѣшусь, можетъ быть, вступить въ новыя обязательства съ человѣкомъ по сердцу моему.

Право, ты почти смѣяться меня принуждаешъ. Какъ можно тебѣ мыслить, что ты одинъ терпишъ мученіе; потому, что я кажуся тебѣ веселою, шутливою, смѣющеюся, ты и думаешъ, что я спокойна и что ни малѣйшей борьбы съ собою не имѣю? Развѣ ты не видишъ, что веселость сія притворна и что я наружно только смѣюся? Я предаюсь всякимъ шалостямъ, разсудкомъ позволяемымъ для того единственно, что бы перемѣнить вообраꙁеніе, обмануть тебя моею живостію и усыпить, буде возможно, нагłость чувствъ моихъ. Вѣрь, мой другъ! что въ самомъ дѣлѣ чувствительность моя ужасное терпитъ принужденіе, къ каковому строгій законъ насъ осуж-

даетъ, и что тотъ которой жалуется, не есть нещастнѣйшій. Но что нужды! тѣмъ будетъ славнѣе побѣда. Могло ли бы почесться заслугою восхожденіе на превысокую гору, когда бы пути, ведущіе на оную, были уравнены и гладки? Я вспомнила нѣкогда мною читанное, что пламенныя токмо души сражаться и побѣждать умѣютъ. Ежели съ такимъ драгоцѣннымъ преимущсствомъ можно надѣяться щастливаго успѣха, то кто больше насъ можетъ ласкаться вѣрною побѣдою? Такъ, мой другъ! Я читаю въ твоей душѣ и подобно какъ въ своей вижу, что она съ восхищеніемъ предается магическому добродѣтели и честности влеченію, потому что знаетъ прямую онаго цѣну. Вотъ для чего надежно и безопасно предалась я власти, какую воспріялъ ты надъ сердечными моими склонностями. Я увѣрена, что тебѣ столь же бы трудно было меня обезславить, какъ и мнѣ сносить стыдъ отъ презрѣнія и собственнаго своего укоренія. Обеспечена будучи таковымъ сугубымъ побужденіемъ, меньше уже опасаюсь я открыть тебѣ мое сердце, заставить тебя читать въ немъ оживляющія его чувства и сдѣлать тебя

повѣреннымъ всѣхъ возрастающихъ въ немъ помышленій. Въ самомъ укорененіи твоемъ нахожу я причину къ утѣшенію, забавѣ и удовольствію! Повѣрь, что для боязливой и мнительной души, предпочитающей смерть нарушенію строгихъ своихъ обязательствъ, нравственная извѣстность, что не имѣешъ нужды заглаждать какого либо преступленія, непремѣнно должна произвесть нѣкое истинное удовольствіе.

И такъ престань, другъ мой! негодовать на меня и не будь очень пасмуренъ. Увѣримся взаимно, что испытываемое нами мученіе, совершенно ничего не значитъ въ сравненіи горестныхъ упрековъ, жестокихъ жалобъ, каковыхъ худое дѣяніе всегда по себѣ оставляетъ. Да и можемъ ли мы еще жаловаться? Не ежедневно ли мы видимся? Глаза наши, при нескромныхъ свидѣтеляхъ, препятствующихъ намъ разговаривать, не сказываютъ ли взорами что мы другъ друга любимъ? Не безпрестанно ли мы присутственны другъ другу? Чувства и воздыханія наши не общи ли намъ? .... Имѣемъ ли мы такія склонности, которыя не были бы намъ взаимны? Чего жъ хочется те-

бѣ больше? что надобно еще для удовлетворенія твоего? Сколько есть любовниковъ гораздо насъ нещастнѣе, и которыя позавидовали бы нашему жребію, есть ли бы оный былъ имъ извѣстенъ? Естьли ты думаешь, что мы не довольно бываемъ вмѣстѣ; то другъ мой! станемъ видѣться чаще; будемъ видѣться у меня, и у моего друга (*); станемъ видѣться вездѣ, гдѣ можемъ. И буде возможно, усугубимъ искренность душъ, согласіе сердецъ и учинимся столько щастливы, сколько позволено намъ наслаждаться симъ единственнымъ щастіемъ.

Изъ Парижа 1 Августа.

(*) Здѣсь есть вѣрно пропускъ: мы не видали, что бы Маркизъ бывалъ у Маркизы Монклеръ, а сіе письмо оное предполагаетъ. Развѣ только сказать, что между ими сдѣлано было таковое распоряженіе, безъ включенія онаго въ ихъ переписку. Какъ бы то ни было, читатель удобно пополнитъ сей пропускъ, такъ какъ и тѣ, кои моглибы встрѣтиться въ послѣдствіи. (*Примѣчаніе издателя*).

Цидулка отъ Маркиза къ Шевалье, при коей посылаетъ онъ два предъидущія письма.

Какую смѣсь тонкостей написалъ ты ко мнѣ! Какое злоупотребленіе разума! Какая пустая метафизика! Ахъ, мой другъ! Я очень перемѣнился и подобныя вздоры не могутъ уже никакого произвесть во мнѣ впечатлѣнія. Я не беру на себя труда отвѣчать тебѣ на то, ибо оно того не заслуживаетъ; а за лучшее почелъ послать къ тебѣ два письма: одно отъ меня не весьма разсудительное, а другое отъ божества моего сердца. Въ нихъ найдешъ ты и неоспоримыя правила совершенно твоимъ противоположныя, и изображеніе искреннихъ моихъ чувствованій, которыя и твоими бы кажется быть долженствовали.

Въ четвергъ вечеромъ 7 Августа.

ПИСЬМО XXVII.

Шевалье къ Маркизу.

Ты совсѣмъ невидимъ сдѣлался, Лозанъ! Уже четвертой день, какъ я пріѣхалъ, но тебя ищу безполезно. Много надобно побѣдить затрудненій, чтобы съ тобою увидѣться? Куда къ чорту ты зарылся? А! понимаю: вѣрно погрязъ въ любовныхъ дѣлахъ своихъ. Будучи всегда у ногъ божества своего, ты забылъ и друзей своихъ: любовь ослабила въ тебѣ, когда не совсѣмъ уже разрушила, пріятное чувство дружбы; но мнѣ кажется, что чувствительное твое сердце обѣимъ симъ привязанностямъ удовлетворить долженствовало. Покрайней мѣрѣ станешъ ли принимать мои письма? Ибо когда нельзя съ тобою говорить, то надобно чтобъ я писалъ къ тебѣ. Мнѣ бы хотѣлось, буде только возможно, избавить тебя отъ насмѣшекъ, коимъ ты подвергаешся. Знаешъ ли, что говорятъ въ свѣтѣ о чрезмѣрномъ безуміи твоемъ? Ахъ, Маркизъ! по чести стыдно слышать что говорятъ о тебѣ повсемѣстно! Иногда желалъ бы я защитить и извинить тебя, но по безразсудномъ

твоемъ мнѣ признанiи, не остается никакого къ тому средства, и вижу, что ты принудишъ меня сожалѣть о тѣхъ стараніяхъ, каковыя имѣлъ я для образованія твоего. — Ну къ чорту, послушайся, доверши и увѣнчай покрайнѣй мѣрѣ начатое! Ежели наслажденіе, которое у самыхъ влюбленныхъ людей бываетъ гробомъ любви, не сдѣлаетъ тебя благоразумнѣе, то отъ сей минуты не скажу больше ни слова и предоставлю тебя плачевному твоему жребію.

Мнѣ вы очень кажетесь смѣшны съ Платоническою своею любовiю! Развѣ ты никогда не читывалъ „что какое „бы ни дѣлано было усилiе для утон„ченія любви, но признаться должно, „что желаніе ее возраждаетъ, утѣше„нíе питаетъ, искусное же наслажде„нíе двухъ существъ, чтущихъ сего „прiятнаго божка, постоянною ее содѣ„лываетъ.„ А ты даешъ водить себя за носъ и даже позволяешъ надъ собою смѣяться твоей безстыдницѣ! О глупинькой! посмотри, какъ она торжествуетъ и какъ издѣвается надъ трусостiю твоею: она увѣрена, что ты никогда не похочешъ ее обезславить. Симъ какъ бы въ рощъ клала она тебѣ, что

ты никогда онаго сдѣлать не осмѣлишься. Ежели тебѣ нравится чтобъ она надъ тобою ругалась, то мнѣ въ такомъ случаѣ ничего инаго дѣлать не остается, какъ сожалѣть о тебѣ. Признаюсь, что я отъ тебя никогда этаго не ожидалъ!

Свиданія ваши одинъ на одинъ, думаю, прекрасны; какъ бы мнѣ хотѣлось хотя на одну минуту посмотрѣть на васъ! Ты, будучи холоденъ какъ мраморъ, едва, думаю, осмѣливаешся раскрыть ротъ и возвесть глаза слушая со вниманіемъ хладное нравоученіе или нелѣпыя разсужденія; а она дѣлаетъ тебѣ восхитительныя наставленія, говоритъ какъ проповѣдникъ и пророческимъ произноситъ голосомъ: что только одни пламенныя души сражаться и побѣждать умѣютъ. Ахъ, госпожа проповѣдница! Ты безъ сомнѣнія читала превосходныя письма Юліи де Вольмаръ; и потому не удивляюсь больше твоей безмѣрной чувствительности, твоему романическому къ добродѣтели воспаленію. Но утѣшьтесь, сударыня! вашъ Сентъ Пре съ великимъ терпѣніемъ подождетъ, пока вдовство ваше (хотя бы послѣдовало оное чрезъ нѣсколько миліоновъ вѣковъ) позволитъ вамъ увѣн-

чать нѣжной его пламень подъ торжественными узами Гименея; есть ли вы сами изъ великодушнаго сожалѣнія не сократите нѣсколькими годами горестнаго страданія его и откровенно ему не скажете: ,,другъ мой, собирай розы, для содѣланія изъ нихъ ложа своей любовницѣ.,, А что до него касается, то онъ конечно не поторопится; ибо онъ весьма чтитъ сильное ваше къ добродѣтели прилѣпленіе, узы васъ связующія, оковы удерживающія васъ, ваши должности, клятвы и пр. и пр. однимъ словомъ, все достопочтенное сборище. Онъ очень можетъ подождать, пока храбрый вашъ супругъ возвратится изъ дикаго острова, воспріиметъ васъ въ древнія свои объятія и изъявитъ (буде можетъ) райскія сладости; бѣдняшка же, между тѣмъ остолбенѣвши и не смѣя пошевелиться, много что удовольствуется сказать вамъ глазами или другимъ какимъ образомъ, что онъ васъ любитъ, и то же самое услышитъ повторяемое вашими прелестными устами. Любовникъ вашъ столь милой человѣкъ, что не многаго требуется для удовлетворенія его: самыми маловажными ласками вы сдѣлаете его щастливымъ, между тѣмъ какъ другой не удоволь-

ствовался бы самою существенностїю. Не упускайте его изъ рукъ, сударыня, я вамъ совѣтую. И поелику нравятся вамъ очень Сильфы, то случай удивительнымъ образомъ вамъ благопрїятствуетъ. Изъ тысячи попытокъ думаю, не удалось бы вамъ столь смѣшно попасть — на то, что такъ для васъ надобно было.

Безъ сомнѣнїя насмѣшки мои становятся колки, и ты за то можетъ быть на меня осердишся; но признайся однако жъ, что ты оное заслуживаешъ, и что моей только добродѣтели и снисхожденїю свойственно не открыть о тебѣ нашимъ мудрецамъ и не показать тебя такимъ, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ. Я тебя люблю и съ сожалѣнїемъ вижу, что ты погибаешъ. И такъ оставь, любезной другъ, свое страшное заблужденїе, пока есть еще время, и не провождай въ скукѣ краткихъ дней своихъ! Представь себѣ какихъ утѣхъ ты лишаешся, и какими бы могъ наслаждаться. Можетъ быть ты ихъ и пожелаешъ, но уже то будетъ поздно. Какїя горькїя раскаянїя приготовляешъ ты себѣ, сопротивляяся натурѣ! Сколь ложное понятїе составилъ ты себѣ о Богѣ любви!

,,Сей рѣзвый богъ есть дитя,
,,Всегда новыми цвѣтами укращающїйся.
,,Видъ его прїятенъ, взоръ смѣющїйся.
,,Онъ рѣзвясь, бѣгаетъ по всему свѣту!
,,А сверхъ того имѣетъ крылья.
,,Щастливъ, кто подобно ему, лѣтаетъ!
,,Во Францїи настоитъ нужда въ крыль-
,,яхъ!
,,Какая непрїятная вещь скука!
,,И сколько скуки въ постоянствѣ!
,,Оно подобно стоячей водѣ,
,,Въ водоемѣ заключающейся.
,,Ни что не цвѣтетъ; все кажется мер-
,,тво
,,Окрестъ сей заключенной воды.
,,Но ручей въ теченїи своемъ,
,,Рѣзвящїйся вокругъ орошаемыхъ имъ
,,цвѣтковъ,
,,Блуждающїй и извивающїйся разно-
,,образно,
,,То около жонкиля, то около розы,
,,Никогда двухъ разъ на одномъ цвѣткѣ
,,не останавливается;
,,Но скачетъ, журчитъ и всегда убѣ-
,,гаетъ.
,,Сей блестящїй и непостоянный ручей,
,,Начертываетъ тебѣ восхитительное
,,изображенїе
,,Удовольствїй лучшихъ нашихъ дней!...

P. S. Къ статѣ: вчера проѣхалъ я въ каретѣ мимо твоей Нимфы. Нѣкто, бывшій со мною, узналъ твое божество и мнѣ ее назвалъ. Я тотчасъ на нее взглянулъ; случившееся къ стати помѣшательство въ проѣздѣ поблагопріятствовало моему любопытству. На досугѣ имѣлъ я время разсмотрѣть твою дражайшую. Она подлинно имѣетъ нѣкоторыя прелести, и позволяется оказать ей нѣкоторую учтивость и постараться объ ней; но любить ее, Алозанъ, стыдно! Зюлима наша во сто разъ ея лучше и любезнѣе; то есть, несравненно больше умѣетъ съ людьми обращаться.

Изъ Парижа 9 Августа.

ПИСЬМО XXVIII.

Зюлима къ Шевалье.

Какой ты непостижимой человѣкъ! Чѣмъ больше тебя разсматриваю, тѣмъ больше удивляюсь! Я недумаю, что бы твое мужество имѣло когда либо подражателей. Будучи преисполнено къ

на къ тебѣ почтенїемъ и уваженїемъ, принужденною нахожусь взирать на тебя, какъ на нѣчто вышеестественное! Могутъ ли, въ будущїе вѣки, повѣрить, чтобъ нашелся такой человѣкъ, которой бы всегда бывъ ополченъ, былъ всегда же готовъ и къ сраженїю? Скажи, храбрый Алкидъ! простой ли ты смертный, или вспомоществуемый магїею и очарованїемъ? Насилу опамятовалась я отъ изумленїя, въ какое мужество твое меня повергло! Со всею моею неустрашимостїю, признаюсь не шутя побѣжденною и уступаю тебѣ торжественныя пальмы. Никогда не была я въ такомъ изнеможенїи и никогда не имѣла такой нужды въ отдохновенїи! При всемъ томъ однакожъ не могла я сомкнуть глазъ въ прошедшую ночь. Сказанное тобою о Маркизѣ столь сильно меня растрогало, что я ни о чемъ больше не думаю. Весьма бы прискорбно было, естьли бы онъ насъ оставилъ; ибо потеря его не легко можетъ замѣниться; да и я не изъ тѣхъ Султаншъ, для коихъ такое лишенїе равнодушно. Это былъ, что называется, человѣкъ надобный. Онъ почти заставлялъ насъ забывать твое отсутствїе, или по крайнѣй мѣрѣ умѣлъ награждать оное;

и такЪ сколь жалко было бы лишиться сей достойной утѣхЪ нашихЪ подпоры! Не большой мой умишко изобрѣлЪ средство возвратить его кЪ намЪ. Прїѣзжай поскорѣе, ежели ты не занятЪ. Мы вмѣстѣ о томЪ подумаемЪ, и можетЪ статься, вЪ томЪ успѣемЪ; но прошу отложить на сей разЪ оружїе, понеже я не вЪ состоянїи сражаться. ВпрочемЪ будь здоровЪ прїятнѣйшїй, величайшїй и непобѣдимѣйшїй изЪ всѣхЪ нашихЪ ГероевЪ!

ИзЪ Парижа 10 Августа.

ПИСЬМО XXIX.

МаркизЪ АлозанЪ кЪ Шевалье.

Вразуми меня пожалуй, Шевалье, что это за дружба, которая кЪ издѣвкѣ обиду, кЪ насмѣшкѣ оскорбленїе присовокупляетЪ? — Когда бы ѣдкое и сатирическое перо твое, жестокїя и неслыханныя ругательства и исполненныя желчи и полыни разговоры одного только меня имѣли своимЪ предметомЪ, я могЪ бы не оскорбляться, притвориться

не понимающимъ, или простить тебѣ оные; но твои убійственныя шутки нарушаютъ даже должное почтеніе къ самой добродѣтельной и несравненной женщинѣ: ты дерзаешъ злословить ту, которую чтитъ сердце мое; ту, которой вся вселенная учинила бы поклоненіе, естьли бъ только извѣстна оной была неизмѣнная ея добродѣтель! . . . Ты осмѣливаешся — Я стыжусь повторять дерзостныя хулы, устами твоими безстрашно произносимыя. Я не долженъ скрыть отъ тебя, что я уже не тотъ, кто былъ прежде, а потому и не могу онаго сносить. Извѣщая тебя, что такой поступокъ мнѣ противенъ, и что неблагопристойность и злоязычіе твое весьма меня оскорбляютъ, надѣюсь, что сіе сдѣлано тобою въ послѣдній разъ, и что ты не доведешъ меня противъ желанія моего къ непріятной необходимости заставить тебя прекратить рѣчи, отвращеніе во мнѣ производящія.

Я примѣчаю, что тѣ, кои говорятъ съ такою надмѣнностію о терпимости, сами по себѣ суть люди самые нетерпѣливые. Ясно вижу, что должно убѣгать совершенно сообщества развратниковъ тому, кто не хочетъ со-

глашаться съ ихъ мнѣнiемъ. Они думаютъ подчинить все своимъ рѣшенiямъ: когда же имъ сопротивляются, то бѣсятся; досада и гнѣвъ раздражаютъ неукротимую ихъ гордость. Нѣтъ больше ничего для нихъ священнаго: честь, праводушiе, довѣренность, дружба, все становится жертвою непримиримаго ихъ духа. Что до меня касается, я не пекусь ни о томъ, что они сказать, ни о томъ, что сдѣлать могутъ. Я насмѣхаюсь тщетнымъ усилiямъ ихъ. Пусть ожесточается злоба, пусть воспламеняется бѣшенство, пусть, какъ изволятъ меня поносятъ и поражаютъ жестокими и ядовитыми своими стрѣлами: я ни мало не поколеблюсь въ моей рѣшимости. Тройный Горацiевъ щитъ укроетъ меня отъ всѣхъ наносимыхъ ими мнѣ ударовъ. Сужденiя, осмѣянiя, самыя даже ругательства ихъ я презираю, и не уважаю упреками, дѣлаемыми мнѣ въ непристойности. Честные люди отдадутъ мнѣ справедливость, а ихъ-то однихъ одобренiя и хочу я содѣлаться впредь достойнымъ. Да и можно ли мнѣ стыдиться дѣлая доброе, прилѣпляясь къ истинѣ и оставляя постыднаго заблужденiя огнь, который освѣщаетъ васъ къ вашей по-

гибели, ведетъ въ бездну путемъ, цвѣтами усѣяннымъ? Нѣтъ, нѣтъ: стыдиться должно тогда только, когда дѣлаешъ худо; предаваться влеченїю добродѣтели никогда преставать не надобно; никогда не поздно познавать и чувствовать прямое блаженство! И тому надобно быть величайшему злодѣю, кто никогда не замѣчалъ сего восхитительнаго образа, и кто, насладившись онымъ единожды, захотѣлъ бы самоизвольно забыть его совершенно.

Что принадлежитъ до тебя, Шевалье, я надѣюсь, что ты сохранишъ тайну, ввѣренную тебѣ по моей дружбѣ. Тебѣ извѣстны ненарушимыя правила прямой чести. Я позволяю тебѣ все прочее, но относительно довѣренности, будь совѣстенъ. Въ семъ пункпѣ я не могу слышать поношенїя равнодушно, и мнѣ весьма будетъ прискорбно забыть, что ты былъ мнѣ другъ и что я всегда есмь твой.

Поелику различный образъ нашихъ мыслей возмущаетъ блаженное сердецъ нашихъ согласїе; и поелику оный былъ бы содержанїемъ всегдашнихъ насмѣшекъ, споровъ, несогласїя и шутокъ между нами: то всего лучше прекратить свиданїя наши. Мы оба можемъ

статься, останемся чрезъ то въ выигрышѣ: ты занимаяся единственно перемѣнными своими забавами, а я предаваясь совершенно пріятному сердца моего влеченію и пользуясь безъ разсѣянія сладостями новаго моего состоянія. Надобно, чтобы ты прислалъ ко мнѣ всѣ мои письма, не исключая и сего; такія вещи не должны оставаться въ рукахъ третьяго, а особливо, когда онъ явно оказываетъ непріятельскія покушенія. —

Изъ Парижа II Августа.

Цидулка отъ того же и къ тому же.

Я думалъ, что требованіе моихъ писемъ очень скоро исполнено будетъ тобою; но ты вмѣсто того велѣлъ посланному моему сказать, что будешъ отвѣчать на мое письмо; слѣдовательно ты хочешъ надо мною посмѣяться. Я требую не отвѣта на мое письмо; оный безполезенъ, совершенно безполезенъ, и ты можешъ освободить себя отъ сего труда, потому, что оный не

будетъ принятъ. Письма мои, еще разъ тебѣ повторяю, письма хочу я имѣть. Я полагаю, что посланный мой безъ нихъ не возвратиться, и что ты не принудишъ меня посылать за ними въ третій разъ, или итти самому къ тебѣ за оными.

Писана въ тотъ же день, въ которой предъидущее письмо.

ПИСЬМО XXX.

Шевалье къ Зюлимѣ.

Поспѣши, прелестная Зюлима, довершить послѣдній ударъ изобрѣтеніемъ своимъ: безъ того все погибнетъ, и нашъ несмысленный молодчикъ такъ ускользнетъ отъ насъ, что никакимъ образомъ возвратить его будетъ не возможно. Новая Армида! усугубь искуствомъ очарованія свои прелести; принудь сего гордаго и свирѣпаго врага положить оружіе предъ божкомъ веселія и вступить паки подъ его знамена. Для воспаленія чувствъ его, для возбужденія желаній и погруженія въ

сїи жаркїя восхищенїя, въ сїи сильные и пожирающїе восторги, въ коихъ человѣкъ самый холодный, самый безчувственный и рѣшившїйся совершенно не жертвовать на олтарѣ богини, мятется, колеблется, не владѣетъ собою, и наконецъ преклоняетъ предъ истуканомъ колѣна. Не щади ни пронзительныхъ взоровъ, ни трогательныхъ разговоровъ, ни краснорѣчивыхъ выраженїй, ни оживленныхъ уловокъ, ни нѣжныхъ ласкъ, ни роскошной томности: однимъ словомъ, ничего не опусти; не забудь ни какого рода прельщенїя. Естьли надобно, то употреби и убѣдительную философїю, дабы токмо отвлечь вѣроломца отъ мнимой добродѣтели и привлечь въ свои объятїя вопреки всѣхъ безумныхъ клятвъ въ постоянствѣ и вѣрности, и вопреки всѣхъ его рѣшимостей прилѣпиться къ честности и добродѣтели. Тебѣ извѣстно, что два прекрасныхъ глаза, орошенныхъ слезами нѣжности и утѣхъ, для зрителя не безопасны. Припомни, какъ Психа внушила любовь самому божку сластолюбїя и утѣхъ, оросивъ лице его своими слезами. Когда же все сїе останется безуспѣшно, и ты со всѣми пособїями уловокъ и прелестей

не побѣдишъ глупыхъ бѣглеца нашего предразсудковъ; то я уже не знаю, что предпринять намъ для исцѣленія его отъ очарованія. Думаю, что надобно будетъ тогда отсѣчь во все надежду ввести его паки въ храмъ Эпикура. Естьли духъ фанатизма овладѣетъ мозгомъ горделивца, то рѣдко чтобъ изступленіе его не продолжалось до конца жизни его; буде же и случится иногда, что онъ познаетъ свое заблужденіе, то стыдъ и самолюбіе удерживаютъ его въ прежнихъ чувствованіяхъ; по наружностижъ всегда видно, что онъ не перемѣнилъ ни мыслей, ни правилъ своихъ.

Естьли бы заблудшій нашъ молодецъ слѣдовалъ моему совѣту, и не взирая на сомнѣнія своей красавицы, упоился послѣдними утѣхами любви; то легко бы могло случиться, что по насыщеніи единожды желаній, по удовлетвореніи страсти и по утоленіи чувствъ своихъ, увидѣли бы мы его паки къ намъ прилѣпившимся: ибо всегда одинъ предметъ производитъ наконецъ скуку и отвращеніе, такъ какъ одинакое кушанье, одинакія зрѣлища и впечатлѣнія становятся тягостны въ продолженіи. И одинъ разумной стихотво-

рецЪ говоритЪ, что скука родилась отЪ единообразности. Посему всякой свѣтской человѣкЪ сообразуясь сЪ такими правилами, никогда кЪ одному предмету не прилѣпляется.

Все сіе объяснялЪ и перетолковывалЪ я Маркизу различнымЪ образомЪ; но вотще трудился я возбудить желаніе, раздражить самолюбіе и оживить благородную дерзость вЪ разсужденіи его прелестницы; ничто не могло пробудить его отЪ нелѣпаго усыпленія. ИзЪ предпріимчиваго, дерзновеннаго, каковымЪ онЪ былЪ, сдѣлался нынѣ столь робокЪ, смутенЪ, почтителенЪ, какЪ школьникЪ подЪ надзираніемЪ педантовЪ. ПримѣтивЪ, что все мое краснорѣчіе вѣтромЪ развѣваемо было, или падало на безплодную землю, долженЪ я былЪ употребить убійственныя оружія, то есть, шпынство и осмѣяніе. Я такЪ разсуждалЪ вЪ себѣ: ради излѣченія зараженныхЪ частей надлежитЪ отрѣзывать ихЪ до живаго, и кЪ одержимымЪ АнтоновымЪ огнемЪ сЪ ножемЪ приступать надобно; но сей послѣдній приступЪ столь же малой имѣлЪ успѣхЪ, какЪ и прежніе. Письмо мое (ты Зюлима заставила меня ожидать отЪ него щастливаго успѣха) ни кЪ чему больше

не послужило, какъ къ возбужденїю противъ меня негодованїя, къ лишенїю довѣренности и къ приведенїю меня въ несостоянїе предпринять что либо для исцѣленїя его. Онъ хочетъ, что бы мы перестали быть друзьями, и что бы впредь никакой не имѣли между собою связи. Писалъ ко мнѣ, что бы я прислалъ къ нему его письма; по моемъ отказѣ, повторилъ онъ тоже угрожающею цидулкою, почему и отослалъ я къ нему оныя, ибо знаю, что онъ пришелъ бы самъ за ними. Изъясненїе о моемъ поступкѣ имѣло бы можетъ быть такїя слѣдствїя, коихъ избѣгать благоразумїе повелѣваетъ. Противникъ нашъ горячъ и вспыльчивъ, я также не очень равнодушенъ; а потому неизвѣстно, чѣмъ бы все оное кончиться долженствовало. Я почелъ за нужное дать пройти его вспыльчивости. По щастїю имѣлъ я благоразумную предосторожность списать копїи со всѣхъ писемъ и оставить оныя у себя. Въ послѣдствїи, есть ли не льзя уже будетъ привесть его въ разумъ, въ нихъ намъ не безъ нужды. Я писалъ къ нему для успокоенїя его и унизился даже до извиненїй. Надлежитъ ко всему принаравливаться, и въ пристойныхъ случаяхъ быть гибкимъ,

ласкательнымъ и расторопнымъ, дабы тѣмъ лучше вомщеніи своемъ надѣяться можно было.

Прости, прелестная Зюлима! Мнѣ нетерпѣливо хочется знать о успѣхѣ предпріятія твоего. Я много добраго изъ онаго себѣ предвѣщаю, и желаю не менѣе тебя, дабы исполнилось наше намѣреніе. Ступай, моя Принцесса, ознаменовать себя въ тысячу разъ славнѣйшимъ подвигомъ, нежели всѣ тѣ, каковыми ты доселѣ прославилась. Не о томъ идетъ дѣло (я употребляю простонародное реченіе и языкъ предразсудка), чтобъ развратить мудреца всегда таковымъ бывшаго, ибо это не трудно; но чтобъ развратить нечестивца отставшаго отъ своихъ пороковъ, то для сего гораздо большей тонкости и проворства требуется. Любезная моя! взирай на ожидающее тебя торжество, ежели ты возвратишся побѣдительницею изъ преславнаго твоего подвига!

Изъ Парижа 12 Августа.

ПИСЬМО XXXI.

Шевалье къ Маркизу.

Ты сердишся, Маркизъ! но ты самъ виноватъ, неблагодарной! Что иное я предпринималъ, какъ развѣ что всѣми силами старался воззвать тебя къ жизни? Шутки, сказанныя безъ малѣйшей злобы, внушенныя ревностною дружбою, и на кои я отважился съ тѣмъ единственно, дабы дать почувствовать настоящее твое положенie, которое тебѣ неизвѣстно, должны ли были привесть желчь твою въ движенie и разгорячить до того, что бы разрывать союзъ съ старымъ своимъ другомъ, коего искренняя къ тебѣ привязанность доказана была многими опытами? Ахъ, любезной другъ! до чего несправедливое и слѣпое предубѣжденie довесть въ состоянiи? ...

Ежели бы я думалъ, что искренность моя тебѣ не понравится, что вольность моя въ рѣчахъ оскорбитъ тебя; то конечно большую употребилъ бы осторожность и ничего бы не сказалъ обиднаго. Могъ ли я воображать себѣ, что ты оскорбишся за похвальное и благородное усилie дружества, старав-

щагося вывести тебя изъ заблужденія? Да положимъ, чтобъ и подлинно было оное обидно: то искренность, съ каковою мы съ тобою обращались (не говоря о другихъ моихъ правахъ), не уполномочивала ли меня говорить тебѣ со всевозможною твердостію? Не должна ли она извинить меня въ позволенномъ мною на тебя нападеніи, которое при томъ ничего не пристойнаго въ себѣ не заключало, хотя ты таким оное и почитаешъ? Скажи лучше, что ты обрадовался случаю отдалить друга, коего присутствіе тебя отягощало, поелику онъ былъ бы ежечастнымъ слабости и слѣпоты твоей свидѣтелемъ, и что ты паче всего страшился его надзиранія и справедливаго укоренія. — Не одобряющая истина рѣдко внемлема бываетъ, и я теперь вижу, что къ человѣческому сердцу одно только подлое ласкательство можетъ имѣть доступъ. Дабы остаться чьимъ другомъ, то надобно почитать дурачества и всѣ заблужденія его.

Такъ, мой другъ! Ежели бы я совершенно одобрялъ поведеніе твое, ежели бы восплескалъ намѣренію твоему, восхвалилъ перемѣну, ежели бы увѣще-

валъ тебя пребывать твердо въ твоей рѣшимости, то не только не лишился бы твоей благосклонности, но ты назвалъ бы меня другомъ, братомъ, самымъ ближнимъ твоимъ. Я пріобрѣлъ бы надъ сердцемъ и волею твоею неограниченную власть, и симъ способомъ достигъ бы скорѣе къ цѣли своей, то есть, наставить тебя на путь истинный; но будучи не способенъ ко лжѣ, презирая лицемѣрство, проклиная двоедушіе и не присвоивая себѣ такихъ чувствованій, коихъ не имѣю, я почелъ за лучшее сказать тебѣ откровенно все, что ни думалъ; а сіи-то искренніе мои совѣты и предостереженія тебя и огорчили; по чему отнынѣ стану я поступать инымъ образомъ. Лишеніе твоей дружбы для меня было бы весьма чувствительно; и потому стану лучше скрывать мученіе и огорченіе, какія упрямство твое мнѣ причиняетъ.

Возврати мнѣ свою довѣренность; я обѣщаюсь не противорѣчить тебѣ въ странномъ вкусѣ и романическихъ твоихъ чувствованіяхъ. Клянусь, что стану, подобно тебѣ, чтить добродѣтельный предметъ нѣжнаго твоего пламени, и ничего себѣ не позволю, что можетъ уязвить твою щекотливость. И

кто знаетъ, не я ли самъ заблуждаю и дѣйствую противу здраваго смысла? Кто знаетъ, можетъ быть я и самъ въ подобное состоянiе завлеченъ буду тобою! примѣръ иногда опасенъ бываетъ. Я право не отчаяваюсь содѣлаться нѣкогда правовѣрнымъ.

Изъ Парижа 12 Августа.

ПИСЬМО XXXII.

Графиня къ Маркизѣ Монклеръ.

Наконецъ завѣса разорвалась, и мнѣ теперь ничего не остается, кромѣ стыда и раскаянiя, что чувствовала любовь къ такому человѣку, которой того недостоинъ. О Боже! къ какому чудовищу горѣла я виновнымъ пламенемъ! Небо, не одобряющее моего пламени, ты мнѣ отмстило! Ахъ, я весьма жестоко наказана за свой проступокъ!

О другъ мой! въ какомъ я была заблужденiи! въ какомъ ты сама была въ разсужденiи сего человѣка! Да и ктобъ не обманулся толь обольщающими признаками? Какъ можно скрывать сердце

столько обманчивое и гнусное подъ видомъ столь прїятнымъ, откровеннымъ и честнымъ? Какъ можно съ душею, зараженною всѣми пороками, говорить столь хорошо языкомъ добродѣтели? Какъ можно впредь повѣрить виду и наружности человѣческой? Казалось, что онъ совершенно оставилъ заблужденїе и своевольство; раскаянїе его въ проступкахъ молодости казалось столь истинно и естественно! — Столь много являлъ онъ счастливыхъ расположенїй прилѣпиться къ добродѣтели! — Разговоры его казались столь правдивы, обѣщанїя столь искренни, рѣшимости столь истинны! — Ахъ! ясно теперь вижу, что онъ поступалъ какъ змѣя, медленно влекущаяся, которая пресмыкаясь, стремится достичь цѣли, къ каковой влечетъ ее натуральное ея побужденїе. Такъ, весьма легковѣрный мой другъ! молодой человѣкъ, коего чистосердечїе ты столь мнѣ хвалила, коего искренность, непринужденность, кротость и простосердечїе столь прославляла, которой по твоему мнѣнїю не способенъ къ обману, лжи, вѣроломству; котораго почитала ты достойнымъ любви и уваженїя моего, сей человѣкъ, любезная моя, ни-

что иное, какъ гнусный лицемѣръ, хитрой обманщикъ, самой презрительный развратникъ! Перемѣна его ничто иное, какъ притворство; мнимое обращенїе одна сѣть для уловленїя честной женщины, въ самомъ же существѣ онъ всегда тотъ же и сердце его до нынѣ еще въ узахъ порока и нечестїя.

Слабыя мои прелести были виною воспаленїя нечистыхъ его желанїй. Видя, что прельстить меня инако не можетъ, какъ прикрывшись маскою честнаго человѣка, сообразуясь съ моею склонностїю и показываясь добродѣтельнымъ, онъ ласкался, что сими уловками и притворствомъ обманетъ легковѣрность мою и легко достигнетъ цѣли безчестнаго своего умысла. — Вотъ задача рѣшена. — Въ какїя опасныя сѣти я было запуталась! По щастїю не поздно еще выведена я изъ заблужденїя, и могу остановиться на самомъ краю бездны. Не уже ли онъ думалъ, что небо одобритъ его злоумышленїе? Непреложный Творецъ истины можетъ безъ сомнѣнїя допустить до того, что бы невинность впала въ минутное заблужденїе, дабы не весьма уповая на свои силы, возлагала она довѣренность на помощь свыше; но Онъ не потерпитъ,

что бы въ противность воли Его учинилась она добычею злодѣйства и гнуснаго вѣроломства. Боже мой! простершись предъ Тобою, возводя къ Тебѣ руки мои, молю и благодарю Тебя, что ты открылъ завѣсу заблужденія и гибели моей! окончи дѣло Твое: очисти воспаленное, и увы! горящее еще порочною любовію сердце мое! возврати мнѣ прежнюю силу, мужество, благородство и достоинство мое! Поручаю себя благотворной Твоей помощи; простри мнѣ вспомоществующую Твою десницу и учини, что бы желанія и дѣла мои всегда святой волѣ Твоей были сообразны!

Смятеніе, въ какое повергло меня сіе поздное открытие, гнѣвъ, бѣшенство и досада, что обманулась на одно мгновеніе суетными отъ самаго злаго человѣка увѣреніями, едва не произвели того, что я окончила было мое письмо, не извѣстивъ о томъ, что сама собою узнала я по нещастію. Перечитывая написанное, примѣтила мою глупость, весьма, думаю, извинительную въ подобномъ случаѣ. И такъ присовокупляю къ посланію еще лоскутокъ, дабы ты прочла въ короткихъ словахъ видѣнное мною собственными моими

глазами. Прости смятенію моему и извини безпорядокъ мыслей, едва позволившихъ мнѣ различить писанное.

По утру сего дня выѣхавши со двора очень рано по домашнимъ моимъ дѣламъ, и находясь въ той части, гдѣ живетъ Маркизъ, велѣла я на возвратномъ пути ѣхать по той улицѣ. Мнѣ хотѣлось мимоѣздомъ поздравить его съ добрымъ утромъ и попросить къ себѣ обѣдать. Сверхъ того я находила истинное удовольствіе, нѣкоторый родъ утѣшенія для себя (одной только любви свойственно познавать цѣну подобныхъ мѣлочей), чтобы ѣхать мимо дому его. Я не стану разсказывать тебѣ о всѣхъ тѣхъ бредняхъ, кои занимали меня до самаго пріѣзда къ его жилищу. Сіи дѣтскіе разсказы, сіе ребячество повторяются безъ скуки между одними любящимися: дружба же столь холодна, что таковыми пустыми предметами, но однакожъ пріятными, когда любишъ, не можетъ заниматься. — Карета моя напослѣдокъ остановилась. Лакей отворилъ двери, чтобы спросить, чего я хочу, и лишь только хотѣла я приказать.... какъ увидѣла (суди о моемъ удивленіи, движеніи, смущеніи и ужасѣ!) я увидѣла выходящую изъ

дома Маркизова танцовщицу, прославившуюся болѣе любовными своими дѣлами, нежели дарованїями, называющуюся Зюлимою. Прохаживаясь нѣкогда на бульварѣ, нѣкто мнѣ ее замѣтилъ. Кажется, будто я имѣла предчувствїе, что въ послѣдствїи признаки ея лица будутъ мнѣ не безполезны; ибо столь хорошо ее замѣтила, что она незагладимо впечатлѣлась въ моемъ воображенїи. И такъ я совершенно ее узнала, не смотря на переодѣянїе ея (она одѣта была по мужскому). Такое неожидаемое зрѣлище, чрезъ множество родившихся идей произвело столь же сильное надо мною дѣйствїе, какъ бы громовый ударъ, меня поразившїй. Языкъ мой онѣмѣлъ, я обезпамятѣла, и едва могла вынуть скляночку со спиртомъ, дабы очувствоваться. Напослѣдокъ опамятовавшись, сказала я лакѣю, ждавшему моего приказа у каретныхъ дверецъ, что я хочу ѣхать домой и ничего больше. Похабница находилась еще въ дверяхъ дома, и узнавъ меня сама, или придверникъ Маркизовъ сказалъ ей мое имя, захохотала весьма громко, посмотря на меня. Ахъ! безъ сомнѣнїя, вообразила я себѣ (дѣлая при томъ кучеру знакъ спѣшить отъѣздомъ), вѣроломецъ

увѣдомилъ сїю дѣвку о моей слабости. Они за одно смѣются простотѣ и искренности моей. Въ праздное время служу я имъ матерїею къ разговорамъ и насмѣшкамъ; можетъ быть они уговорились похитить славу мою и лишить меня всеобщаго уваженїя. Вотъ, вотъ причина ругательныхъ насмѣшекъ, оскорбительныхъ взглядовъ танцовщицы. (И минуту спустя) что я видѣла? Не сонъ ли? Подлинно ли я не сплю? глаза мои не обманываютъ ли меня ложными призраками? возможно ли, что бы онъ такой соперницѣ мною пожертвовалъ? Ахъ! такъ (отвѣчала я въ то же время сама себѣ) нѣтъ ничего сего истиннѣе: часъ, въ который она отъ него выходитъ, переодѣянїе, торжественный ея видъ; все, все мнѣ доказываетъ, что они недолгое время препроводили вмѣстѣ! Сколь я была ослѣплена! какъ могла я надѣяться привязать къ себѣ человѣка, издавна привыкшаго погружаться въ забавы всякаго рода? Какъ могла я надѣяться, чтобъ человѣкъ порочной и распутной отъ самой своей юности нашелъ вкусъ въ честности, въ душевномъ удовольствїи, въ наслажденїи, на сердечныхъ чувствованїяхъ основанномъ? Ахъ, мнѣ должно было

знать, что не легко премѣняются склонности поврежденаго сердца; а я могла повѣрить вдругъ притворнымъ и невозможнымъ обѣщаніямъ' А я могла имѣть пустую надежду премѣнить сіи склонности! Могла чтить, любить его, имѣть къ нему чувствованія, приличныя токмо другу, брату, супругу; и должно ли сказать, любезнѣйшему изъ любовниковъ: О! я достойна моего жребія?

Въ таковомъ-то смятеніи отъ различныхъ помышленіи, въ таковомъ-то горестномъ положеніи возвратилась я домой! Объятая моею скорбію, тяжко воздыхая, и имѣя глаза слезами орошенные, я едва могла стоять — такъ отягчена была печалію! заперлась въ кабинетѣ, и никого не велѣла пускать къ себѣ, кромѣ тебя. Проведя два часа въ такомъ изнеможеніи, и наконецъ освободясь отъ мыслей утрудившихъ меня, рѣшилась я описать тебѣ картину тяжкой скорби моей. — Неблагодарной! я жертвовала ему должностію, честію, благоразуміемъ, собственнымъ уваженіемъ, всемъ; онъ все составлялъ для меня; вся вселенная безъ него была для меня ничто: и кто знаетъ, до чего бы довело меня столь опасное упоеніе? — Повѣришъ ли, что онъ едва разстался

съ нещастною танцовщицею какъ имѣлъ дерзновеніе придти ко мнѣ? Должно признаться, что злодѣи бываютъ не устрашимы. Мнѣ принять его? видѣться съ нимъ еще? — Ахъ! я и такъ уже много наказана за мое съ нимъ знакомство, и что столь не осторожно предавалась вѣроломнымъ его взорамъ! Нѣтъ, нѣтъ, никогда я сего не сдѣлаю! Гнусное присутствіе его меня бы только тяготило и увеличивало раскаяніе мое. Суди однакожъ о моей слабости! Я боюсь дать въ разсужденіи его исключительное и непремѣнное повелѣніе. До сего времени я только приказывала вообще никого къ себѣ не пускать, но я страшусь той минуты, въ которую должна буду произнесть жестокій приговоръ, никогда съ нимъ не видѣться.

Изъ Парижа 13 *Августа.*

ПИСЬМО XXXIII.

Зюлима къ Шевалье.

Повѣришь ли, Шевалье, что со всѣми прелестями, со всѣми очарованіями, благо-пріуготованными и отмѣнно расположенными ухищреніями, не смотря, что употреблены мною всѣ пособія пріятностей и притяженій, и что снабжена была я не устрашимою дерзостію; повѣришь ли, что мнѣ не удалось въ славномъ нашемъ предпріятіи, и я возвратилась, по пословицѣ, съ носомъ? Сіе безъ сомнѣнія тебя удивитъ, да и я сама столь была удивлена, что едва опамятовалась отъ изумленія, въ каковое таковая неудача меня повергла. Признаюсь, что сіе произшествіе весьма уменьшаетъ то высокое мнѣніе, каковое до нынѣ имѣла я о моей силѣ и власти. Я столь унижженна, что покушаюсь оставить свой промыселъ и не являться больше на глаза людскіе; столь раздражена, что въ сію минуту всякому, кто бъ со мною ни встрѣтился, готова выцарапать глаза. Вотъ та гордая женщина, которая Князей и Героевъ влекла при своей колѣсницѣ, которая льстилась простран-

нѣйшимъ и величайшимъ обладанїемъ, нежели Нинино и Клеопатрино; которая хотѣла, что бы ничто не сопротивлялось, и все уступало силѣ ея прелестей, ея очаровательнымъ прїятностямъ! Вотъ, говорю я, не въ силахъ она привести въ разсудокъ молодаго шалуна и воспрепятствовать ему дѣлать дурачества! Сколь униженна кажуся я въ собственныхъ глазахъ моихъ! по чести, я лишилася всякаго уваженїя и поклоненїя, доселѣ мнѣ воздаваемаго; да и кто захочетъ воздавать оное впредь, ежели узнаетъ о моей неудачѣ? Стерпѣть обиднѣйшїй отказъ, не смотря на самыя рѣшительныя позывы и прелестныя уловки! — Прошу тебя, Шевалье, хранить и не разглашать моей тайны; ибо чувствую, что не могу перенести стыда, естьли сей случай сдѣлается свѣту извѣстнымъ!...

Не умолимый Маркизъ, надмѣнный и гнусный смертный, низкїй и вѣроломный человѣкъ! трепещи, не благодарный и жестокїй Алозанъ! — ты узнаешъ Зюлиму, трепещи! это не та уже больше Зюлима, кроткая, ласкающая, предупреждающая, веселонравная, играми и смѣхами всегда сопровождае-

мая ; это не та уже Зюлима, которая употребляла голосЪ СиренЪ, искуство Армиды, пособія Мессалины, дабы содѣлать тебя плѣнникомЪ, возбудить спящія твои чувства, возобновить утѣхи, и наконецЪ прельстить и подчинить тебя своимЪ законамЪ : Зюлима болѣ уже отчаянная, пренебреженная, отверженная, оскорбленная ; Зюлима вознамѣрившаяся отмстить за себя ! не думаешЪ ли ты, что гордящаяся своими прелестями и ревнующая по красотѣ своей женщина снесетЪ терпѣливо, чтобы подлый рабЪ любви, презиралЪ ея пріятности ? Видно, не извѣстно тебѣ, что раздраженное самолюбіе женщины, паче же вЪ нашемЪ классѣ людей, несравненно опаснѣе ревности ! ты можетЪ быть думаешЪ, что сія послѣдняя страсть кЪ первой не присоединится и не усилитЪ гнѣва и ярости моей ? Но обманываешся ; бѣшенство мое подвигнетЪ противЪ тебя небо и землю ; дабы прежде, нежели умру, могла я увидѣть тебя наказаннымЪ за недостойное твое презрѣніе!

Но куда увлекаюсь я гнѣвомЪ и отчаяніемЪ моимЪ? Я забыла, что кЪ тебѣ, Шевалье, а не кЪ нему письмо мое посылаешся, и слѣдовательно не могутЪ

достигнуть до него изъявленія справедливаго моего оскорбленія! — Невольное сіе разсѣяніе показываетъ тебѣ по крайней мѣрѣ, до какой степени я имъ раздражена, и что не я буду виною, естьли мы не отмстимъ совокупно измѣннику, насъ оставившему. Но возвратимся назадъ. Пріуготовься къ выслушанію подробностей нещастной моей исторіи.

Сего дня по утру очень рано одѣлась я по мужскому, такъ какъ мы согласились, что бы не встрѣтилось какой трудности въ допущеніи меня къ Маркизу; бросивши два, или три взгляда въ зеркало, дабы воспріять приличную осанку, сѣла я въ фаетонъ и вмигъ очутилася въ передней у Маркиза. Это было въ девять часовъ. Мнѣ сказали, что онъ еще не всталъ; тѣмъ лучше, подумала я, того-то самаго я и желала. (Ты знаешъ, Шевалье, что такое положеніе есть самое благопріятное впечатлѣніямъ сладострастія). Я послала каммердинера его провѣдать, проснулся ли его господинъ, и въ такомъ случаѣ сказать ему, что одинъ молодой человѣкъ имѣетъ сообщить ему важныя вещи, и проситъ согласія его на минутной разговоръ, не

нарушая впрочемъ его покоя. Человѣкъ скоро возвратяся, сказалъ мнѣ, что я могу войти.

Вы видите предъ собою Маркиза (сказала я приближась къ его постелѣ и здѣлавши два или три поклона Кавалерскихъ), нещастнаго любовника, оставленнаго немилосердо любовницею, которая для него неоцѣненна. — Незнаете ли вы какого средства возвратить непостоянницу въ первыя ея узы? (Маркизъ узналъ меня; незапная блѣдность покрыла лице его, и онъ какъ бы остолбенѣлъ). Скажите, продолжала я смѣючись (видя, что онъ ничего не отвѣтствуетъ), что совѣтуете вы мнѣ начать? — По истиннѣ (сказалъ напослѣдокъ соревнователь Селадоновъ, стараясь сокрыть смятеніе, присудствіемъ моимъ ему причиненное и съ полу-улыбкою), это не очень похвально для васъ, госпожа Зюлима. — (Ахъ, сказала я сама въ себѣ, вижу, что великая послѣдовала перемѣна. Прежде не была я у него, ни вы, ни Госпожа...) не похвально, говорю, приводить такимъ образомъ въ замѣшательство людей, и въ такое время, когда они со всѣмъ того не ожидали. — Припиши сіе, Маркизъ, истинной и искренней привязан-

ности. — Я не вижу связи между сею мнимою привязанностiю и вашимъ посѣщенiемъ. — Ахъ! Маркизъ, ты очень знаешъ причину, которая сюда меня привела; не безъизвѣстно также тебѣ и то, что слишкомъ три мѣсяца тебя нигдѣ не видно; развѣ ты думаешъ, что друзья твои спокойно сносятъ твое отсутствiе? Чего хотите вы отъ меня, сударыня? (И все съ учтивостiю) вкусы и склонности наши перемѣняются; потому-то и мои не тѣ уже, что прежде были; мнѣ кажется, что я нашелъ гораздо прочнѣйшiя утѣхи, нежели какiя до ссле были мнѣ извѣстны. Не ужли вмѣняете вы оное мнѣ въ преступленiе? — Очень хорошо; но твои новыя утѣхи долженствуютъ ли заставлять тебя покидать прежнiя, паче же всего терять изъ виду, бросать, а можетъ быть, и презирать друзей, доставлявшихъ тебѣ оныя? — Но новыя утѣхи несравены съ прежними, и это было бы желать соединить вмѣстѣ несогласныя вещи; чтожъ касается до моихъ друзей, то не презирая ихъ совершенно, я удаляюсь отъ нихъ токмо для того, чтобы не возмутить ихъ забавъ, и чтобъ не наскучить такому обществу, въ

которомъ все настоящимъ моимъ склонностямъ противуположно.

Я не стану больше продолжать неприятнаго сего разговора, котораго одно воспоминаніе кружитъ мнѣ голову; а скажу тебѣ однимъ словомъ; любовныя мои уловки были презрѣны, ласки отвержены; издѣваяся надъ моими разсужденіями, отвѣчалъ онъ хладнокровно на мои шушки. Я хотѣла было оживить разговоръ и украсить рѣчь свою нѣкоторыми естественными и рѣзвыми изъясненіями; но онъ наложилъ имъ тотчасъ молчаніе; я старалась напѣвать о нѣжности, о чувствительности, а мнѣ безстыдно смѣялись подъ носъ; я покушалась на все, и все было безполезно; измѣнникъ пребылъ неколебимъ; ничто не могло разгорячить его и извлечь изъ стоической нечувствительности; онъ былъ столь холоденъ, какъ ледъ. Нѣтъ достаточнаго изображенія, что бы представить тебѣ, какой зделанъ былъ мнѣ пріемъ, и тотъ равнодушный и дикій видъ, какой онъ сохранилъ во все время посѣщенія моего.

Примѣтивъ, что ни что меня не приводитъ въ смятеніе, и что я не хочу отставать отъ него, хотя скука, по-

зѣвоты, всѣ пріемы его сказывали мнѣ довольно, что присудствіе мое чрезмѣрно было ему тягостно. Я знаю, сказалъ онъ сухо, кто сокровенно всемъ симъ дѣйствуетъ, кто послалъ васъ, и вами управляетъ. (Я однакожъ ничего такого не сказала, что бы могло заставить его подозрѣвать, что я въ согласіи съ тобою) но вы можете его предувѣдомить, что я не обманусь всѣми таковыми ухищреніями. Скажите ему, что я прошу его не больше брать участія въ дѣлахъ и поведеніи моемъ, какъ сколько я принимаю во всемъ томъ, что до него касается. — Оканчивая сіи слова, позвонилъ онъ своему лакею, приказалъ ему приготовить все, что нужно для одѣванья. — Прости, государь мой! (сказалъ онъ мнѣ полуучтивымъ тономъ) я очень сожалѣю, что не могу больше дѣлить съ вами времени; дѣла, не терпящія отсрочки, принуждаютъ меня идти со двора. — И такъ я его оставила, браня сквозь зубы и кленя отъ чистаго сердца дураковъ и дуръ.

Вышедши на улицу, я примѣтила остановившуюся у воротъ дома Маркизова карету. Любопытство побудило меня къ ней подойти; я увидѣла не

знакомую мнѣ женщину, которая показалася смущенною, какъ скоро меня увидѣла; она даже забыла и то, что приказать хотѣла, и скрылася въ уголъ кареты. Таковая странность внушила мнѣ подозрѣніе, не Дульцинея ли то была Маркизова; въ чемъ и утвердилъ меня приворотникъ Маркизовъ. Не хотя потерять сего случая, что бы разглядѣть получше сію сіятельную соперницу, я приближилась къ каретѣ и устремя на цѣломудренную взоръ, съ великимъ смѣхомъ вскричала: фу къ чорту! это истинно забавно! право это весело! она не могла долго сего сдержать, и сказала лакею своему, который какъ дуралей, ожидалъ у дверецъ около четверти часа приказу, что бы ѣхали домой. Отъѣзжая бросила она на меня два или три высокомѣрныхъ взгляда, которыя возвратила я съ лихвою. Вотъ, что мнѣ воображается: сія Весталка безъ сомнѣнія имѣла нѣчто сказать непрестанному воздыхателю своему: увидя меня отъ него вышедшую, конечно меня узнала; тотчасъ острая ревности стрѣла поразила чувствительное ея сердце. Она почла себя обманутою, измѣненною, осмѣянію подверженною. Отъ того изступленіе

овладѣло ею; я прочла въ ея глазахъ (которыя отнюдъ не такъ хороши, какъ намъ ихъ превозносили) досаду, гнѣвъ, любовь, ненависть, зависть, гордость, негодованіе, мученіе, и что всего ужаснѣе, опасность быть оставленною вѣроломнымъ любовникомъ. Смотря на нее, пріятно мнѣ было въ глазахъ ея изъявить преимущество, которое будто брала я надъ нею въ сердцѣ Маркизовомъ, и воздать ей сторицею часть золъ, ею мнѣ причиненныхъ. Мнѣ казалось, что заставя ее раздѣлить со мною страданія мои, чувствовала я себя облегченною.

Какъ ты думаешъ, Шевалье, такая нечаянная встрѣча не поблагопріятствуетъ ли мстительнымъ нашимъ предпріятіямъ? Я почти увѣрена, что она подозрѣваетъ меня въ препровожденіи времени съ любовникомъ своимъ, и что ему весьма будетъ трудно вывести ее изъ сего мнѣнія. Прекрасная причина къ ссорѣ, ежели они захотятъ оную начать! И по чему знать, не сыщемъ ли мы между тѣмъ, другихъ какихъ средствъ, которыя бы могли воспрепятствовать примиренію ихъ? Кто знаетъ, захочетъ ли она еще и видѣться съ нимъ для услышанія

оправданій его? Она можетъ быть не станетъ принимать и писемъ его. Женщина такого свойства, почитающая себя оскорбленною, и думающая, что имѣетъ къ тому причину, рѣдко возвращается къ прежнему своему обхожденію, а рѣже еще перемѣняетъ мысли и рѣшимость свою; особливо, когда наслажденіе не укрѣпило еще печатію ея привязанности. Вы напрасно говорите, что наслажденіе есть гробъ любви. Это истинно въ разсужденіи мущинъ, да и они имѣютъ исключеніе; но женщины, у которыхъ склонности и утѣхи гораздо чувственнѣе, прилѣпляются еще болѣе чрезъ наслажденіе. — Кто также знаетъ, не раздражитъ ли онъ еще болѣе своей Принцессы, когда увидится съ нею? Онъ невиненъ, и горделивая невинность воспрепятствуетъ ему унизиться до изъясненій, иногда необходимыхъ. Когда бы онъ былъ виноватъ; то можетъ статься, извинился бы гораздо удобнѣе. — Но какъ бы ни обратилось дѣло сіе, для насъ я ничего больше не усматриваю, кромѣ причины къ удовольствію, и того, въ чемъ упражнять себя злотворному нашему уму. Надобно только сыскать средство провѣдать,

что у нихъ произойдетъ; а сїе-то и предоставляю я плодовитому твоему воображенїю.

Прости, Шевалье! когда прїѣдешь ты утѣшить меня въ постыдномъ моемъ паденiи? .. По крайнѣй мѣрѣ пиши ко мнѣ, и постарайся возвратить мнѣ то доброе мнѣнiе, каковое я доселѣ о самой себѣ имѣла.

Изъ Парижа 13 *Августа.*

ПИСЬМО XXXIV.

Отъ Маркизы къ Графинѣ д' Озамбрюнъ.

Скорѣе, скорѣе утѣшся, моя милая! умягчи твой гнѣвъ, не проливай больше слезъ и проси немедлѣнно у меня прощенiя за то, что не хотѣла мнѣ вѣрить, когда я сказывала тебѣ, что онъ не виненъ. Такъ, онъ въ самомъ дѣлѣ таковъ; прежде я такъ только думала, теперь же въ томъ увѣрена. Я имѣю въ рукахъ самыя убѣдительныя доказательства, но ты ихъ не увидишъ. Надобно, чтобы ты во всемъ положилася на меня; я надѣюсь, что

шы повѣришь слову моему; да и какая польза мнѣ тебя обманывать?

Тебѣ извѣстно, что съ начала и я почитала его виноватымъ; по тому что всѣ признаки были противъ его. Ты не знала однакожъ, что я дѣлила твое огорченіе, и что также какъ и ты была на него сердита. Припомни, какъ мы называли его обманщикомъ, клятвопреступникомъ, чудовищемъ, бездѣльникомъ, человѣкомъ, не имѣющимъ чести, вѣры, праводушія, и пр. Думаю, что, естьли бы онъ появился ко мнѣ тогда въ домъ, то я бы въ состояніи была выцарапать ему глаза. Столь поступокъ его казался мнѣ недостойнымъ и презрительнымъ.

Но по первыхъ впечатлѣніяхъ размышляя о прошедшемъ поведеніи Маркиза, который мнѣ казался человѣкомъ правдивымъ, искреннимъ, честнымъ; и не могши согласить онаго съ произшествіемъ, говорила я тебѣ, что есть тутъ какая-нибудь тайна, которая превышаетъ мое проницаніе. Мнѣ представлялось не возможнымъ, что бы послѣ учиненнаго имъ признанія, послѣ сказываемаго имъ о заблужденіи своемъ раскаянія, сильнаго увѣренія, каковое, казалось, самъ онъ

имѣлъ, что истинное блаженство въ одной только добродѣтели заключается, послѣ стараній моихъ узнать все его свойство изъ дѣланныхъ въ пользу его заключеній; послѣ того, какъ ты сама надзирала за его поступками и не нашла ничего, что бы могло послужить въ предосужденіе ему; послѣ всего онаго не возможно, что бъ онъ былъ такъ виновенъ, каковымъ мы его почитали. Ты не согласна была съ симъ сужденіемъ весьма снисходительнымъ, по мнѣнію твоему, и основаннымъ на слѣпомъ единственно предъубѣжденіи, на похвальной нѣжности души, недовѣряющей такимъ преступленіямъ, къ каковымъ чувствуетъ себя неудобною; я твердо пребывала въ моемъ мнѣніи, и хотѣла принудить тебя допустить его къ себѣ съ тѣмъ, что бы выслушать его оправданіе: но ты была не упросима. Нещастный! вчерась и сего дни безполезно приходилъ онъ къ воротамъ твоимъ; ты отсылала, и письма его не удостоя прочесть ихъ, ты требовала, что бы и я запретила ему входъ къ себѣ, со всѣмъ не принимала бъ его писемъ, и въ угожденіе тебѣ должно было оное обѣщать. — Знаешъ ли, что естьли ты на кого разсердишься; то

не умѣешъ уже поступить снисходительно. Чтожъ до меня принадлежитъ, то не имѣя ни твоей чувствительности и добродѣтели, ни столь нѣжнаго сердца, каково твое; и не имѣя щастія быть подъ пріятнымъ рабствомъ любви, я признаюсь, что никогда не имѣла бы столь великой рѣшимости, или паче такой твердости, крѣпости и жестокосердія. Прости мнѣ сіи изъясненія; обстоятельства ихъ оправдываютъ.

Возвращаясь сего дни въ вечеру домой, обдумывала я, какимъ бы образомъ уклониться мнѣ отъ обѣщанія исторгнутаго тобою противъ воли моей, что бы со всѣмъ не пускать къ себѣ Маркиза. Не скрою отъ тебя, что имѣя тысячу причинъ не почитать его таковымъ преступникомъ, каковымъ ревность твоя тебѣ его представляла, я великое имѣла желаніе съ нимъ видѣться и поговорить. Любопытство мое было удовольствовано сверхъ чаянія моего. Пріѣхавши домой увидѣла я на дворѣ карету. Мнѣ сказываютъ, что то Маркизова, и что онъ съ девяти часовъ меня дожидается. Я поспѣшила взойти въ верхъ. Шумъ при входѣ моемъ принудилъ его

выдти изъ усыпленія, въ каковомъ казался онъ быть погруженнымъ. Онъ всталъ, какъ бы нечаянно пробудившійся. По обыкновенныхъ и недолговременныхъ учтивостяхъ, спросилъ онъ у меня, не знаю ли я, для чего не хочешъ ты больше видѣть его? Знаю, отвѣчала я ему съ довольною твердостію; и вотъ, присовокупила я, подавая ему письмо, весьма сильное оправданіе поведенія друга моего. Взявши оное трепещущею рукою, поцѣловалъ почеркъ и съ плачевнымъ вздохомъ открылъ его. Въ продолженіе чтенія, увидѣла я катящіяся по лицу его слезы. Когда возвратилъ онъ мнѣ письмо; то не было ни одной строки, которая бы слезами не была орошена. Слава Богу! вскричалъ онъ по окончаніи чтенія. Понеже приписываемое мнѣ преступленіе теперь извѣстно, то я не умру безъ оправданія; онъ попросилъ позволенія у меня позвать своего слугу, которому приказавъ итти домой, велѣлъ взять пакетъ съ письмами, лежащій у него на столикѣ, и возвратиться немедлѣнно. Въ продолженіе сего промежутка, онъ мнѣ разсказалъ все, что происходило между имъ и танцовщицею, и изъяснилъ отъ части причину столь

страннаго посѣщенія. — Вотъ, въ кра-ткихъ словахъ, завязка сей хитрости! — Орда развратниковъ, оскорбленная отлученіемъ одного изъ главныхъ своихъ сочленовъ, употребила все возможное стараніе обратить его паки къ постыднымъ своимъ обязанностямъ; множество попытокъ отъ однихъ и другихъ дѣлано было безполезно; напослѣдокъ употребили для сего распутную женщину. ,,Это была Армида ,,посланная и наставленная демонскимъ ,,Гидраотомъ для уловленія благород-,,наго рыцаря, для обращенія въ ничто ,,всѣхъ благоразумныхъ предпріятій; ,,но всѣ сіи любовныя уловки и всѣ ,,очарованія волшебницы остались без-,,полезны. Она нашла Евстафія, ко-,,торый воспомянувъ прелести дра-,,жайшей и нѣжной Герминіи, умѣлъ ,,воспротивиться силѣ сихъ обманчи-,,выхъ и вѣроломныхъ пріятностей. ,,Щитъ любви предохранилъ его отъ ,,ядовитыхъ стрѣлъ порока. ,, Лишь только твой весьма вѣрной и драгой любовникъ окончилъ такимъ образомъ разговоръ, какъ слуга его возвратился съ пакетомъ писемъ. Вотъ (сказалъ нашъ герой, подавая мнѣ ихъ) оправдательныя бумаги, которыя подтвер-

дать вамъ, что все то, что я имѣлъ честь вамъ сказывать, есть сущая правда. Вы увидите тутъ изображеннаго меня таковымъ, каковымъ я по нещастiю былъ прежде, и каковъ я сталъ съ того времени, какъ небесное Существо внушило мнѣ склонность къ истинному добру. По симъ письмамъ можете вы оцѣнивать всѣ мои чувствованiя, и судить, заслуживаю ли я обидныя и несправедливыя подозрѣнiя любезнаго вашего друга, и до какой степени должно имѣть вѣроятность къ словамъ моимъ и къ настоящему моему поведенiю. Я требую отъ васъ того токмо, что бы гнусные и подлые подпищики сихъ писемъ не оскверняли никогда ни зрѣнiя, ни слуха самой добродѣтельной въ свѣтѣ женщины. Сiи скаредныя и отвратительныя картины были бы несносны для ея цѣломудрiя, и она никогда знать не должна тѣхъ язвительныхъ описанiй, каковыми недостойный мой другъ поражать ее осмѣлился. — (Извини, любезной другъ, я чувствую, что сказала много, по крайнѣй мѣрѣ не услышишъ ты окончанiя). По сихъ словахъ онъ меня оставилъ, извиняяся многократно предо мною, что помѣшалъ моему покою, и

прося убѣдительно вывести тебя изъ заблужденія и принудить по крайности возвратить ему твое уваженіе.

Вмѣсто того, чтобы ложиться спать, я спѣшила прочесть залогъ, оставленный имъ въ рукахъ моихъ. Тутъ нашла я въ самомъ дѣлѣ удовлетворительныя доказательства искренности, твердости, обѣщаній его, истины, горячей любви, и наконецъ невинности его; и повторяю еще, что я почитаю его достойнымъ тебя, твоего почтенія, привязанности, достойнымъ любви совершенной твоей благосклонности. Я предполагаю привести его къ тебѣ завтра обѣдать, и хочу, чтобы любовный и непринужденный поцѣлуй вознаградилъ худыя съ нимъ поступки и тѣ не справедливыя упреки, коими излишняя твоя строгость отягчила сего бѣднаго невиннаго.

Покойной ночи желаю любезнѣйшей и достойнѣйшей женщинѣ. Скоро настанетъ полночь, и я чувствую, что рѣсницы мои сжимаются. Я не хотѣла прежде заснуть, пока не извѣщу тебя о всемъ, что узнала, будучи увѣрена, что, чѣмъ скорѣе выведена будешъ изъ заблужденія, тѣмъ поспѣшнѣе сложишъ съ себя бремя ревности и гнѣва, ко-

ими сердчишко твое преисполнено. Письмо мое будетъ ожидать завтра пробужденія твоего, дабы уловить тебя нечаянно и возвратить тебѣ радость и удовольствіе, напрасными подозрѣніями у тебя похищенныя.

Изъ Парижа 14 Августа.

ПИСЬМО XXXV.

Шевалье къ Зюлимѣ.

Не удалось тебѣ, купидончикъ мой, и мое письмо возвратилъ онъ, не удостоивъ прочтенія. О! верхъ досады и бѣшенства! сколь поразительно сіе для самолюбія, которому никогда и ничто не сопротивлялось! добро же, Зюлима! я въ тысячу разъ больше тебя раздраженъ! и когда бъ я не погашалъ моей ярости, не удерживалъ движеній гнѣва моего, когда бы не остановлялъ дѣйствій сильнаго моего негодованія, дабы тѣмъ славнѣе и достойнѣе отмстить ему за насъ; то сей же часъ пошелъ бы принудить сего оглашеннаго намъ покориться или заставить

его объясниться со мною въ подломъ и постыдномъ бѣгствѣ своемъ. Измѣнникъ! обманщикъ! тогда, какъ познал онъ всѣ наши тайны, какъ открыли мы ему всѣ наши сокровенности, онъ вѣроломно уклоняется отъ нашего общества, гордо и съ соблазнительною огласкою насъ покидаетъ, и даже не сохраняетъ наружности по своей перемѣнѣ; а сіе то можетъ причинить великой вредъ въ умѣ нашихъ новопринятыхъ, и послужитъ поводомъ къ торжеству защитникамъ заблужденія и проповѣдникамъ лжи. По изъявленіи подлаго ласкательства въ бытность свою съ нами, безъ сомнѣнія намѣревается теперь онъ подшутить надъ нами со всѣми мерзавцами своими, коихъ сдѣлался послѣдователемъ; но не ужли думаетъ онъ, что мы снесемъ, не жалуяся на подобныя оскорбленія, и что спокойнымъ и равнодушнымъ окомъ будемъ смотрѣть на противоборство одного изъ нашихъ сочленовъ? Развѣ онъ думаетъ, что столь долговременно старавшись о его воспитаніи, напрасно потеряю я свой трудъ, и что не собравши инаго за сіе плода, кромѣ не благодарности и гнусной измѣны, тѣмъ удовольствуюсь? Можно ли ему думать, чтобы

великій Эпикуровъ первосвященникъ, пребылъ празднымъ и бездѣйственнымъ токмо зрителемъ святотатственныхъ открытій однимъ клятвопреступнымъ поклонникомъ? Нѣтъ, нѣтъ! да трепещетъ сей измѣнникъ! такъ, Зюлима, ты справедлива; да трепещетъ онъ! мы возжемъ молнію гнѣва предъ его очами, низпустимъ громъ мщенія на главу его; и какъ его, такъ и всѣхъ его окружающихъ поразимъ жесточайшими ярости нашея ударами!

Поелику онъ спокоенъ и имѣетъ нѣкоторое мужество, то и думаетъ, что угрозы его меня устрашаютъ и почитаетъ себя въ безопасности; но развѣ нѣтъ у меня въ жилахъ крови! а когда бы оная не столь горяча, остра и скора была, какъ его; то уже конечно не менѣе и не спокойнѣе течетъ въ нервахъ моихъ. Не шумныя и грозныя токи останавливаютъ преслѣдуемаго разбойниками человѣка; но въ рѣкѣ, подобной кроткому и спокойному сну, находитъ онъ купно и съ конемъ своимъ себѣ погибель. Развѣ забылъ онъ, что удовольствіе мщенія, удовольствіе божественное пробуждаетъ самыхъ животныхъ изъ усыпленія и нечувствительности! не ужли не помы-

шляетъ онъ, что уязвленное сердце всѣ пособія, всѣ средства употребляетъ ради удовлетворенія сей естественной страсти? Онъ забываетъ, что соединенныя усилія мущины и женщины, которыя имѣютъ одинакую нужду и пользу защищать себя, одно дѣло подкрѣплять, одну славу сохранять, одинакое самолюбіе довольствовать, одинакую гордость питать, одно торжество пріобрѣтать, могутъ извлечь огнь изъ средины водъ; а естьлибы потребовалось, то громъ и молнію съ небесъ похитить! но что намъ за нужда до его смѣлости, твердости, безпечности и неустрашимости? Тѣмъ лучше, когда онъ останется спокоенъ, тѣмъ меньше будетъ спасаться удара, нами ему пріуготовляемаго. Пусть усыпляется онъ вѣроломнымъ спокойствіемъ; оно будетъ смятенія и гибели его предвозвѣстникомъ. Станемъ въ тишинѣ изыскивать средства и располагать наши батареи. Весьма удивится онъ по своемъ пробужденіи, когда вмѣсто усыпаннаго цвѣтами ложа, на коемъ мнилъ онъ возлежать, обрящетъ себя въ бездну поверженна.

Получа твое письмо, я не потерялъ напрасно времени. Увѣренъ будучи так-

же какъ и ты, что намъ нужно знать о всемъ, что ни происходитъ, обратилъ я вниманіе мое относительно сего на Лозюна. Мнѣ хочется исторгнуть его изъ нѣкоей привязанности, какую имѣетъ онъ къ одной деревенской дѣвченкѣ: не ужьли и онъ вздумалъ влюбиться? Чортъ меня возми, я право думаю, что они оба съ ума сошли; но его не трудно будетъ возвратить на истинный путь. Я соглашу его пристать къ намъ, и скажу ему, какую роль играть онъ долженъ. Поелику онъ знакомъ съ Графинею д'Озамбрюнъ и къ ней ѣздитъ, то надобно ему у ней побывать и постараться узнать, какія произошли слѣдствія отъ ссоры (которая была на вѣрное) между любящими. Признаюсь тебѣ искренно, что я не полагаю великой надежды на сію не большую размолвку, воздвигнутую больше обстоятельствами, нежели нашимъ стараніемъ. Изъясненіе, за тѣмъ слѣдующее, не минуемо больше ихъ соединитъ, нежели поссоритъ; и такъ не для сего одного предмета предположилъ я употребить Лозюна. Мнѣ хочется, чтобы онъ вмѣсто меня пріобрѣлъ Маркизову довѣренность, и чтобы находился при немъ, какъ другой

я. Ты вѣрно постигаешь, какой извлечемъ мы плодъ изъ сей дружбы, ежели она только состоится. Теперь мое старание въ томъ состоять будетъ, чтобъ внушить Лозюну вѣрное средство, которое долженъ онъ употребить ради пріобрѣтенія Селадоновой довѣренности, и надѣюсь, что ему оное удастся. Хотя онъ не очень поворотливъ, но въ разумѣ нѣтъ у него недостатка; и ежели ему назначится путь, котораго онъ держаться долженствуетъ, то довольно и ловкости имѣетъ: а притомъ развѣ не я стану направлять его? Развѣ не я стану учреждать всѣ его шаги и поступки? Когда онъ своротится съ прямой стези, то я могу поставить его на оную. Онъ будетъ въ рукахъ моихъ какъ мягкой воскъ, который разумный художникъ образуетъ по своей волѣ, и заставляетъ его принимать на себя такой видъ, какой онъ дать ему захочетъ.

Я имѣю еще сильнѣйшую причину думать, что Лозюну не трудно будетъ пріобрѣсть довѣренность, которой я лишился. Сія причина основывается на необходимой нуждѣ, каковую любовники имѣютъ въ повѣренныхъ. Мнѣ извѣстно глупое и смѣш-

ное отродїе (племя): они думаютъ, что мнимое ихъ блаженство было бы несовершенно, когда бы не имѣли они кого нибудь (отъ котораго однакожъ требуютъ всегда глупой скромности), кому бъ могли они разсказывать свои заботы, скорби, нѣжныя жалобы, удовольствїе, ребяческїя забавы, дѣтскїя наслажденїя, однимъ словомъ, всѣ свои нелѣпости и дурачества. Прочти театральныя наши пїесы: тамъ скучные повѣренные становятся всегда подлѣ своихъ любовныхъ Героевъ. Въ трагедїи играетъ сїю скучную роль вельможа; въ комедїи глупой слуга, у котораго нѣтъ и столько ума, чтобы представить дурака. Ежели у любовника нѣтъ никого, кому бы могъ онъ ввѣрить любовный свой пламень, то разговариваетъ съ вѣтромъ, деревьями: сильное доказательство, что сїи люди имѣютъ родъ естественной надобности изликвать наружу свою радость или печаль, и что имъ всеконечно нуженъ тотъ или другой повѣренный. Я вспомнилъ объ одномъ изъ таковыхъ безумцевъ, который расказывалъ своей собачкѣ о тѣхъ благосклонностяхъ, кои оказывала ему его любовница.

Л 2

Роль наперстника поистиннѣ не очень забавна, и я ничего скучнѣе и не пріятнѣе оной не нахожу. Любовникъ говоритъ только о нѣжномъ своемъ чувствованіи; всѣ его рѣчи непрестанно относятся къ предмету, его прочаровавшему; онъ хвалилъ тебѣ пріемы, черты, пріятности онаго, и желалъбы, чтобъ и въ твоихъ глазахъ онъ таковымъ же казался, каковымъ въ очахъ его представляется. Ни о чемъ больше говорить не умѣетъ, кромѣ своего пламени, кромѣ своихъ огорченій и удовольствій. Онъ непрестанно возвращается къ одной матеріи, и всегда одно и тоже повторяетъ. Это, такъ сказать, попугай, который непрестанно лепечетъ, но всякую минуту тужe околесную начинаетъ. Это чижикъ, который однимъ тономъ щебечетъ и безпрестанно одно напѣваетъ. Такими вздорами можно малое токмо время утѣшаться.

Въ настоящихъ же нашихъ обстоятельствахъ не того требуется. Мы желаемъ знать, что будетъ происходить въ сердцѣ Маркизовомъ. Предпріятія наши располагаемы будутъ по обращенію его съ святошею своею. Естьли мы однажды можемъ увѣрить-

ся, что онъ исторгнулъ наконецъ последнюю благосклонность, (а надобно чтобъ то рано или поздо случилось) то тогда отмстимъ имъ, обнародовавъ связь ихъ и безчестїе дурищи. До того же времени рѣшимости наши зависятъ отъ случаевъ и отъ событїй. Вотъ почему важно для насъ обѣихъ брать столько осторожностей.

Ты, мнѣ кажется, весьма огорчена не большою твоею неудачею. Но утѣшся, дорогое мое дитятко, утѣшся. Хотя одинъ глупецъ не умѣлъ оцѣнить, чего ты стоишъ; но ты однакожъ тѣмъ не меньше прелестна сама по себѣ, ни меньше любезна на мои глаза; ни менѣе драгоцѣнна моему сердцу; словомъ, ты всегда Зюлима. Да и что! теряютъ ли бисеры доброту свою отъ того, что презираются свиньями? Голосъ соловья престаетъ ли быть прїятенъ отъ того, ежели глупая кокушка предпочитаетъ ему карканье ворона? и Аполлонъ меньше ли останется чрезъ то Аполлономъ, естьли не похваленъ будетъ Мидасомъ? Я скоро къ тебѣ буду; принужу тебя позабыть не большое неудовольствїе твое, и докажу тебѣ, что я знаю настоящую твою

цѣну. Будемъ утѣшаться глупостями другихъ, но наши утѣхи не должны пресѣкаться. — Прости обворожающая Зюлима. Воспріими розовыми своими устами миліонъ жаркихъ поцѣлусвъ!

Изъ Парижа 15 Августа.

ПИСЬМО XXXVI.

Лозюнъ къ Шевальс.

По причинѣ, что присудствіе мое въ Парижѣ не нужно и во мстителвномъ вашемъ намѣреніи способствовать не можетъ; поелику я не могъ ни малѣйшей пріобрѣсть отъ Маркиза довѣренности, то отправляюсь въ деревню стараться о собственныхъ моихъ любовныхъ дѣлишкахъ; и вотъ уже достигъ напослѣдокъ до совершеннаго моего благополучія. Со вчерашняго дня малютка принадлежитъ мнѣ, и теперь удовольствіе мое въ полной своей мѣрѣ. Мнѣ удалось открыть ей мою любовь и побѣдить ея сомнѣнія и предразсудки вразсужденіи сего; а какимъ образомъ оное происходило,

увидимъ изъ слѣдующаго: но напередъ должно нѣчто сказать объ ней.

Понеже ты никогда не видывалъ малютки любовницы моей, то и не можешъ себѣ представить, сколь она прелестна, и колико пріятности ея превосходятъ всякое изъясненіе. Имя Авроры для того кажется изобрѣтено, чтобы означить чрезъ оное свѣжесть тѣни, цвѣтъ ланитъ, прелестное расположеніе лица и ловкость ея! се можно назвать распускающеюся розою, соединяющею алость съ совершенною бѣлизною. Всякой бы подумалъ, что натура вмѣняла себѣ за удовольствіе истощать на нее свои дары, дабы всякое искусство безсильно было изобразить ея красоту. Какая трогательная во взорахъ застѣнчивость! Какая милая въ разговорахъ веселость! какая благородная во всѣхъ поступкахъ простота! Ахъ Шевалье! сколь великая разница между ею и нашими истощенными и устарѣлыми женщинами, занимающимися единственно изобрѣтеніемъ новыхъ ежедневно хитростей, ради учиненія насъ невольниками и возбужденія нашихъ желаній! Аврора столь прекрасна, что совсѣмъ не имѣетъ нужды въ тѣхъ поддѣльныхъ

украшенїяхъ, кои однимъ только дуракамъ предлагаются. Для привлеченія на себя взоровъ, ей нужно только показаться, для прилѣпленїяжъ къ себѣ всѣхъ сердецъ, надобно только промолвить. — Теперь выслушай, какія мною употреблены были средства для прїобрѣтенія Аврориной благосклонности.

Каждой день, по уменьшенїи солнечнаго жара, мать Авроры имѣла обыкновенїе прохаживаться по берегу рѣки, или въ долинѣ съ дочерью и племянницею своею. (Сія племянница очень безобразна, глупа и старѣе четырью или пятью годами Авроры.) Ежели не ѣздилъ я послѣ обѣда на охоту, то всегда сотовариществовалъ имъ въ сей прогулкѣ. Вчерась госпожѣ С. за нѣкоторыми дѣлами не льзя было выходить со двора; не желая же лишить сего удовольствія дочери, чрезмѣрно ею любимой, позволила ей итти прогуливаться съ своею племянницею, а меня просила сдѣлать имъ товарищество. Я охотно на оное согласился и вознамѣрился сей случай, которой сама любовь мнѣ доставляла, употребить въ свою пользу.

Я провелъ двухъ сестеръ въ долину

которая, какъ тебѣ извѣстно, отстояла отъ деревни около мили. Пробѣжавши большую оной часть, очутились мы въ самомъ благопріятномъ для меня мѣстѣ. Поскользнувшись нарочно и упавъ довольно: „ахъ! вскричалъ я съ болѣзнію, я изувѣченъ, и не трогаясь съ мѣста, держалъ обѣими руками ногу и желалъ увѣрить, что она вывихнута. “Обѣ сестры тѣснились около меня съ изъявленіемъ искренняго сожалѣнія и прямаго участія. Аврора же закричавши громко при моемъ паденіи, такъ онымъ огорчилась, что пролила нѣсколько слезъ въ присудствіи своей сестры. Я притворился, что хочу встать и старался приподняться съ помощію моихъ спутницъ, но ты можешь себѣ вообразить, что не то было у меня на умѣ, и что по многихъ попыткахъ, надлежало мнѣ паки упасть, сказавши, что мнѣ никакъ не льзя итти обратно пѣшкомъ, и что нога моя по видимому сильно повреждена. Ахъ! Что же намъ дѣлать? вскричали жалобно Нимфы. Аврора была не утѣшна и кляла отъ истиннаго сердца демона, внушившаго желаніе къ сей нещастной прогулкѣ. Я же испуская время отъ времени стонъ и вопль, какъ бы претер-

лѣвалъ страшную боль, обратился на послѣдокъ къ дѣвицѣ Арландѣ, племянницѣ госпожи С. и сказалъ ей: „сходите пожалуйте въ деревню, и скажите „моему кучеру, чтобъ онъ прїѣхалъ за „мною съ каретою; ибо я чувствую, „что мнѣ никакъ не возможно итти „пѣшкомъ.„ Харита пошла, и лишь только она удалилась, я взялъ Аврору на колѣни: „все сїе одна только хитрость съ моей стороны, сказалъ я ей „съ восхищенїемъ, употребленная мною „для того, чтобы хотя однажды „имѣть свободу изъяснить безъ свидѣтелей пламенную мою къ вамъ любовь „и горячность. Ахъ, прелестная Аврора! Естьлибъ вы знали, сколько вы „мнѣ драгоцѣнны и любезны! — Нѣтъ, „я никогда не сыщу достаточныхъ „словъ для изъявленїя пожирающаго „пламени и того восторга, который „меня объемлетъ, при воззрѣнїи на божественныя твои прелести!

Малюточка не могла опомниться отъ изумленїя, когда признался я ей въ моей хитрости. Изступленїе, въ каковое повергъ ее сей лукавой оборотъ, (такъ она его называла) препятствовалъ ей примѣтить, что она была у меня на колѣняхъ. Спамятовавшись, хо-

тѣла она вырваться и уйти; но я старался ее успокоить, разсѣять боязнь и увѣрить о чистотѣ моихъ намѣреній. Такимъ образомъ нѣсколько успокоивъ ее, сталъ я внимательнѣе и ближе разсматривать ее прелести: но какія совершенства открылись предо мною! Я сомнѣвался, дѣйствительно ли онѣ существовали и смертной ли принадлежали таковыя пріятности! Глаза мои едва могли насытиться толикими красотами! Я оставлялъ однѣ, чтобъ устремиться къ другимъ, желалъ бы всѣ вдругъ обозрѣть и пожрать моими взорами! Да чему и дивиться! Въ минуты изступленія человѣкъ бываетъ на себя не похожъ; но становится нѣчто непонятное и не изобразимое!

Однакожъ, чтобъ не наскучить тебѣ описаніемъ ея прелестей и прочихъ подробностей, то я сокращу мое повѣствованіе, а скажу только, что, для лучшаго удостовѣренія о поврежденіи моей ноги, сижу теперь дома и играю роль больнаго: а сіе было причиною, что нынѣшнее утро посѣтили меня госпожа С. и ея дочь. Сія послѣдняя столь для меня стала любезна, что я вознамѣрился на ней жениться. Ты назовешъ это дурачествомъ, пусть бу-

детъ по твоему; но вспомни при семъ пословицу: глупости, такъ какъ худыя и добрыя вѣсти, съ людьми неразлучны. Одинъ сочинитель сказалъ: когда овладѣетъ людьми дурачество, то они не прежде приходятъ въ натуральное свое состоянie, какъ по здѣланiи множества сумазбродствъ и нелѣпостей. Слѣдовательно нѣчему дивиться, естьли я смѣявшись прежде Маркизу, первой ему послѣдую, и естьли истинная и постоянная любовь заступитъ мѣсто ложной и преходящей.

Чтожъ касается до Маркиза, то, хотя онъ не дозволилъ мнѣ прочесть скрывающагося въ сердцѣ его, или лучше сказать, не захотѣлъ ввѣрить мнѣ своей тайны: но я со всею моею проницательностiю осмѣлюсь предсказать, что ему не бывать уже больше никогда подъ законами сладострастiя; и даже сомнѣваюсь, чтобы онъ сталъ стараться о прiобрѣтенiи послѣдней благосклонности у своей красавицы. Онъ столь много ее почитаетъ, что не захочетъ ее обезславить; столь сильно ее любитъ, что не пожелаетъ лишить ее собственнаго своего уваженiя; любовь его въ ней и въ блаженствѣ ея заключается. Онъ не для себя, но един-

ственно для нее любить ее. Почему весьма справедливо она заключает: что ему столько же бы трудно было (а я думаю труднѣе еще ее обезславить,) какъ и ей сносить презрѣніе и стыдъ. Истинная любовь заставляетъ предпочитать счастіе любимой особы своему собственному и производитъ, что пожертвованіе своими удовольствіями тишинѣ и спокойствію обожаемаго предмета весьма бываетъ драгоцѣнно. Все сіе покажется тебѣ безъ сомнѣнія сущною Метафизикою, и таковыя размышленія сочтешъ за сущій бредъ: но говори, что хочешъ, а я утверждаю, что онѣ справедливы, истинны и на существѣ совершенной любви основаны. Прощай Г. Шевалье.

Изъ М... 23. Августа 178.

ПИСЬМО XXXVII.

Шевалье къ Зюлимѣ.

Ты думаешъ, сердце мое, что намъ никогда не удастся отмстить огорчившему и презирающему насъ молокососу, и такой твари, которая отняла у насъ нашего сочлена и хочетъ, въ досаду всѣмъ, остаться твердо прилѣпленною къ мудрости и къ химерическимъ должностямъ своимъ? Ахъ, какъ ты проста! можешъ ли столь невыгодно судить обо мнѣ? Какъ можешъ столь низко заключать о безпредѣльномъ моемъ разумѣ? Я почти сержусь на тебя за то, что ты одну минуту могла усумниться о твердости, дарованіяхъ, о всѣхъ пособіяхъ моихъ, а наипаче о непреодолимомъ упорствѣ, всегда и во всѣхъ пособіяхъ моихъ меня сопровождавшемъ, и которое будучи раздражено препятствіями, въ состояніи на все отважиться. Такъ, Зюлима, мы отмстимъ; я тебя въ томъ увѣряю; и наше мщеніе содѣлавшись блистательнѣйшимъ, нежели какъ съ начала могъ я надѣяться, устрашитъ несѣкомыхъ, осмѣлившихся жужжать около насъ!

Послику нѣжный Амадисъ не можетъ рѣшиться низвергнуть въ ровъ дражайшую свою Оріану, то чтобы ты сказала, когда бы обремѣнялъ я себя сею пріятною должностію? не весьма ли бы то было утѣшительно? ты улыбаешся, плутовочка: но вотъ однакожъ куда стремятся превосходныя мои намѣренія!

Подумай хорошенько: можно ли надѣяться, что бы при помощи нѣкоторой хитрости, какъ напримѣръ, подложнымъ билетомъ отъ Графа д'Озамбрюна, приказывающаго вѣрной супругѣ повидаться съ собою въ назначенномъ мѣстѣ, заманить ее въ деревню и заключить въ укромонномъ мѣстечкѣ въ неволю? сей ударъ, не былъ ли бы мастерской, единственной и совершенной въ своемъ родѣ? когда сія цѣломудренная въ нашемъ будетъ расположеніи, — то слѣдуетъ уже непремѣнно, что она должна поунизиться и позбавить своей спѣси. Трудность въ томъ только состоитъ, какъ заманить ее въ сѣти, но съ помощію моей расторопности, не отчаяваюсь къ сему достигнуть.

На сихъ дняхъ принялъ я въ услуженіе единственнаго въ своемъ родѣ чело-

вѣка; самое слабое его дарованіе есть подписываться весьма исправно подъ всѣ руки, и такъ, что лучшій знатокъ не скоро откроетъ обманъ. Съ другой стороны мнѣ удалось достать Графской руки письмо; по чему остается теперь только заставить подписаться подъ его руку на цидулкѣ моего изобрѣтенія, и при случаѣ доставить ее, кому слѣдуетъ; о чемъ я теперь и помышляю. Графиня въ день св. Лудовика поѣдетъ безъ-сомнѣнія въ духовной концертъ; а при семъ-то выѣздѣ въ спектакль (ибо слово: духовной предмета не перемѣняетъ) и предполагаю, похитя мою добычу, препроводить ее въ надежное мѣсто. Ложную цидулку лакей подастъ Графинѣ; содержаніе оной должно быть вмѣстѣ и убѣдительно, то есть, чтобъ она ѣхала непремѣнно въ назначенное мѣсто, отославши экипажъ свой домой, и сѣла въ приготовленную для нее коляску. Что бы таковое расположеніе имѣло надлежащій успѣхъ, то надобно, чтобы не было никого при красавицѣ. Ежели будетъ провожать ее воздыхатель или любезная ее пріятельница, то опасно, чтобъ они не поѣхали за коляскою и не узнали, куда отвезутъ ее; когда же

они не будутъ знать, что съ нею сдѣлалось, то сіе причинитъ имъ крайнее безпокойство, особливо Селадону; съ нашей же стороны было бы не простительною слабостію отнимать у нихъ причину къ безпокойству и огорченію. Сверхъ того надобно все оное произвесть ночью, дабы Весталь не примѣтила, чрезъ какія мѣста ее повезутъ и гдѣ ее высадятъ; ты постигаешъ причину всѣхъ таковыхъ предосторожностей. И понеже до сего времени всѣ обстоятельства были противны моему предпріятію, то исполненіе онаго я на нѣсколько отложу, по пословицѣ, что дабы лучше прыгнуть, то надобно отступить. Одни токмо глупые люди принимаются за дѣло, не сообразивъ всѣхъ нужныхъ средствъ и возможностей; истинно же мудрый ни въ чемъ поспѣшно не поступаетъ; онъ предусматриваетъ послѣдствія и со ображаетъ ихъ съ своими видами; не дѣлаетъ ничего по нетерпѣнію и безъ размышленія; ибо чрезъ то самыя лучшія намѣренія разрушаются. — Послѣ сего, пусть скажетъ кто нибудь, что я не хорошо разсуждаю и худой политикъ. Сказываютъ, что Министръ Шоазель, желая извѣдать себя, каковъ онъ

въ сплетняхъ, поссорилъ двенадцать женщинъ; что и не трудно: но что послѣ ихъ помирилъ, хотя оное и гораздо труднѣе; чтожъ до меня касается, то я хотя и не такъ уменъ, какъ сей великій человѣкъ, но въ подобныхъ желаніяхъ ему не уступлю; ибо я хотѣлъ бы преобратить всю Европу, дабы токмо самому наслаждаться спокойствіемъ! великая отважность умѣетъ ко всему примѣняться.

Въ трехъ миляхъ отъ Парижа, выбралъ я не большой домикъ, которой будетъ служить честною тюрмою для Графини. По прибытіи туда вручатъ ей мое письмо, какъ бы отъ супруга ее; имъ увѣдомится она, что узнавъ о любви ея къ Маркизу, наказываетъ онъ клятвопреступство и невѣрность ея заключеніемъ въ сіе мѣсто. Спустя нѣсколько дней появлюсь я къ ней въ лицѣ посланнаго отъ ея супруга, и весьма буду плохъ, ежели, то лаская ее надеждою свободы, то внушая, что она должна отметить супругу, не по заслугамъ ея наказующему, недостигну искусненько до своего желанія. Знаешъ ли, что она достойна того, дабы потрудиться о пріобрѣтеніи ея благосклонности? вчерась видѣлъ я ее на

тульбищѣ; она мнѣ въ истинну показалась прекрасною, и надобно, за какуюбъ то цѣну ни было, чтобы я не попустому трудился. Наконецъ, поелику я добросовѣстенъ, то удовлетворя моему самолюбію, восторжествовавъ надъ ея добродѣтелію, укротя мятежной ея нравъ, обработавъ оный по своему, возвращу ее потомъ бѣдняку Маркизу, и увѣренъ, что онъ внутренно благодарить меня станетъ за избавленіе его отъ сего труда. И почему знать, можетъ быть удастся еще прелестную новообращенницу присоединить и къ нашему обществу? а это витъ немаловажная будетъ услуга.

Прости, любезная Зюлима! я предоставляю тебѣ заниматься смѣлымъ твоимъ предпріятіемъ; но сердце мое всегда преисполнено пріятнымъ о тебѣ воспоминаніемъ!

Изъ Парижа 23 Августа.

Цидулка отъ Графини къ Маркизѣ.

Пріѣзжай, любезная моя, препроводить со мною вечеръ. Мнѣ чрезмѣрно скучно. Въ прошедшую ночь видѣла я сонъ, который ужасно меня безпокоитъ; злополучныя предчувствованія вопреки разсудку тревожатъ меня, и я впередъ ничего инаго не предусматриваю, кромѣ мученій, золъ, смятеній и нещастій. Ежеминутно боюсь я увидѣть моего супруга, страшусь лишиться любовника, старающагося великодушно побѣдить себя и преодолѣть весьма естественныя желанія. Здоровье его такъ перемѣнилось, онъ мнѣ кажется такъ жалокъ, состояніе его столь чувствительно меня трогаетъ, что едвали бы могла я ему сопротивляться, есть ли бы онъ осмѣлился отважиться на что либо; хотя честь моя дороже мнѣ самой жизни. Онъ уѣхалъ вчерась въ деревню, откуда возвратится послѣ завтра. Отсутствіе его печалитъ меня, и въ несносную погружаетъ скуку. Ты можетъ быть скажешъ: много ли значатъ три дни? ахъ, мой другъ! когда любишъ, дни кажутся вѣками, минуты годами, мгновенія безконечными промежутками!

Вторникъ 24. Августа.

Подложное письмецо отъ Графа д'Озамбрюнъ къ своей супругѣ.

Постарайся, любезная и достойная моя супруга, сїю же минуту со мною повидаться и употреби всю возможную поспѣшность въ сей недальной поѣздкѣ. Я имѣю сообщить тебѣ дѣла очень важныя и требующїя непремѣнно скораго твоего присудствїя. Нужно также притомъ, что бы ты сокрыла отъ всѣхъ и даже отъ своей прїятельницы сїю поѣздку; ибо отъ сего весь успѣхъ предпрїятїя моего зависитъ. Для сей самой причины, посылаю я къ тебѣ карету, людей и слугъ, дабы ты не брала съ собою ни экипажа, ни людей своихъ. Какъ легко можетъ статься, что тебя не застанутъ дома, то я приказалъ искать тебя вездѣ; и въ семъ случаѣ не ѣзди уже домой; отошли свою карету, а сядь въ посланную отъ меня. Въ утѣшенїе твое предварительно тебя увѣдомляю, что Король, обманутый прежде очернившею меня клеветою, отдалъ напослѣдокъ невинности и вѣрности моей справедливость; а потому и нѣтъ уже больше препятствїя удерживающаго меня доселѣ устремиться въ объятїя твои,

дѣла однакожъ другаго рода, и весьма щекотливыя, (для которыхъ приказываю къ себѣ прiѣхать) не позволяютъ еще мнѣ скоро показаться въ Парижѣ. Добрый вечеръ, любезная и добродѣтельная моя супруга! мнѣ нетерпѣливо хочется обнять тебя. Я почелъ за ненужное подписывать здѣсь свое имя; ибо тебѣ знакомъ почеркъ мой; а притомъ я имѣю сильную причину поступать такимъ образомъ.

Среда 25 Августа.

ПИСЬМО XXXVIII.

Ложный Графъ д'Озамбрюнъ къ своей супругѣ.

Наконецъ въ моей ты власти, невѣрная и вѣроломная жена! и теперь могу я уже удовлетворить мщенiю и наказать тебя, по желанiю моему, за сдѣланное тобою мнѣ оскорбленiе, и никто уже тебѣ не поможетъ! мнѣ

извѣстно короткое твое съ Маркизомъ обращеніе. Нещастная! это ли плодъ здраваго и добродѣтельнаго воспитанія твоего! и такое ли заслужилъ я воздаяніе за искреннюю мою къ тебѣ любовь и дружбу? можетъ ли кто быть виновнѣе тебя и естьли гнуснѣе преступленія твоего? клятвопреступница! понеже злополучная судьба удалила меня отъ тебя, то для сего разрѣшилася ли ты отъ клятвы въ вѣрности, предъ олтаремъ тобою учиненной? возвратилъ ли и тебѣ обѣтъ вѣрности, который сохранять ты мнѣ обѣщала? О недостойная жена! а я еще люблю тебя, и готовъ тебя простить, естьлибъ хотя часть оскорбленія могло загладить позднее о преступленіи твоемъ раскаяніе! праведныя боги! накажите вѣроломство! отмстите за меня безчестной преступницѣ! по крайнѣй мѣрѣ могъ бы я извинить ея заблужденіе, и отмщая слабость, пожалѣть о нѣй, естьли бы предметъ любви былъ ея достоинъ; но предаться развратнику, повѣсѣ, человѣку отъ всѣхъ презираемому, лишающемуся чести и добраго имени, се есть верхъ развращенія и непростительное разума и сердца повреждение! какъ возможно унизиться и позабыться до такой степени!

Не смотря на изступленіе, ярость, гнѣвъ мой, почитаю я за нужное тебя увѣдомить, что вотще бы ты стала покушаться уйти изъ того мѣста, въ коемъ будешъ находиться при чтеніи сего письма. Я приставилъ вѣрнаго и близкаго за тобою надзирателя; ему приказано отъ меня всѣми силами препятствовать уходу твоему; а по тому однимъ только безпрекословнымъ волѣ моей послушаніемъ можешъ ты доказать, что виновное твое сердце не во все еще погрязло въ порокѣ и раскаянію не затворенно. Въ настоящемъ случаѣ это одно только тебѣ остается, и можетъ быть симъ токмо средствомъ пріобрѣтешъ ты въ проступкѣ твоемъ прощеніе и привлечешъ паки къ себѣ сердце мое.

Писано въ тотъ же день, какъ и вышеписанное письмецо.

P. S. Напиши не большую записку къ управителю своему, дабы успокоить его въ твоемъ отсутствіи. Скажи ему, что ты находишся въ деревнѣ, откуда скоро ли возвратишся, не знаешъ. Не забудь при томъ, что сія записка до отсылки, куда слѣдуетъ, показана будетъ мнѣ; слѣдовательно будь осторожнѣе.

ПИСЬМО XXXV.

Шевалье къ Зюлимѣ.

Ну, Signora! Признаешся ли теперь, что я достоинъ славы моей, и отдашь ли напослѣдокъ справедливость превосходному разуму моему? Бабіонка въ моей уже власти. — Не шутя (слышу я тебя здѣсь восклицающую)? — Такъ, Зюлима, не шутя. Дѣло такъ кончилось, какъ я воображалъ. Ты читала мой планъ; успѣхъ вполнѣ оправдалъ изящество и благоразумное онаго расположеніе; все такъ сдѣлалось, какъ я желалъ.

Вчерась при выходѣ изъ концерта билетъ мнимаго Графа отданъ любовницѣ Маркизовой. При ней не было тогда ни томнаго ея любовника, ни неразлучнаго ея друга. Лишь только представила она себѣ, что видитъ подчеркъ старика, супруга своего (я бьюсь объ закладъ, что она возсылала обѣты въ сердцѣ своемъ, дабы онъ никогда не возвращался, и что она охотнѣе желала бы увидѣть дьявола) лице ея поблѣднѣло, глаза наполнились слезами, щеки пожелтѣли, колѣни затряслись и едва не упала въ обморокъ. Не распеча-

зывая цыдулки, сложенной мною на подобіе письмеца, хотѣла было она сѣсть въ свою карету; но на сей предусмотрѣнный мною случай слугѣ приказано доложить богинѣ, что дѣло, о которомъ писано, нетерпѣло промедлѣнія, и что не отмѣнно надобно прочесть письмо тотъ же часъ. Красавица стараяся скрыть смятеніе свое, разломала печать. Чтеніе кончилось. Въ неизвѣстности, что предпріять, была она въ размышленіи: напослѣдокъ рѣшилась сказать служителямъ своимъ, что ни въ нихъ ни въ каретѣ своей нужды не имѣетъ, и что не надѣется рано возвратиться домой; а можетъ статься, и со всѣмъ не будетъ. По томъ спросила довольно сухо принесшаго цидулку, гдѣ карета? Вотъ здѣсь, отвѣчалъ онъ, и посадилъ ее въ оную.

Провожатому приказано было ѣхать съ Нимфою изъ города не прямою дорогою, дабы она не замѣтила оной. Въ дорогѣ были они около шести часовъ, хотя не болѣе трехъ миль было разстоянія, и такъ вообрази сколько круговъ и оборотовъ сдѣлать имъ надлежало. По пріѣздѣ въ назначенное мѣсто и по выходѣ ея изъ кареты, поручено было вручить ей грозное пись-

мо, долженствующее извѣстить о причинѣ ея неволи. При семъ случаѣ она смутилася и стала не подвижна; члены ея оцѣпенѣли, и вдругъ упала она въ обморокъ. Ее поспѣшно раздѣли и положили на постелю. Когда она опамятовалась, то спросили, не изволитъ ли она чего покушать? Но она отвѣчала, что ничего не хочетъ. Приставленная къ ней женщина сказывала сего утра моему повѣренному, что госпожа всю ночь плакала, рыдала и испускала горькие вздохи; но при отъѣздѣ исполнителя моего нѣсколько успокоилась, и даже написала записочку къ домашнимъ своимъ, чтобъ они не заботились о ея отсутствіи; встать однакожъ не захотѣла, и приставница думаетъ, что чуть ли не занемогла госпожа лихорадкою.

Вотъ, куколка моя, точное повѣствование о всемъ, что произошло. Теперь вотъ что здѣлать я намѣреваюсь. Спустя нѣсколько дней, учиню я посѣщение прекрасной плѣнницѣ ночною порою, и воспользовавшись правомъ супруга, признаюсь ей по томъ въ моей хитрости. Послѣ чего останется ей только простить меня, или я буду сущій дуракъ. Прости моя Принцесса:

и между тѣмъ, какъ я занимаюсь столь важнымъ предпріятіемъ, не трать напрасно времени. Жизнь потолику покмо и пріятною можетъ почесться, по колику препровождаемъ мы ее въ забавахъ и наслажденіяхъ.

Изъ Парижа 14 Августа.

Записка отъ Графини д' Озамбрюнъ къ управителю своему.

Не безпокойтесь о моемъ отсутствіи. Не предвидимое обстоятельство принудило меня отъѣхать въ деревню, гдѣ долго ли пробуду, не знаю. Всѣмъ приѣзжающимъ ко мнѣ сказывайте просто, что нѣтъ меня въ городѣ. Во время отсутствія моего не забывайте пещися о домашнихъ дѣлахъ моихъ.

Графиня д'Озамбрюнъ.

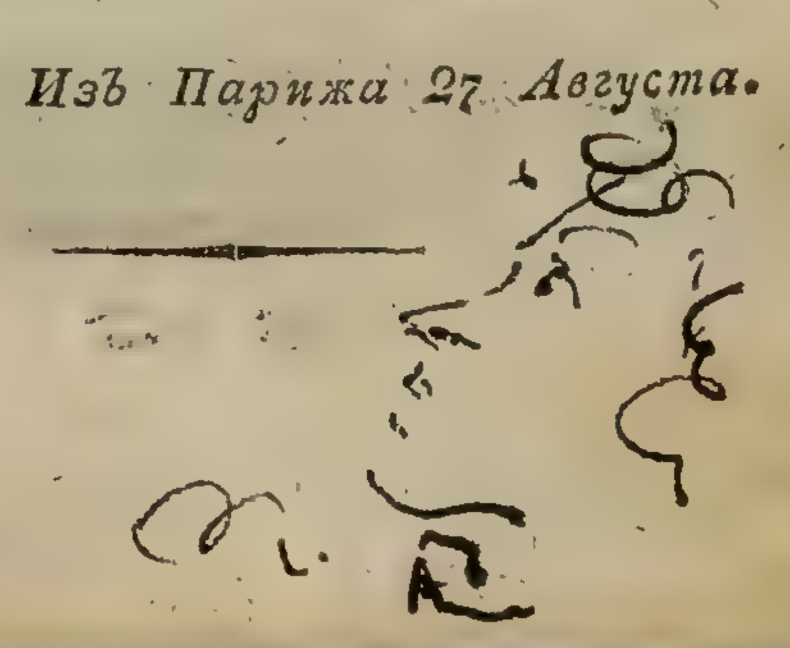
Четвергъ 26. Августа.

Письмецо отъ Маркиза Алозана къ Маркизѣ Монклеръ.

Не знаете ли вы, сударыня, что побудило вашего друга отъѣхать въ деревню столь нечаянно и не увѣдомя меня? въ домѣ ея сказали мнѣ, что не извѣстно ни о причинѣ поѣздки, ни о мѣстѣ ея пребыванія; что она не взяла ни своей кареты и ни одного служителя; чтобы значило такое непонятное таинство? Я не знаю, что подумать. Множество страшныхъ мыслей тревожитъ и отягощаетъ меня и сія неизвѣстность страшнѣе для меня самой смерти. Два раза пріѣзжалъ я къ вамъ и столько же назадъ возвращался; ибо васъ не было дома; сказано только, что вы въ Парижѣ. Я приказалъ слугѣ моему васъ дожидаться съ симъ письмецомъ, въ которомъ бы часу вы ни пріѣхали. Прошу васъ для успокоенія моего написать хотя два слова. будьте впрочемъ увѣрены о истинномъ моемъ къ вамъ почтеніи и пр.

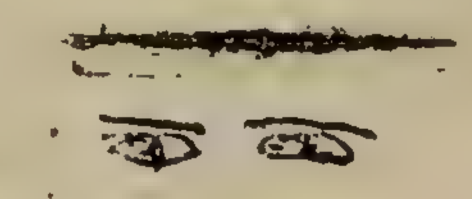
Изъ Парижа 27 Августа.

Отвѣтъ отъ Маркизы.

Причина отъѣзда нашего друга, мнѣ столькожъ неизвѣстна, какъ и тебѣ, Маркизъ. Все же, что узнала я объономъ, повергло меня въ такое замѣшательство, что я не знаю, что подумать, и даже теряюсь въ моихъ недоумѣніяхъ. Для чегобъ кажется не предувѣдомить меня ни объ отъѣздѣ своемъ, ни куда она отправилась? Что ты заключаешь изъ сей таинственной поѣздки? — Письмо, отданное при выходѣ изъ концерта — Екипажъ и служители отпущенные — пріѣхавшая за нею карета — писанное ею писмо къ своему управителю — Все сіе столь мнѣ кажется страннымъ, что я не знаю, что думать и что заключить объ ономъ — Я имѣю однакожъ подозрѣніе, безсомнѣнія вздозное, но можетъ быть, и не безосновательное. Пріѣзжай завтра ко мнѣ; мы вмѣстѣ о томъ подумаемъ; и почему знать? Мы, можетъ статься, и проникнемъ сіе таинство.

Пятница, 27, въ 11 часовъ вечера.

ПИСЬМО XL.

Зюлима къ Шевалье.

Bravissimo, Шевалье! по чести ты достоинъ обожанія! Признаюсь, что на сей разъ ты превзошелъ чаяніе мое. Никогда бы я не повѣрила такому непостижимому изобрѣтенію! Вотъ каково имѣть ограниченный умъ! О мущины! Сколь сильную имѣете вы причину презирать насъ! Кто изъ нашего пола осмѣлилась бы воспріять столь высокій полетъ, наипаче же въ такомъ дѣлѣ, о которомъ здѣсь говорится? Не должны мы, хотя и съ ущербомъ нашего самолюбія, скрыть отъ себя, что вы достойны управлять нами! Ахъ Шевалье! Ты принуждаешь меня обратиться на себя, заставляешь унизиться и вознегодовать на посредственность понятія и ума моего! Я, предполагавшая не шутя отмѣнныя въ себѣ дарованія, вижу теперь, что напрасно столь высоко о себѣ мечтала, и что весьма удалена отъ той точки, къ которой не надѣюсь уже больше достигнуть. О коль блаженны воспріявшіе отъ натуры столь щедрые дары и которые, подобно тебѣ, столь благо-

родное дѣлаютъ изъ оныхъ употребленіе!

Ты уже теперь въ половину отомщенъ, Шевалье, да готовишся и совершенно быть отомщеннымъ; но что будетъ со мною? Тебѣ извѣстно, что обида сдѣлана намъ вообще; такъ почто же я въ отмщеніи не имѣю участія? Ты не имѣлъ ни какой нужды въ сторонней помощи для достиженія къ цѣли своей: это очень хорошо; но мнѣ, не имѣющей ни какихъ средствъ, ни пособій, мнѣ для исполненія моего предпріятія надобно заимствовать стороннюю помощь, поелику сама собою я ничего здѣлать не могу; когда же не откажешся мнѣ въ сей сторонней помощи, то не отчаяваюсь и я успѣть въ слабомъ моемъ изобрѣтеніи. Случай, который служитъ намъ иногда гораздо лучше, нежели всѣ политическія расчисленія, снабжаетъ меня божественною мыслію для возвращенія не постояннаго въ объятія мои, и которая покрайнѣй мѣрѣ удовлетворитъ моему мщенію; но дѣлая помѣхи твоему. Сію то отмѣнную мысль подвергаю я изобрѣтательной твоей прозорливости.

Тебѣ извѣстно, что нѣсколько уже дней нѣтъ у меня комнатной женщи-

ны. Теперь приняла я къ себѣ прекраснѣйшую. Это нещастная, которая, по ея словамъ, наскучивъ быть публичною, хочетъ уклониться отъ обращенія предосудительнаго ея чести, предпочитая (присовокупляетъ) тягостную жизнь наносящей поношеніе. Будто бы ремесло распутной женщины (ремесло самою ревностію не презираемое, по слику, говоритъ одинъ сочинитель, танцовщицы, пѣвицы, публичныя женщины составляли прежде такой классъ людей, которой самою полиціею былъ покровительствуемъ и даже употреблялся во всенародныхъ торжествахъ) будто бы, говорю, сіе ремесло было уничижительнѣе, нежели рабство, совсѣмъ почти не естественное! Будто бы до изданія законовъ, когда состояніе людей не различествовало отъ скотскаго; когда предразсудки, самыя невинныя по себѣ дѣйствія, не вмѣняли еще въ преступленіе, натуральныя дѣянія были мерзостны! Будто бы — Но куда увлекаютъ меня философическія разысканія? Не о томъ теперь рѣчь. Для насъ, умѣющихъ цѣнить вещи по истинной ихъ добротѣ, важно ли смѣшное мнѣніе и глупыя недоумѣнія молодой дурочки? постараемся

лучше для нашихъ видовъ воспользоваться остаткомъ издыхающей ся добродѣтели. Когда же она во исполненїи намѣренія нашего намъ поможетъ, то пусть дѣлаетъ тогда, что хочетъ. Надлежитъ ли тогда оскорбляться, когда разбивается глиняный сосудъ, въ которомъ нѣтъ уже болѣе надобности?

Разсматривая ближе служанку, нашла я въ ней совершенное почти сходство съ прекрасною твоею плѣнницею, и можно ошибаться глядя на нее съ боку. Мнѣ хочется одѣть ее и представить вмѣсто Маркизовой Дулцинеи. (У меня есть точно такое же платье, какое видѣла я на ней въ день встрѣчи моей съ нею предъ домомъ ея любовника) я велю ей завести рѣчь съ однимъ изъ нашихъ служителей, или съ кѣмъ либо инымъ, которому придадимъ видъ господчика. Надобно только для сего свиданія найти удобное мѣсто (и здѣсь то нужна необходимо твоя помощь), кудабъ можно было провести Маркиза, дабы онъ самъ увидѣлъ чету въ минуту утѣшенія ихъ. Какъ ты думаешь, Шевалье? Подобное зрѣлище не произведетъ ли удивительнаго дѣйствія надъ сердцемъ и умомъ нашего бѣглеца? Какія новыя мысли въ немъ возродятся!

Какія страсти (коими мы не оставимъ воспользоваться) возстанутъ въ слабой душѣ его! Почему знать? можетъ быть досада и мщеніе произведутъ то, чего не могли произвесть дружескія совѣты и уловки красоты. Покрайнѣй мѣрѣ, мы будемъ имѣть удовольствіе востревожить его и заставить страдать. Онъ обрящетъ обильную въ ономъ пищу, ради чрезмѣрной своей чувствительности, и надъ чѣмъ упражнять меланхолическія размышленія; а сіе подастъ намъ случай къ нашему утѣшенію: ибо тебѣ извѣстно, что дураки служатъ для нашего увеселенія.

Какъ ты думаешь, Шевалье! можно ли привесть такую мысль въ самое исполненіе? Мнѣ кажется, что Лозюнъ могъ намъ въ семъ дѣлѣ быть полезенъ. Я видѣла его вчерась въ ложѣ, и думаю, что онъ еще въ Парижѣ. Естьли проектъ мой не покажется тебѣ совершенно вздорнымъ, или не гораздо ниже высокихъ твоихъ замысловъ, то я берусь пріуготовить дѣйствующія лица, научить ихъ, какъ должны они играть свою роль и пріискать мѣсто для явленія. Ты же довольно здѣлаешь, естьли обяжешь деревенскаго любовника привести туда Маркиза соучавствовать въ зрѣлищѣ.

Изъ Парижа 28 Августа.

ПИСЬМО XLI.

Отвѣтъ отъ Шевалье.

Божественный вымыселъ! О жемчужина изо всѣхъ женщинъ! чудо, рѣдко виданное въ твоемъ званіи! О достойнѣйшая моя воспитанница! для чего не пришла мнѣ столь превосходная мысль, мнѣ, коего тонкое проницаніе ты такъ много привозносишь? Какъ не представилось мнѣ столь очевидное изобрѣтеніе, мнѣ, коего виды и намѣренія ты столь обширными называешь? И ты, неблагодарная! послѣ сего жалуешся на тупое понятіе, на безплодное воображеніе, на посредственность ума и проницанія своего! Ахъ! мнѣ теперь должно приносить жалобы, мнѣ позволено роптать и негодовать на себя за то, что ты превзошла и учителя своего! Горделивица! ты для того только чрезвычайно скромничаешь, чтобы привлечь на себя хвалы мои; къ торжеству и тщеславію твоему, видно не доставало только моего поклоненія; изрядно, будь удовольствована. Умъ мой повергается предъ твоимъ! Я уступаю тебѣ пальму. — Или лучше раздѣлимъ оную. Да и

кто можетЪ или осмѣлится оспоривать ее намЪ? сыщется ли гдѣ такой человѣкЪ, которой бы столь справедливо оную заслуживалЪ? СоюзЪ нашЪ не превосходнѣйшее ли произведенiе натуры? пусть протекутЪ всю землю, и покажутЪ мнѣ два подобныя существа, которыя бы лучше насЪ могли оною управлять! Александры, Цесари, Клеопатры и Елисаветы, увѣнчанныя всенародно вЪ АѳинахЪ, вЪ Римѣ, Египтѣ и Лондонѣ, гораздо менѣе насЪ честь сiю заслужили! Самыя блистательныя ихЪ дѣянiя доказываютЪ только дерзкую неустрашимость; наши же изъявляютЪ дивное совокупленiе отважности и проворства, смѣшенiе не слыханной хитрости и мужества! Когда бы надобно было, то довольно бы насЪ двоихЪ для зажженiя вселенной со всѣхЪ четырехЪ сторонЪ, и потомЪ для угашенiя страшнаго сего пламени не употребивЪ ни одной капли воды. Нѣкоторая Султанша думала, что женщинѣ больше потребно искусства, ума и глубочайшей политики, дабы понравиться, нежели всѣмЪ ЕвропейскимЪ кабинетамЪ для своихЪ дѣлЪ; по моему же мнѣнiю гораздо больше еще всего онаго потребно на приведенiе вЪ раз-

судокъ лицемѣрки и на дарованіе ума глупцу: мы однакожъ постараемся сдѣлать и то и другое.

Такъ, дорогое мое дитятко! мы зададимъ работу сему умницѣ: и понеже онъ столь страстно любитъ Елегіи, то снабдимъ его обильнымъ для оныхъ содержаніемъ. Мы растерзаемъ грудь его страшнымъ зрѣлищемъ произвольной невѣрности его любовницы или похожей на нее; и тогда повѣритъ онъ гораздо больше глазамъ своимъ, нежели разсудку, ибо они покажутъ ему, что это уже не ничто. Мы возбудимъ въ чувствительномъ сердцѣ его всевозможную ревность и бѣшенство, и самъ даже демонъ позавидуетъ тѣмъ страданіямъ, кои мы причинимъ ему! мы узримъ его проходящаго всѣ адскихъ страстей мученія, увидимъ его готоваго отдать послѣдній вздохъ среди самыхъ ужаснѣйшихъ терзаній, а таковое зрѣлище послужитъ къ утѣшенію нашему, и очи наши съ веселіемъ будутъ насыщаться кровавыми слезами, имъ проливаемыми. Подобно симъ славнымъ тираннамъ, кои питались кровію и убійствомъ, и кои не могли насытиться зрѣніемъ на нещастныхъ мучимыхъ ими; мы упоимся долгимъ по-

слѣдствіемъ казней, праведно ими заслуженныхъ. Не окажемъ ни пощады, ни сожалѣнія, ни снисхожденія! Все оное свойственно только однимъ невѣждамъ, а не намъ. Когда дѣло идетъ объ отмщении, тогда все позволяется. Надобно, чтобы гнусный осужденный пилъ до дна чашу горести, непрестанно нами наполняемую, или чтобъ отрекся отъ пріятнаго напитка, который на днѣ оныя найти предполагаетъ. Ежели онъ подумаетъ, что находится при концѣ своихъ страданій, то обманется, и таковое заблужденіе весьма дорого будетъ ему стоить.

Ты можешь, любезная моя, приготовить актеровъ по своей волѣ; и когда все будетъ готово для представленія и останется только поднять занавѣсъ, то дай мнѣ знать. За зрителя я тебѣ отвѣчаю. — Лозюнъ обо всемъ уже предувѣдомленъ. Я, кажется, изрядно его наставилъ, и надѣюсь, что онъ урока моего не забудетъ. Повѣришь ли, что и съ нимъ много имѣлъ я труда и на силу принудилъ его согласиться на то, чего отъ него требовалъ. Безчеловѣчно (да того то мы и хотимъ) по мнѣнію его забавляться такимъ образомъ надъ нещастнымъ. (Не-

щастенъ онъ! да почему? Онъ самъ виноватъ, что не слѣдовалъ совѣтамъ моимъ.) — Совѣстно ему (какое ребячество!) участвовать въ семъ мрачномъ умыслѣ. (А для чего онъ навлекъ на себя оное?) Онъ никогда не проститъ себѣ сего безчестнаго дѣла, (бѣдняжка! какое доброе у него сердце!) ежели какое нещастie отъ того послѣдуетъ, (тѣмъ хуже для того, кто самъ подалъ къ тому поводъ.) — Онъ съ сожалѣнiемъ принимаетъ на себя (я о закладъ бьюсь, что это отъ трусости) не весьма честное порученie, (для него честнѣе бъ, можетъ статься, показалось имѣть дѣло съ служанкою) которое совсѣмъ до него не касается, (но оно до насъ касается: а сего не довольно ли?) и изъ котораго нѣтъ ему никакой пользы; (предорогая душа! когда бы замѣшалася тутъ его польза, тогда прощай всѣ сомнѣнiя: но развѣ онъ за ничто поставляетъ одолженie двухъ?) а поссорить напротивъ того удобно можетъ (великая трата! дружба наша, кажется, очень можетъ замѣнить дружбу сего глупца) съ симъ добрымъ дьяволомъ. (Онъ не такъ добръ, какъ объ немъ думаютъ; но гораздо злѣе); что наконецъ (какой бредъ!) онъ обезсла-

витъ себя въ свѣтѣ (какъ бы мнѣніе публики значило что нибудь въ нашемъ обществѣ!) ежели сіе произшествіе сдѣлается извѣстно. (А намъ въ томъто и нужда, въ противномъ же случаѣ, куда бы тогда дѣлася и вся наша слава!)

Я окончу смѣсь всѣхъ таковыхъ нелѣпостей; ибо опасаюсь наскучить тебѣ расказываніемъ всѣхъ глупостей, всѣхъ не сообразимостей, каковыя предлагалъ мнѣ вопреки сей несмысленный: почести онъ также глупъ, какъ и другой нашъ пріятель. Потребно было мое терпѣніе, чтобы выслушать безъ сердца смѣшное его тождесловіе, и нужно было присудствіе ума моего и прозорливости, что бы разрушить всѣ пустосвятскія недоумѣнія и довести къ нашей цѣли. Наконецъ исторгъ я у него обѣщаніе: но поспѣши приготовить комедію, дабы страхъ или предразсудокъ не совратили паки съ пути, на который мы его поставили. Онъ уже видѣлся съ Маркизомъ, который ввѣрилъ ему всѣ свои тайны. Нещастный любовникъ не затрудняется въ выборѣ своихъ повѣренныхъ. Онъ съ первовстрѣтившимся разговариваетъ о скорбяхъ и мученіяхъ своихъ. Ему кажется, что изливая въ сердце другаго печаль

свою, онъ свое облегчаетъ. Подозрѣнія ихъ (я говорю ихъ, понеже Маркиза Монклеръ не послѣднее также тутъ занимаетъ мѣсто) пали естественно на пріѣздъ мужа. Они понимаютъ, для чего онъ самъ не пріѣхалъ въ Парижъ, а послалъ за своею супругою; ибо они почитаютъ его еще неизвѣщеннымъ о своемъ оправдании; — но непонятно имъ кажется, для чего до сего времени не возвращается онъ съ своею супругою. Вотъ что ихъ жестоко безпокоитъ! (для насъ же сколь сїе утѣшительно!) они строятъ не воздухѣ тысячи замковъ и не вѣдаютъ, на чемъ остановиться. Не вспало ли имъ на умъ, что нѣкто (я бьюсь объ закладъ, что они меня подозрѣваютъ) внушилъ Графу о связи супруги его съ Маркизомъ? (прекрасное открытїе! которое въ послѣдствїи можетъ подать намъ поводъ произвесть новыя сплетни; да и дѣйствительно сїи люди достойны погибнуть; ибо они сами протягиваютъ, какъ говорится, шею свою подъ ножъ.) Сколь печаленъ бѣдной Маркизъ, говорилъ мнѣ Лозюнъ, естьлибъ ты его видѣлъ! (тѣмъ лучше, печаль его утѣшенїе намъ доставляетъ.) Какъ онъ кажется унылъ! (это означаетъ пред-

чувствіе великихъ золъ вскорѣ послѣдовать имѣющихъ.) Какъ онъ перемѣнился! (пусть перемѣнится онъ иначе; и тогда минуются всѣ того безпокойства.) По истиннѣ, онъ привелъ меня въ жалость! (жалость, сущая слабость! нѣтъ пощады сумасшедшимъ!

Но увѣрена ли ты, любезная моя, что Актриса твоя способна къ роли, каковую ты хочешь заставить ее играть? чтобы намъ не обмануться; ибо чрезъ сіе все можно испортить. Ненадобно никакъ себя обнаруживать. Нужно также и о томъ подумать, не вздумается ли Маркизу вдругъ напасть на мнимаго своего соперника? для сего думаю я, не худо бы имѣть домъ съ двумя выходами, и напротивъ онаго другой, дабы видѣть изъ него, что въ первомъ дѣлается, и туда-то надлежитъ заманить Маркиза. Не ужли не сыщется такой въ Парижѣ? подумай объ ономъ хорошенько, я приду къ тебѣ самъ освѣдомиться, на чемъ ты рѣшишся. Прости почтеннѣйшая моя Султанша!

P. S. Кстатѣ. Я получилъ нынѣ извѣстіе о прекрасной моей полонянкѣ. Замѣчаютъ мнѣ безпокойное ея состояніе. Со времени задержанія, едва ли два

раза вставала она съ постели. Ни чего не ѣстъ (безсомнѣнія наложила она на себя постъ за своигрѣхи) кромѣ бульiону и зелени; говоритъ по крайнѣй токмо не обходимости. Въ передней ея (ибо она по глупости своей сидитъ одна въ комнатѣ) слышны только тяжкiя ея воздыханiя; (предметомъ коихъ безсомнѣнiя Маркизъ) комнатная женщина, къ ней приставленая, находитъ ее утирающую слезы, или молящуюся.) Я надѣюсь что она скоро перестанетъ онымъ заниматься). Одинъ разъ только попросила она позволенiя выйти въ садъ (не думаетъ ли она попытаться уйти? но ей отвѣчали, что не имѣютъ на то повелѣнiя, и она больше уже не настояла. Видишь, дорогая моя, что время уже утѣшить прелестную мою плѣнницу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ надобно быть и жалостливу. Я бы давно привелъ оное къ концу, но кромѣ того, что надлежитъ дать первымъ впечатлѣнiямъ успокоиться, думаю, что ежели Маркизъ меня подозрѣваетъ, то не оставитъ за мною примѣчать; а сiе послѣднее размышленiе и удерживало меня до сего времени, и ты видишь, что оно не безъ основанiя. Мнѣ кажется, что за мною подсматриваютъ.

Какъ бы я былъ доволенъ, есть ли бъ удалось мнѣ попотчивать хорошенько дубьемъ сихъ мерзавцевъ; когда бы только не причинило оное вреда моимъ замысламъ!

Естьли бы явленіе, тобою изобрѣтенное и отвращающее отъ меня всякое подозрѣніе, могло послѣдовать завтра, то ничто бы уже не воспрепятствовало мщенію и удовольствію меня ожидающему, и я завтрешнягожъ бы вечера одержалъ непремѣнно побѣду. Постарайся, достойная моя соучастница, скорѣ окончить дѣло свое.

ПИСЬМО XLII.

Отъ Лозюна къ Маркизу, сказыванное чрезъ Шевалье.

Ты мнѣ въ подлинну кажешся жалокъ, Маркизъ, и твой бредъ сокрушаетъ меня. Мнѣ хочется доказать тебѣ мою дружбу, то есть, исцѣлить тебя отъ страсти, возмущающей твое спокойствіе, и извлечь изъ заблужденія, безъ сомнѣнія весьма простительнаго, но въ которомъ упорствовать и

пребывать не позволяется благоразумному человѣку. Ежели подозрѣнія мои не ложны, то сія женщина столь по виду добродѣтельная, столь къ должностямъ своимъ прилѣпленная, есть ни что иное, какъ нещастная, тебя обманывающая, которая обманула меня, да и цѣлой свѣтъ обманываетъ. Которая, за строгое, оказуемое явно, поведеніе свое умѣетъ въ тайнѣ вознаграждать себя. Я увидѣлъ ее теперь вошедшую въ одинъ домъ съ молодымъ человѣкомъ, коего мужественная красота не маловажна въ глазахъ женщины. Не безосновательно я заключаю, что это любовникъ Графини. Почему знать, можетъ быть отлучался онъ отсюда для какихъ нибудь дѣлъ, заставившихъ пренебречь и любовь, а по окончаніи ихъ возвратился теперь пользоваться своимъ щастіемъ. Мнѣ кажется, что таковымъ предположеніемъ рѣшится задача о скоромъ и непредвидѣнномъ отсудствіи предмета, тобою обожаемаго.

Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ можно сообразить, чтобы не обыкновенной красоты женщина 17 лѣтъ, оставленная супругомъ своимъ безъ надежды когда либо его увидѣть, оставалась сему вѣрна въ продолженіе трехъ лѣтъ,

была нечувствительна къ исканіямъ обожателей своихъ, не заключила никакого сердечнаго съ ними обязательства и ни къ какому щастливому смертному любви не ощутила? потомъ же, оставя всѣ правила своего благоразумія, вдругъ отдаетъ свое сердце, удостоиваетъ нѣжности своей человѣка, который, между нами будь сказано, не заслуживаетъ любви такой богини, каковою она себя выказываетъ? моральному сему явленію нѣсколько трудно повѣрить. Нимфа твоя безъ сомнѣнія не надѣялась больше увидѣться съ своимъ любовникомъ, и думала, что ты ни когда не узнаешь о сихъ сплетняхъ: вотъ для чего и сдѣлала она для тебя изъ сего таинство. Тебѣ извѣстно, Маркизъ, что подобныя женщины до тѣхъ поръ не признаются въ своей слабости, пока не поймаешь ты ихъ на самомъ дѣлѣ. Они знаютъ, что мы весьма горячи къ полученію начатковъ сердца ихъ, и для того ничего непропускаютъ, дабы примянить насъ сею лестною надеждою. Мнѣ знакома была одна изъ таковыхъ; она имѣла четверыхъ любовниковъ, а меня хотѣла увѣрить, что я первый благосклонности ея удостоился; я же, какъ дуракъ,

то и думалъ до тѣхъ поръ, пока щастливыя обстоятельства вывели меня изъ заблужденія. Для самолюбія мущины весьма лестно (а плутовки очень оное знаютъ) вѣрить, что онъ первый умѣлъ внушить обожаемому предмету любовное чувство. Сколь дорожимъ мы собою, когда увѣрены въономъ бываемъ! Красавицы же чрезъ то самое получаютъ право оказывать себя жестокосердыми и мучить насъ по своей волѣ, и получаемая нами отъ сего надежда содержитъ насъ долѣе прикованными къ ихъ колесницѣ, а при томъ и доставляетъ еще имъ преимущество укорять насъ прежними нашими шалостями и казаться ревнивыми при самомалѣйшихъ признакахъ. Ахъ, Маркизъ! таковыя женщины суть злобное и дьявольское порожденіе!

Возвратяся домой занялся я самыми горестными размышленіями и не могъ опомниться отъ того, что видѣлъ. Сколь ни вѣроятно оное само по себѣ, но я едва тому вѣрю. Сообщаемая мною тебѣ новость хотя въ началѣ удивитъ и поразитъ тебя, но въ послѣдствіи можетъ послужить къ твоему исцѣленію. Ежели не задерживаютъ тебя какія-либо дѣла, не терпящія отсрочки

дѣла, то пріѣзжай ко мнѣ поскорѣе; мы вмѣстѣ и обстоятельнѣе разсмотримъ такое дѣло, которое не должно быть для тебя равнодушно. Мѣсто, куда они пошли отъ меня, не далеко; можетъ быть они еще тамъ, и легко станется, что мы обо всемъ узнаемъ подробнѣе. Съ сожалѣніемъ вижу, любезный Маркизъ, что ты отъ любви нещастенъ; дружба моя терпитъ отъ того гораздо болѣе, нежели ты думаешь, и нежели я изъяснить могу; желалъ бы я, естьлибъ только было возможно, снять покрывало съ поразившаго тебя предмета. Другъ мой! съ такимъ нѣжнымъ и чувствительнымъ сердцемъ, каково твое; съ душею удобною къ любовнымъ впечатлѣніямъ, совсѣмъ не надлежитъ вѣрить вѣроломнымъ напѣвамъ и обманчивымъ ласкамъ Сиренъ, живущихъ въ городахъ, наипаче же въ Столицахъ. Въ однихъ только Провинціяхъ и деревняхъ должно искать достойныхъ любви предметовъ. Моя исторія тебѣ извѣстна; и такъ подражай мнѣ. Тогда сыщешь, можетъ быть, въ любовныхъ впечатлѣніяхъ истинныя прелести и безопасно можешь къ нимъ прилѣпиться; а между тѣмъ долженъ ты стараться утушить ропотъ сердца

и укротить нѣжныя свои стремленія. Въ семъ единственно состоитъ желаніе искренняго твоего друга! Прощай! я тебя ожидаю.

Изъ Парижа 30 Августа.

ПИСЬМО XLIII.

Маркизъ къ Маркизѣ.

Гдѣ я? — Какія страшныя привидѣнія меня окружаютъ! какія ужасныя хляби разверзаются подо мною! какіе демоны ополчилися вновь на мою погибель, приходятъ возмущать меня и воздуваютъ заразительныя пары въ груди моей! — Что за адскія змѣи отравляютъ нечистымъ ядомъ сердце мое! всѣ земныя страшилища, всѣ адскія фуріи соединилися терзать меня! — О Небо! сколь страшная послѣдовала со мною перемѣна! не знаю, тотъ ли уже я, что былъ прежде? Боже! сколь плачевно заблужденіе мое и въ какое повержен я смятеніе! — о ярость! о ужасъ! о изступленіе! о мщеніе! о жестокія

ревности терзанія! изъ сожалѣя дайте мнѣ нѣсколько успоиться, или лишите меня жизни! вы повергли меня въ состояніе весьма бѣдственное и я не въ силахъ больше сносить страданія моего! нѣтъ! никакъ не возможно понять, что я претерпѣваю! всѣ адскія смятѣнія занимаютъ сердце мое; всѣ воображаемыя муки не значатъ ничего въ сравненіи терзаній и неизреченныхъ золъ, мною испытываемыхъ! кто повѣритъ, что нѣтъ никого бѣднѣе на земли, что я готовъ помѣнятся жребіемъ моимъ съ самымъ послѣднимъ человѣмъ, и что въ чрезмѣрномъ моемъ отчаяніи, почитаю я смерть единственнымъ моимъ пособіемъ? - -

Что я видѣлъ? — ахъ, что я видѣлъ? сударыня! вы почтете меня сумазбродомъ и что я брежу. Ахъ! желалъ бы я сомнѣваться о моемъ нещастіи, естьлибъ то было возможно, естьлибъ было возможно обмануться глазу любовника, естьлибъ можно было не довѣрять послѣднему степени! убѣжденія но я видѣлъ, почти слышалъ совершающееся вѣроломство! я былъ свидѣтелемъ самой гнусной измѣны, самаго безчестнѣго преступленія! она была... рука моя дрожитъ

и не смѣетъ начертать сея мерзости! — она была — я страшусь окончить — она была въ объятіяхъ другаго, но не супруга своего! — а я, послѣ столь страшнаго зрѣлища, живу еще — и сіе варварское явленіе не умертвило меня! Нещастный! не жалуйся болѣе на свой жребій; ибо ты въ состояніи былъ пережить самый горестнѣйшій, мучительнѣйшій, злополучнѣйшій часъ! — послѣ сего ты заслуживаешь, чтобы влачить жизнь свою въ долговременномъ страданіи, посрамленіи и бѣдствіи!

О ослѣпленный другъ! (ибо я почитая васъ, не могу подозрѣвать, чтобы вы были извѣстны о такомъ недостойномъ поступкѣ). Повѣрите ли вы подобному злодѣянію? на какія впредь женскія клятвы можно положиться? какіе признаки могутъ открыть прямодушіе и искренность въ столь скрытномъ существѣ? какъ отличить золото отъ примѣсы? полъ, для нещастія мущинъ сотворенный! поколѣніе, во гнѣвѣ Превѣчнымъ порожденное! я тобою гнушаюсь, гнушаюсь всею вселенною и самимъ собою! Праведное Небо! отмсти за себя, за меня, и за самое гнусное и вѣроломное клятвопреступство! Жестокій другъ! для чего не оставилъ ты меня въ пріят-

номъ моемъ заблужденіи? Я почиталъ себя любимымъ; поставлялъ въ томъ свое блаженство; довольное сердце мое утѣшалось столь лестными мыслями, дабы учиниться достойнымъ той, которую чтилъ, яко образъ Божества; я старался паче и паче очищать мои чувствованія; всѣ узы, замедлявшія успѣхи мои въ добродѣтели, были мною разрушены; почто бѣдственное твое пробужденіе лишило меня блаженства, коимъ я наслаждался? Жестокій другъ! повторяю еще, для чего не оставилъ ты меня въ щастливой не извѣстности, въ нѣжномъ безпокойствіи о ея отсутствіи? въ тысячу разъ сноснѣе, въ тысячу разъ легче мнѣ оное было, нежели ужасная истина, за тѣмъ послѣдовавшая! Тайному ея отъѣзду предполагалъ я честныя побужденія; думалъ, что, гдѣ бы она ни была, мною единственно занимается; былъ увѣренъ, что ею любимъ; надѣялся скораго ея возвращенія и впередъ ничего не предусматривалъ, кромѣ лестнаго и обѣщаннаго постоянной любви моей увѣнчанія: но ты все у меня отнялъ, и лишилъ даже послѣдняго нещастныхъ утѣшенія! усердныя твои старанія я инако не почитаю, какъ ста-

ранїями злодѣйскими, которыя нанесяя мнѣ смертныя пораженія, всю кровь мою истощили. Бѣги, удались отъ меня чудовище! я проклинаю тебя; присудствїе твое для меня несносно, и я не желаю болѣе такой дружбы, которая человѣческимъ слабостямъ сострадать не умѣетъ! — Увы! я не понимаю, что сказалъ, ни того, что сказать хочу, и даже забылъ, что говорю съ вами, сударыня! заблужденїе мое столь велико, что я самъ себя не знаю. Ахъ! я отрицаюсь отъ жестокихъ заклятїй, произнесенныхъ противъ великодушнаго друга, поступками коего едино ко мнѣ усердїе управляло. Онъ, подобно мнѣ, отрекся мїрскихъ заблужденїй и покинулъ не прочныя утѣхи, одну только скуку и отвращенїе по себѣ оставляющїя. Видя мое страданїе, онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ изъ единственнаго обо мнѣ сожалѣнїя; и я, вмѣсто того, чтобы его клясть, долженствую ему благодарностїю за то, что недопустилъ меня долѣе быть обманываему самою лукавою лицемѣркою.

Я посылаю къ вамъ его письмо; оно отчасти извѣститъ васъ обо всемъ; чрезъ нѣсколько часовъ, я самъ къ вамъ буду, естьли только могу побѣ-

дить скорбь и унынiе мое. Недостаетъ теперь у меня силъ для окончанiя всѣхъ гнусныхъ подробностей. — Но скажите мнѣ, пожалуйте, точно ли не знали вы о сей связи, будучи извѣстны о всѣхъ ея тайнахъ? не ужъ ли и отъ васъ сокрыла она тайну сердца своего? не оставьте меня въ неизвѣстности; умножьте, буде можно, страданiя мои, хотя для того, чтобы умертвить меня; приготовьте къ новымъ побужденiямъ возненавидѣть, когда чувствую, что ее обожаю? — Я чту ее, не смотря на ея преступленiе; сердце мое преисполнено ея прелестями, и горестное, а вкупѣ и сладостное о ней воспоминанiе, ни на минуту изъ ума моего не выходитъ! желалъ бы клясть ее, хотѣлъ бы ею гнушаться; но всѣ усилiя мои разрушаются совершенно отъ самомалѣйшаго сердечнаго движенiя!

Изъ Парижа 30 Августа.

ПИСЬМО XLIV.

Лозюнъ къ Шевалье.

Тебѣ хотѣлось, Шевалье, чтобы дѣло дьявольское было совершено, и надлежало тебя послушаться и исполнить оное; но должно сказать, что ты чрезвычайно золъ: можно безъ ошибки приложить къ тебѣ слѣдующіе старшаго Сегре стихи:

,,Ты сосалъ, родяся, млеко тигрицы;
,,и страшный Кавказъ, произведя
,,тебя во гнѣвѣ, ожесточилъ въ тебѣ
,,душу и тѣло болѣе, нежели кремень.

Сія метафора, хотя нѣсколько надутая, не ясно ли изъявляетъ твое свойство? Что тебѣ здѣлалъ бѣдный Маркизъ, чтобы столь убійственно поступать съ нимъ? вся его вина въ томъ состоитъ, что онъ не такъ уже мыслитъ, какъ ты, и что получилъ отвращеніе отъ распутной жизни. Но развѣ воспрещено жить каждому по своей волѣ, и не ужъли таковы суть правила господствующей нынѣ секты? знаешь ли, Шевалье, что ты весьма опасной человѣкъ для всякаго, кто по нещастію знакомъ съ тобою? Мнѣ подлинно

кажется не понятно, какъ могло возродиться столько желчи и злобы въ сердцѣ, ничего кромѣ человѣколюбія и терпимости не проповѣдующемъ; ибо самому тебѣ извѣстно, что сіи два слова при всякомъ случаѣ на языкѣ у тебя

Естьли бы ты былъ свидѣтелемъ изступленія, терзаній, страшнаго отчаянія нещастнаго Маркиза, при зрѣлищѣ, въ которомъ мнилъ онъ усматривать невѣрность своей любовницы, то сколь ни ожесточено сердце твое, но навѣрное было бы оно тѣмъ поражено. Чтожъ до меня касается, признаюсь, что не могъ того переносить и три или четыре раза покушался признаться въ обманѣ: столь чувствительно мнѣ было бѣшенство и отчаяніе его! По щастію, вспомнилъ я, что сія тайна соединена была съ другою, разглашеніе которой могло бы произвесть для тебя непріятныя слѣдствія; почему и удержался отъ онаго.

Пріѣхавшій ко мнѣ Графининъ любовникъ сказалъ сперва, что я вѣрно обманулся, и безъ сомнѣнія почелъ другую его любовницею; потому что онъ въ самое время полученія письма моего заходилъ къ ней въ домъ и ему сказано, что о предметѣ страстной

его любви ничего еще тамъ не знали: но когда пришли мы въ то мѣсто, откуда мнилъ онъ познавать черты любовницы своей. „Небо, вскричалъ онъ „плачевнымъ голосомъ, это она сама, „Лишь только четa насъ примѣтила, „какая радость и сколь велико восхи„щенiе мое, (сказалъ молодой человѣкъ подложной супругѣ Графа d'Озамбрюна столь громко, чтобы мы слышать могли), что вижу васъ опять, и по “прошествiи цѣлаго года отсутствiя “моего, нахожу васъ столь же вѣрною!„ Служанка отвѣчала на то однимъ только вздохомъ и обняла любовника своего. Потомъ сѣли они на диванъ, гдѣ учинили предъигранiе множествомъ взаимныхъ лобзанiй; Маркизъ же въ то время ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, ломая пальцы, стуча въ полъ ногою и и поражая себя кулакомъ по лбу. Наконецъ молодой актеръ воспрiялъ Нимфу въ объятiя свои; послѣднее сiе театральное пораженiе принудило Маркиза сдѣлать такой судорожной скачокъ, которой меня испугалъ. Я думалъ, что онъ хочетъ броситься въ окно. Выдемъ, сказалъ онъ мнѣ смущенно; я въ чрезвычайномъ отчаянiи! Вышедши на улицу, предложилъ я ему подо-

ждать нѣсколько, дабы увидѣть безчестную чету и узнать, куда она отправится. Онъ остановился, не сказавъ ни слова, и мы прислонились къ стѣнѣ у самыхъ дверей, изъ которыхъ, казалось, любовникамъ выйти надлежало. Мы пробыли въ семъ положеніи около часа. Я примѣтилъ, что нашъ другъ не сказанныя претерпѣвалъ страданія; на лицѣ его всѣ страсти были изображены. Иногда блѣднѣлъ онъ, какъ полотно; иногда же видимы были на щекахъ его знаки гнѣва и ярости. Посмотримъ (сказалъ я, будучи подвигнутъ сожалѣніемъ объ немъ), что они дѣлаютъ и вошелъ въ покои; но вышедши скоро оттуда, другъ мой, сказалъ ему, думаю, что птички улетѣли; ибо я тамъ никого не нашелъ; въ самомъ дѣлѣ сказано намъ въ близкой отъ онаго дома улицѣ, что женщина и мущина вышли изъ дома, гдѣ мы ихъ видѣли, и сѣли въ коляску. Маркизъ, [illegible]крежешавъ зубами, дозволилъ таш[illegible]я до кареты, въ нѣскокихъ [illegible] оттуда нами оставленной. Мы сѣли въ нее. Я старался въ дорогѣ подать ему нѣкоторое утѣшеніе; но онъ велѣлъ мн замолчать. Пріѣхавши къ его жилищу, хотѣлъ было я войти къ нему, но онъ

довольно грубо сказалъ мнѣ, что хочетъ остаться одинъ, и просилъ меня возвратиться. Я было тому воспротивился; но онъ сухо отвѣчалъ мнѣ, что имѣетъ дѣло, и что каждой долженъ быть свободенъ. Я увѣренъ, что онъ не принялъ меня для того, дабы свободнѣе отдаться всѣмъ безпокойствамъ, гнѣву и отчаянїю своему.

Вотъ точное и вѣрное описанїе всего произшедшаго! Повторяю тебѣ, Шевалье, чтобы ты бросилъ всѣ свои ухищренїя, которыя для всѣхъ дѣйствующихъ лицъ ничего, кромѣ плачевныхъ слѣдствїй, произвесть не могутъ, и цѣль оныхъ ни въ какомъ отношенїи честною назваться не можетъ. Возврати Маркизу любовницу; я тебѣ предсказываю, что неудастся тебѣ; восторжествовать надъ ея добродѣтелїю. Ты можешь еще привести дѣла въ прежнее ихъ положенїе; надобно только привести Графиню въ Парижъ съ тѣми же предосторожностями, каковыя при похищенїи были тобою употреблены. Я думаю, что мщенїе твое теперь уже удовольствовано. Чтожъ до меня касается, то я истинно раскаяваюсь, что замѣшался не въ свое дѣло, и которое другаго, кромѣ нащастнаго конца,

имѣть не можетъ. А чтобы не участвовать и еще въ какомъ либо неприятномъ для васъ произшествии, отправлюсь въ деревню къ любезной моей Аврорѣ. Я положилъ на ней жениться, сколь скоро получу на то согласие моего отца и соизволение ея матери. Ибо по пословицѣ, надобно сдѣлать одинъ конецъ. Прости, Шевалье! пожалуй не избирай меня впередь для подобныхъ дѣлъ. Съ самымъ лучшимъ усердіемъ быть тебѣ полезнымъ принужденнымъ бы я нашелся отказать тебѣ въ ономъ.

P. S. *Отъ Шевалье къ Зюлимѣ, при отсылкѣ къ ней предъидущаго письма.*

Ну, круглоличка моя! довольна ли ты? чего теперь недостаетъ къ радости и утѣшенію нашему? одинъ издыхаетъ отъ буйства, бѣшенства и ярости; другой также хочетъ играть роль честнаго человѣка изъявленіемъ малодушнаго о глупцѣ сожалѣнія; а чтобъ совершенно уже съ ума сойти, располагается жениться на своей деревенской красавицѣ; безсомнѣнія, ради умноженія своей собратіи! Какъ это забавно! право, мы сами будемъ вино-

ваты, естьли и теперь станемъ жаловаться на скуку! Обстоятельства весьма намъ благопріятствуютъ; а потому намѣреваюсь я и тебѣ и себѣ новое доставить утѣшеніе. Около девяти часовъ вечера, отправлюсь я для завоеванія такой драгоцѣнности, которая превосходитъ всѣ златыя руны во вселенной. Оттуда уповаю возвратиться къ тебѣ увѣнчаннымъ знаками торжества, дабы положить къ стопамъ твоимъ сіе слабое сердца моего поклоненіе и воспріять должное отъ тебя воздаяніе за благородныя мои подвиги.

Въ шесть часовъ вечера.

ПИСЬМО XLV.

Маркиза къ Маркизу.

Что бы ты ни говорилъ, Маркизъ, но я никогда не повѣрю подобной мерзости! Чѣмъ больше о томъ размышляю, тѣмъ оное мнѣ кажется невѣроятнѣе и невозможнѣе. Хотя бы цѣлой свѣтъ сталъ мнѣ доказывать, что онъ былъ свидѣтелемъ сего безчестія, и

хотябы видѣла то сама собственными глазами, то и тогдабы еще усумнилась. Мнѣ бы пріятнѣе было думать, что глаза мои меня обманываютъ, нежели произнесть осужденіе, разрушающее блаженство. Человѣческое свидѣтельство совѣсти гораздо надежнѣе чувствъ, и я осмѣлюсь сказать, что о невинности друга моего я столько же, и еще больше увѣрена, какъ о своей собственной.

Когда всѣ признаки были противъ тебя; когда всѣ соединилось, чтобъ осуждать и почитать тебя виновнымъ предъ своею любовницею; то вспомни, Маркизъ, что я взялась защищать тебя тогда со всѣмъ усердіемъ, каковое ощущаемъ, когда о истинѣ бываемъ удостовѣрены. Знай же, что причины, побудившія меня за тебя вступиться и защищать твою невинность, были гораздо слабѣе тѣхъ, кои побуждаютъ меня защищать ненарушимую друга моего добродѣтель. Мнѣ бы надлежало отрещися здраваго смысла и всякой нравственной очевидности, естьли бы стала я обвинять ее въ гнусномъ поступкѣ, ей присвояемомъ; или должнобъ было о всемъ сомнѣваться. Надобно, чтобы о честности Графининой

была я увѣрена, или ни на что уже не надѣялась, или наконецъ я принуждена ручаться за непорочное супруги Графа д' Озамбрюна поведенїе. Самыя строгїя наблюденїя меньше бы меня тронули, нежели простое подозрѣнїе, что она малѣйшую изъ должностей своихъ нарушила.

Я тебѣ то уже сказывала и еще повторяю: въ шесть лѣтъ тѣсной нашей съ нею дружбы, я неизмѣнно видѣла ее таковою, каковою сначала она мнѣ представилась; таковою, каковою она всегда мнѣ казалась и каковою еще и нынѣ кажется всѣмъ тѣмъ, кои имѣютъ искреннее съ нею обращенїе: то есть, набожною безъ пустосвятства, благочестивою безъ лицемѣрїя, исполняющею должности религїи съ совершенною точностїю, но безъ ханжества и ужимокъ; однимъ словомъ, прилѣпленною къ истиннымъ началамъ строгой и непоколебимой добродѣтели. Я никогда не замѣтила въ ней какой-либо худой склонности не открыла ни малѣйшаго недостатка, даже и того честнаго щегольства, которое въ женщинѣ ея лѣтъ было бы извинительно. Будучи всегда благоразумна, скромна по должности и склонности, она ни-

когда не измѣнила симъ драгоцѣннымъ качествамъ. Ты одинъ, Маркизъ, (и сколь ты виноватъ!) ты одинъ заставилъ ее уклониться нѣсколько отъ сихъ правилъ; да ты же, не смотря на шестилѣтнюю примѣрную ея жизнь, и обвиняешь ее теперь въ постыдномъ поступкѣ! ты хочешь меня увѣрить въ семъ неслыханномъ сумасшествіи; меня, отъ которой она ничего не скрывала, которая знала всѣ ея чувствованія; меня, привыкшую читать въ душѣ ея и не примѣтившую въ оной ничего, кромѣ похвальныхъ склонностей. (развѣ исключишь только ту, которую она къ тебѣ возъимѣла, и которая можетъ быть не совсѣмъ неповинна)! Нѣтъ! это быть не можетъ, навѣрное не можетъ быть!

Знаешь ли, что я думаю? я въ семъ случаѣ подозрѣваю старыхъ твоихъ знакомцевъ, которые вздумали чрезъ то привлечь тебя паки къ себѣ; естьлижъ оное не удастся, то отмстить тебѣ за оставленіе общества ихъ нарушеніемъ твоего спокойствія. Разсмотри, изслѣдуй, разбери: мысль моя конечно не невѣроятна; ибо тебѣ извѣстно, что секта развратниковъ и мнимыхъ остроумцевъ въ состояніи употребить

всякое средство ради достиженія къ цѣли своей. Для нихъ позволительны всякіе способы; самыя величайшія злодѣянія нестрашны, когда только достигаютъ они чрезъ то до исполненія гнусныхъ своихъ предпріятий. Разъищи все хорошенько; я же съ своей стороны ничего непропущу, дабы открыть нить сего мрачнаго умысла. Кажется, что мы выдемъ напослѣдокъ изъ сего лабиринта. Тщетно преступленіе покровомъ укрываетъ себя. Истина рано или поздно проницаетъ сквозь ложь и клевету. Вего ниспровергаетъ всѣ мѣры и предосторожности злыхъ людей, дабы, избавя невинность отъ сѣтей, для нее распростертыхъ, доставить ей побѣду и торжество.

Итакъ умѣрь свой гнѣвъ, любезной Маркизъ! укроти горестныя свои восторги, потерпи еще, или покрайней мѣрѣ помедли чрезмѣрно отчаяваться, пока не будешь имѣть основательнѣйшей къ тому причины.

Изъ Парижа 31 Августа.

ПИСЬМО XLVI.

Шеваліе къ Зюлимѣ.

Какая досада! она еще невинна! она можетъ еще гордиться кичливою своею честію и добродѣтелію! сколь должна она превозноситься торжествомъ своимъ! сколь высоко должна она цѣнить себя послѣ учиненнаго мнѣ сопротивленія! и я самъ подалъ ей сію обильную для суетности пищу! Я имѣлъ слабость согласиться на кратковременное и безполезное для меня перемиріе! я, который отъ давняго времени не имѣлъ инаго правила, какъ побѣдить или умереть, котораго непреодолимое упорство всѣмъ было извѣстно, я, какъ малодушный, устрашился суетныхъ и смѣшныхъ препятствій! право, я себя больше не узнаю и принужденъ почти буду вѣрить, что я ничто иное, какъ скотъ!

Но и она обманется. Я далъ ей только нѣсколько отдохнуть, дабы послѣ учинить чувствительнѣйшимъ ея паденіе. Хочу отвѣдать, какое произведутъ надъ нею дѣйствіе, вмѣсто жестокихъ, кроткія средства. Есшьли таковой поступокъ, весьма медлѣнной по

истиннѣ, но иногда очень вѣрной, не будетъ имѣть лучшаго успѣха, то возьмусь за прежній, удача коего всегда достовѣрна, естьли токмо направится къ тому рѣшительно воля наша: но тѣмъ или другимъ образомъ, а надобно, чтобы она покорилась своему жребію. Не въ моей ли она власти? не ужъ ли думаетъ она, что я безполезно дѣлалъ столько попытокъ? не ужъ ли предполагаетъ, что толь великія труды одними только прекрасными очами ея вознаградятъ? Она можетъ быть помышляетъ, что я по глупости своей упущу ее таковою же, каковою въ домъ ко мнѣ вошла; слѣдовательно перестану быть тѣмъ, чѣмъ былъ, чѣмъ есмь еще, и чѣмъ, благодаря судьбѣ моей, до послѣдняго издыханія пребуду: слѣдовательно не буду имѣть въ жилахъ крови, ни жизненныхъ духовъ въ волокнахъ, ни мозга въ костяхъ моихъ. Но естьли паче чаянія она уйдетъ, то соглашаюсь прослыть въ ея умѣ, твоемъ, въ умѣ всѣхъ величайшимъ въ родѣ человѣческомъ глупцомъ, и изъ всѣхъ смертныхъ самымъ безумнѣйшимъ!

Но надобно разсказать тебѣ, какъ что происходило. Пріѣхавши въ 11 часовъ, велѣлъ я возвѣстить о себѣ прекрас-

ной плѣнницѣ подъ именемъ почтеннѣйшаго ея супруга. Она была уже въ постелѣ, крѣпко заперщись изнутри. Таковую предосторожность брала она всегда, и я предвидѣлъ ее. Я велѣлъ спросить ее, изволитъ ли она меня принять? но она отвѣчала, что легла уже въ постелю и что увидится со мною завтра. Я послалъ къ ней въ другой разъ комнатную женщину и самъ пошелъ за нею, дабы слышать ихъ разговоръ. — Графъ послалъ меня, сударыня, сказать (кричала служанка, стуча въ двери) что онъ непремѣнно хочетъ сей часъ говорить съ вами. — Дѣла, о которыхъ Графъ хочетъ со мною говорить (отвѣчала лежащая въ постелѣ дрожащимъ и прерывающимся голосомъ) не столь, думаю, важны, что бы не можно было подождать до утра, и тогда объ нихъ со мною переговорить. — Графъ говоритъ, что должно необходимо. — Скажи Графу, что то не возможно; пусть изберетъ онъ другой, а не теперешній часъ для свиданія со мною. — Графъ приказываетъ тотчасъ отперетъ; а иначе онъ велитъ выломать дверь. — Графъ можетъ то здѣлать, естьли оное ему угодно; но я добровольно не отопру.

Видя упорство Нимфы, никакЪ отперетъ дверей не желающей, далЪ я знакЪ служанкѣ отойти, и чрезЪ полчаса вошелЪ кЪ красавицѣ потайными дверьми, коихЪ за обоями примѣтить было не возможно. Я думалЪ, что найду плѣнницу мою уже вЪ постелѣ, но удивился, нашедши ее со всѣмЪ одѣтою, сидящую на постелѣ и вЪ освѣщенной одною свѣчею комнатѣ. О Небо! (вскричала она, увидя меня нечаянно вошедшаго и не признавая во мнѣ супруга своего) конечно я обманута? — Здѣсь начался разговорЪ между умницею и мною, которой долго бы пересказывать надлежало, а потому и сокращу оный. Не страшитесь, сударыня, я не мужЪ вашЪ, это правда; но его представляю. — КтожЪ ты таковЪ, и чего хочешь отЪ меня? — Я вѣрный Графской исполнитель воли и пришелЪ извѣстить васЪ о рѣшенiи его вЪ разсужденiи васЪ. — Ну! чего же онЪ желаетЪ, и не могЪ ли ты избрать другаго времени, чтобы переговорить о томЪ со мною? — ГрафЪ не хочетЪ больше ни видѣть, ни слышать обЪ васЪ. Когда бы послѣдовалЪ онЪ первымЪ движенiямЪ праведнаго своего гнѣва, то омылЪ бы вЪ крови вашей стыдЪ

свой — Стыдъ! (вскричала съ жаромъ богиня) Ахъ! Небо свидѣтель моей невинности! — Это можетъ быть, сударыня; но супругъ вашъ увѣренъ, что вы виноваты; а сего и довольно для оправданія его поступка. Я васъ предувѣдомляю, что ничто его не переувѣритъ. — Ничто въ свѣтѣ? сколь я нещастна! — И такъ, сударыня, вотъ послѣдняя воля его: сначала опредѣлилъ было онъ заключить васъ на всю жизнь; но дружба, которую къ вамъ сохраняетъ еще, не смотря на подлинныя или таковыми кажущіеся проступки ваши, принудили его отмѣнить сей жестокой приговоръ. Онъ счелъ за лучшее, чтобы вы оставили навсегда такую страну, гдѣ вы, обезславя себя, нанесли и ему безчестіе. Всѣ права, которыя имѣлъ надъ вами, уступилъ онъ мнѣ, и я долженствую препроводить васъ въ Индію, гдѣ у меня безчисленныя находятся стяжанія. Отъ васъ только, сударыня, будетъ зависѣть, содѣлать жребій вашъ пріятнѣйшимъ, нежели вы когда либо ожидать могли. Извольте посмотрѣть поступное письмо вашего супруга; почеркъ его вамъ знакомъ. — Въ самое то время, подалъ я ей письмецо слѣ-

дующаго содержанія :,, Я уступаю и переношу всѣ права, каковыя имѣю на особу и на имѣніе невѣрной моей супруги, подателю сего." — Какое безчестное дѣло! (вскричала, она проливая потоки слезъ) Праведное Небо! и Ты попускаешь оное! А вы, государь мой, не ужъ ли будете имѣть столько смѣлости, чтобъ исполнить варварское сіе намѣреніе? И конечно, сударыня! я осмѣливаюсь сказать вамъ, что тѣмъ содѣлывается мое щастіе и я собственное нахожу въ томъ удовольствіе. До возвращенія еще вашего супруга, удалось мнѣ по случаю васъ увидѣть, и въ тожъ время почувствовать сильную и пламенную къ вамъ любовь; но услышавъ о сильной вашей къ добродѣтели привязанности, старался сокрыть отъ васъ мой пламень. Судите же, сколь чрезмѣрно было мое восхищеніе, когда Графъ, съ которымъ познакомился я въ Индіи, открылъ мнѣ свою душу и уступилъ мнѣ обладаніе вами. Я притворно удерживалъ его отъ онаго и совѣтовалъ не столь жестокія употребить средства, но внутренно нескаванное ощущалъ удовольствіе, что доводы и убѣжденія мои не принудили его отмѣнить свое намѣреніе.,, Поща-

стію, сказалъ онъ мнѣ, нѣтъ у меня дѣтей отъ сей гнусной твари (слово: тварь, возмутило душу красавицы и заставило ее вздрогнуть), и я могу ей возвратить приданое ея; пусть живетъ она въ отдаленіи отъ здѣшняго мѣста и отъ меня. Отправьтесь отсюда чрезъ четыре или пять дней и возмите съ собою недостойную жену. Учините изъ нее любовницу, или что вамъ угодно; только бы никогда не попадалась она мнѣ на глаза, и чтобы сокрыта она была отъ поисковъ своего любовника, котораго я кляну и никогда клясть не перестану. — И такъ утѣштесь, сударыня, и умѣрьте печаль свою. Правда, вы лишитеся любовника, много вами безъ сомнѣнія любимаго; но вы вмѣсто его пріобрѣтете другаго, которой будетъ обожать васъ, которой всѣ ваши изволенія исполнять станетъ безпрекословно, которой употребитъ всевозможное стараніе вамъ понравиться и сдѣлать васъ щастливою, и которой, можетъ статься, пріобрѣтетъ напослѣдокъ и ваше уваженіе и привязанность. Такъ, сударыня! (говоря сіе, хотѣлъ было я взять у нее руку и поцѣловать, но она грубо отняла ее и притомъ бро-

сила на меня презришельный взглядъ.) я осмѣливаюсь увѣрить васъ о нѣжности сердца моего, о искренности моихъ чувствованій, о великой и истинной моей къ вамъ преданности. Я надѣюсь стараніями и угожденіями моими привести въ забвеніе и несправедливость вашего супруга, и пріятныя обольщенія любовника, ласкавшаго васъ можетъ быть для погубленія вашего, и которой вѣрно столько васъ не любитъ, какъ я люблю. И такъ, скажите, сударыня! въ непріятныхъ вашихъ обстоятельствахъ, кажется ли вамъ еще жестокимъ намѣреніе вашего супруга, и безъ отвращенія ли поѣдете вы со мною? (окончивая сіи слова, хотѣлъ было я опять взять ея руку, но она съ гнѣвомъ меня оттолкнула) — Да, государь мой, и съ великимъ еще отвращеніемъ. Не сими недостойными средствами, тобою предпріемлемыми, можно пріобрѣсть почтеніе и дружбу женщины. Все, тобою сказанное, исполняетъ меня противу тебя негодованіемъ. Въ глазахъ моихъ кажешся ты мнѣ человѣкомъ, ни чести, ни искренности не имѣющимъ, однимъ словомъ, гнусным развратникомъ. Гдѣ мой супругъ? пусть покажется онъ мнѣ,

пусть переговоритъ со мною: я разскажу ему все, признаюсь въ своей слабости, и онъ увидитъ, что я не такъ виновна, какъ онъ себѣ воображаетъ. Я надѣюсь оправдать себя въ ужасномъ преступлении, каковое мнѣ приписывается; надѣюсь доказать ему, что естьли и не льзя иногда одолѣвать сердечныхъ своихъ чувствований, то по крайней мѣрѣ возможно управлять дѣлами своими, и что мои всегда были сообразны съ должностями моими. Чтожъ касается до васъ, государь мой! поелику поступками вашими управляла единственно скотская страсть, то не кажитесь больше ко мнѣ на глаза и удалитесь поскорѣе; ибо одно присудствїе ваше въ трепетъ меня приводитъ.

Сказавъ сїе, прекрасная Графиня вскакиваетъ съ постели и садится въ углу комнаты: но я, подошедши къ ней, продолжаю разговоръ, то лаская самолюбїю ея, то ругая супруга, наипаче же описывая силу любви моей, которую старался приписывать превосходнымъ ея прелестямъ. Когда же почелъ, что она успокоилась, и что воображенїе ея казалось въ нерѣшимости, то отваживаюсь на похищенїе отъ нея по-

цѣлуя; но ты не можешь себѣ представить, какъ она разгнѣвалась и въ какое пришла изступленіе отъ сего небольшаго похищенія. Она называла оное необузданною дерзостію, гнусною подлостію, неслыханнымъ безстыдствомъ. Побѣжала было къ колокольчику и хотѣла отворить двери, но я, ставши у оныхъ, сказалъ ей: лютише сударыня! все, что вы ни хотите дѣлать, совершенно будетъ безполезно. Вы станете звонить до завтра и никто сюда не войдетъ. Я здѣсь господинъ, и отъ меня единственно все зависитъ. Вы въ моей власти, и я могу получить то силою, на что вы добровольно не хотите согласиться. Послушайте меня, запечатлѣемъ наше согласіе сладостными любви утѣхами. Сіи слова произнесъ я твердо и рѣшительно. Раздраженная красавица примѣтя, что неучтивость ея меня огорчила, бросилась къ ногамъ моимъ; и простирая ко мнѣ руки, умоляла меня, не употреблять въ свою пользу всѣхъ преимуществъ, и дать ей по крайней мѣрѣ время выйти изъ изумленія, въ каковое повергли ее столь странныя обстоятельства. Давно было такъ, отвѣтствовалъ я, поднимая ее и объемля

(на сей разъ она не столько уже противилась, хотя сильно отвращала отъ меня лице свое); сядемъ же и поговоримъ спокойнѣе. Въ разговорахъ однакожъ руки мои блуждали, сколько могли. Я держалъ ее за руку и когда хотѣлъ оную поцѣловать, то всякой разъ она сильно старалась не допускать меня до того. Ахъ Зюлима! сколь прекрасна была она въ семъ печальномъ уничижительномъ и робкомъ положенiи! лице ея, покровенное румянцемъ стыдливости, орошаемо было лiющимися по щекамъ слезами, которыя столь же блестящiя оставляли по себѣ лучи, какъ лучи Ирисы. Я бы безъ сомнѣнiя былъ умягченъ горестнымъ ея состоянiемъ, естьли бы сама же она не возбуждала и не умножала любви и желанiй моихъ. Однимъ словомъ, я въ такомъ находился воспламененiи, въ каковомъ нерѣдко близъ тебя бываю!

Въ продолженiе самаго сильнаго крика, взялъ я небесную красавицу въ свои объятiя и хотѣлъ отнести на постелю; но плутовка, проникнувъ мое намѣренiе, искусно вырвалась изъ моихъ рукъ и отскочила въ другой уголъ комнаты. Тамъ извлекши изъ кармана своего ножъ и съ чрезмѣрною скорос-

тїю открывъ его (ты видишь изъ сего, что сія милая особа читывала Кларису:) ,,ежели ты ко мнѣ приближишься, ,,вскричала яростнымъ голосомъ, то ,,тотъ же часъ зарѣжусь, для спасанія ,,чести и добродѣтели моей.,,

Понеже я хотѣлъ сыграть комедію, а не трагедію, то остановился при семъ случаѣ и принужденъ былъ договариваться. Вотъ главныя статьи договора: красавица обязалась принимать мои посѣщенія; сносить, когда стану говорить ей о моей любви; позволила покушаться побѣдить ся равнодушіе, но не инако, какъ стараніемъ, прилѣжаніемъ и угожденіями моими. Я же съ своей стороны обѣщалъ, (а ты знаешь, что при нужномъ случаѣ могу и нарушить обѣщаніе свое) не употреблять ни насилія, ни жестокости ради удовлетворенія своихъ желаній; позволить заключенной писать къ своему супругу, то есть, ко мнѣ, (что должно сего дня или завтра послѣдовать) для оправданія себя, и въ случаѣ его упорства, просить о перемѣнѣ ея жилища на всегдашнее уединеніе въ такомъ монастырѣ, которой самъ онъ назначитъ. Сверьхъ того обѣщался я не инако къ ней возвращиться, какъ съ

отвѣтомъ дражайшаго ея супруга (сего отвѣта, какъ ты сама можешь догадаться, не долго она будетъ дожидаться, и которой конечно долженъ быть мнѣ полезенъ). Напослѣдокъ требуется, чтобы въ случаѣ заточенія, назначено было оное повелѣніемъ и властію правительства, и чтобъ во всякой безопасности была она препровождена въ назначенное мѣсто. Сколь излишне заботится она для того, чтобы ей быть въ моихъ объятіяхъ!

Здѣлавъ сей распорядокъ, долженъ я былъ разстаться съ высокомѣрнымъ божествомъ, получивъ одинъ только поцѣлуй. Сія статья имянно въ договорѣ нашемъ была означена. Минуту спустя, сѣлъ я въ коляску и пріѣхалъ домой на разсвѣтѣ; крайнюю имѣлъ я во снѣ нужду, и хотя крайне обезпокоился отъ сего приключенія, но едва могъ сомкнуть глаза и уснуть съ полчаса. Очаровательный ея образъ непрестанно меня занимаетъ. Чортъ меня возми! я право думаю, что у нее есть приворотной напитокъ, и что она каждаго можетъ заставить любить себя. Со временемъ, я бы и самъ такимъ же сдѣлался дуракомъ, какъ Маркизъ. Но потерпи, потерпи пожалуй: сіе

очарованіе исцѣлится наслажденіемъ; во ожиданіи же онаго, боясь, чтобы вовсе не разрушилось мои расположеніе, или чтобъ припадокъ сумасшествія не усилился, буду время отъ времяни для опыта употреблять то удивительное лѣкарство, о которомъ столь безполезно говорено было Маркизу. Я знаю тебя, плутовка: ты одна въ состояніи разсѣять мою скуку. Прости. Сего же вечера, не такъ ли? Естьли же оное за чѣмъ либо неможетъ исполниться, или тебѣ что попрепятствуетъ, то не оставь пожалуй меня увѣдомить.

Изъ Парижа 31 Августа.

ПИСЬМО XLVII.

Дартель, домашній Гна. Шевалье Секретарь къ своему господину.

Я не знаю, чѣмъ начать письмо мое о непріятной новости, каковую господину Шевалье имѣю сообщить. Воображаю, что она должна быть весьма для него огорчительна; ибо и я самъ въ

шакомъ ошчаянїи, что шрудно оное изъясниmь. Опасаяся первыхъ движенїй гнѣва его, я не осмѣливаюсь къ нему явиться. Но милостивый государь можетъ быть увѣренъ, что въ семъ случаѣ я невиноватъ, и что естьлибъ могъ я предвидѣть оное обстоятельство, тобы конечно оному воспрепятствовалъ. Въ краткое время моей у господина Шевалье службы, кажется, довольно доказалъ я усердїе и старанїе мое къ выполненїю его повелѣнїй. И такъ прошу васъ, милостивый Государь, не гнѣваться на меня, и не требовать отчета въ томъ, чего вы сами со всею своею прозорливостїю предвидѣть не могли.

Вы, милостивый государь! проникаете уже, можетъ статься, что я донести вамъ хочу. Госпожа Графиня въ нынѣшнюю ночь скрылася при помощи простынь, привязанныхъ однимъ концемъ къ балкону. Сїю превосходную работу примѣтилъ я сего дня поутру очень рано. Надобно, чтобы самъ Богъ помогалъ ей въ такомъ трудномъ предпрїятїи; иначе же и я тысячу разъ сломилъбы тутъ шею. Вы, милостивый государь, легко можете себѣ представить сколь таковое открытїе огорчи-

ло меня. Ничего не медля, отправилъ я въ окрестныя мѣста всѣхъ служителей для открытія пути, предпринятаго Графинею, да и самъ въ слѣдъ за ними отправился: но всѣ наши поиски осталися безплодны, и я теперь не знаю, ни того, что сдѣлалось съ нею, ни того, куда она отправилась. Я думаю, что въ разсужденіи прекрасной ночи, госпожа Графиня, знающая безъ сомнѣнія Астрономію, учредила путь свой по звѣздамъ и шествіе свое направлять будетъ къ столицѣ, а потому надѣюсь, что вы, милостивый государь, не оставите употребить всевозможныхъ средствъ точнѣе узнать объ ономъ.

Для врученія письма, отправилъ я къ вамъ, милостивый государь; нарочнаго; между тѣмъ же обращу все мое вниманіе къ дальнѣйшимъ поискамъ во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ. Буде же все оное останется тщетно, то предамся въ волю милостиваго государя, найусерднѣйше только прося его не гнѣваться на меня за то, чему не могъ я воспрепятствовать. Я осмѣливаюсь увѣрить васъ о совершенной моей къ вамъ преданности и покорнѣйшемъ почтеніи.

Дартель.

1 *Сентября.*

P. S. *Отъ Шевалье къ Зюлимѣ при отсылкѣ къ ней предъидущаго письма.*

Бездѣльники! они дали ей уйти. — Естьли бы внималъ я движенiямъ праведнаго моего гнѣва, то всѣхъ бы ярости и отчаянiю моему принесъ на жертву! Ты видишь, Зюлима, что мнѣ надобно отлучиться отсюда. Безъ сомнѣнiя все откроется, и кто знаетъ, до чего злоба ихъ довести можетъ! Всѣ сiи собаки будутъ брехать, которая какъ можетъ лучше — Я хочу удалиться въ...., гдѣ отъ одного повѣреннаго, здѣсь мною оставляемаго, обо всемъ, что ни произойдетъ, буду увѣдомляемъ. Естьли же что и ты узнаешь, то немедлѣнно извѣсти меня объ ономъ. Комнатную твою женщину совѣтую тебѣ отдалить отъ себя подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. О причинѣ сего сказывать тебѣ не нужно, поелику ты сама оное чувствуешь, да оно же до тебя и принадлежитъ. Прощай, моя куколка! подклонимъ выю нашу подъ законъ необходимости и обстоятельствъ; но никогда не должны упускать изъ виду

мщенія нашего. Можетъ быть со временемъ конецъ увѣнчаетъ дѣло.

Въ десять часовъ утра.

ПИСЬМО XLVIII.

Графиня къ Маркизѣ.

Ахъ, мой другъ! въ какія ужасныя сѣти завела было меня моя неопытность! какой угрожающей опасности честь и добродѣтель моя были подвержены! какой ужасной заговоръ былъ составленъ ради погубленія и поношенія моего! Возможно ли, чтобъ находились на землѣ умы столь развращенные, сердца столь поврежденныя, души столь подлыя? что подумаютъ о нашемъ вѣкѣ, превозносящемся толикимъ просвѣщеніемъ, честностію, праводушіемъ, гражданскими добродѣтелями, ежели моя и многихъ другихъ исторія, подобная моей, достигнетъ до потомства?

А вы, друзья мои! что дѣлали, что мыслили между тѣмъ, какъ заключена

будучи въ темницѣ нѣкотораго рода, боролась я со скукою, грустію и съ усиліями, чудовища хотѣвшаго больше, нежели жизнь мою, похитить? Сколь велико долженствовало быть ваше безпокойство о моемъ отсутствіи! въ какую заботу должно было ввергнуть васъ скорое и нечаянное мое сокрытіе! что воображали вы, не слыша и не пополучая обо мнѣ никакого извѣстія? Повѣрьте, друзья мои! повѣрьте, что не въ состояніи будучи увѣдомить васъ о себѣ, и принуждена оставить васъ въ тягостной неизвѣстности, чрезмѣрно я страдала и безпокоилась. Дорого бы заплатила я за то, чтобъ позволено мнѣ было увѣдомить васъ о плачевномъ моемъ положеніи!

И такъ начнемъ теперь съ того времяни, какъ нечаянно я съ вами разсталась. Вы увидите, какою адскою хитростію увлечена я была на край бездны, и увѣритесь, что для избѣжанія приготовленныхъ съ великимъ искусствомъ для меня сѣтей, и чтобъ проникнуть мрачную завѣсу, каковою закрыта была самая гнусная измѣна, надлежало имѣть совершенное человѣческаго сердца познаніе, и гораздо боль-

шую моей опытность въ обращенiи и ухищренiяхъ нынѣшняго вѣка. Вы вострепещете, узнавши, чему добродѣтель и честность подвержены, и къ чему удобны развратники, рѣшившiеся на удовлетворенiе страсти своей, во что бы то ни стало! (здѣсь Графиня даетъ отчетъ своему другу, какимъ образомъ при выходѣ изъ духовнаго концерта была она похищена; въ какое удивленiе повергло ее письмо ея супруга, увѣдомившаго, что онъ извѣщенъ о любви ея къ Маркизу; какое явленiе произходило между Шевалье и ею. Какъ читателю всѣ сiи подробности уже извѣстны, то объ нихъ умалчивается, такъ какъ и о поденной запискѣ различныхъ Графининыхъ во время неволи упражненiй, которая ничего инаго въ себѣ не содержитъ, кромѣ однихъ любовныхъ жалобъ, нѣжныхъ вздоховъ, скучныхъ и долгихъ неудовольствiй, задерживающихъ токмо дѣйствiя; послѣ сего продолжаетъ она такимъ образомъ:)

Когда не обузданный развратникъ уѣхалъ и оставилъ меня одну, стала я размышлять о странномъ супруга моего въ разсужденiи меня поступкѣ. Не могши согласить чрезмѣрной его ревности (каковой изъявлять никогда не

подавала я повода, и къ которой однакожъ онъ не несклоненъ) съ гнусною уступкою моей особы въ пользу другаго, начала я подозрѣвать нѣкоторую въ томъ хитрость. Цидулку и письмо, какъ бы отъ него присланные, перечитала я нѣсколько разъ со вниманіемъ: по щастію имѣла я при себѣ подлинное Графа д' Озамбрюна письмо: стала сличать почеркъ. И хотя съ перваго взгляду показался онъ мнѣ сходенъ, но изслѣдывая ближе, примѣтила нѣкоторую разность. Это, такъ сказать, тотъ же былъ почеркъ, но буквы казались нѣсколько отличными. При первомъ взглядѣ все совокупно кажется одинако, но отдѣляя строки и разсматривая подробно каждую букву и каждый слогъ, замѣтишь совершенное несходство. Усиліе поддѣлывальщика, достичь степени подражанія, нужнымъ почитаемаго, ежеминутно открывалось.

Таковое изслѣдованіе, внушенное мнѣ покровительствующимъ невинность Небомъ, вдругъ открыло мнѣ злочестивое таинство, коего не могла я сначала проникнуть. Ахъ! сказала я сама въ себѣ, (простершись на землю ради принесенія благодарности Провидѣнію

за внушенное Имъ мнѣ размышленіе, которое открыло мнѣ всю истину) безъ сомнѣнія гнусной развратникъ, вознамѣрившись удовлетворить страсти своей цѣною безчестія моего, воспользовался зловреднымъ даромъ подписываться подъ всѣ руки, дабы заманить меня въ свои сѣти; онъ надѣялся, что имѣя меня въ своей власти, удобнѣе совершитъ злой свой умыселъ, и по согласію или по неволѣ учинитъ меня преступницею. О Боже мой! Ты открылъ мнѣ глаза на ненавистный заговоръ, самимъ адомъ едва-либо когда изобрѣтаемый: освободи же меня изъ нечистыхъ рукъ, доверши дѣло Свое и не попусти, чтобы содѣлалась я жертвою злодѣянія!

Я сказала уже, что хотѣла писать къ моему супругу; но вмѣсто того цѣлый день употребила на изысканіе средствъ къ побѣгу. Я вспомнила читанное нѣгдѣ, что одна молодая особа, подобно мнѣ содаржавшаяся въ заключеніи, употребила для ухода простыни; почему и я рѣшилась сдѣлать то же, и благодареніе Всевышнему! хитрость мнѣ удалась. Около двухъ часовъ утра, когда всѣ мои надзиратели покоились глубокимъ сномъ, связала я вмѣстѣ двѣ

простыни, и присоединя къ нимъ двѣ, или три салфетки, спустилась легохонько въ садъ. Для переходу чрезъ ограду, употребила попавшуюся мнѣ въ глаза лѣстницу. Съ холодною кровїю не моглабы я перенести оной двухъ шаговъ, но обстоятельства чрезмѣрно умножаютъ наши силы. Я тащила ее съ конца сада до другаго, приставила къ оградѣ, и когда взошла на стѣну, то поднявши, пареставила ее на другую сторону и по ней сошла на низъ.

Любезной другъ! ты не можешь себѣ представить почувствованную мною радость, когда освободилась я отъ угрожавшей добродѣтели моей опасности. Я уподоблялась робкой овцѣ, убѣжавшей изъ челюстей голоднаго волка; или жалкой голубицѣ, отъ хищнаго ястреба избавившейся. Удовольствїе мое умѣряемо только было неизвѣстностїю, какую дорогу избрать я долженствовала; ночь была тихая и свѣтлая; сїянїе звѣздъ никакимъ постороннимъ тѣломъ не затмѣвалось, и потому служили они мнѣ вождями въ моемъ путешествїи. По положенїю ихъ узнала я, что Парижу должно лежать на полдень отъ того мѣста, гдѣ я находилась; я пошла къ сей сторонѣ и меньше полу-

часа вышла на большую дорогу. Ночное мое странствованіе прошло безъ всякой непріятной встрѣчи, но не безъ труда и боязни; чему конечно вы повѣрите. Наконецъ на самомъ разсвѣтѣ дошла я до заставы. По щастію нашла я наемную карету и въ ней доѣхала до своего дому, гдѣ, какъ вы можете себѣ представить, не мало удивились, увидя меня пріѣхавшую въ такой часъ и въ такомъ экипажѣ.

Хотя я чрезмѣрно утомилась, не спавши почти цѣлыя двѣ ночи, однако не хотѣла прежде лечь, пока не извѣщу васъ о невѣроятномъ со мною произшествіи и не выведу изъ безпокойства, въ коемъ оба вы безъ сомнѣнія находитесь. Предупреди нашего друга обо всемъ и позови его къ себѣ обѣдать. Я сама также къ тебѣ явлюся, сколь скоро соберусь съ силами чрезъ не большое успокоеніе.

Изъ Парижа I Сентября.

Цидулка отъ Маркизы къ Маркизу.

Приѣзжай пожалуй ко мнѣ, Маркизъ, поскорѣе, дабы узнать о подробностяхъ неслыханной подлости, и пасть къ ногамъ обожаемой особы, которую осмѣлился ты оскорбить недостойнымъ подозрѣніемъ, въ то самое время, когда она была должна страшиться содѣлаться добычею ужасной злобы; чего конечно бы не произошло, естьли бы не было между вами согласія.

Писано того же дня, какъ и предъидущее письмо.

ПИСЬМО XLIX.

Графиня къ Маркизу.

Какъ могъ ты, другъ мой, столь мало имѣть ко мнѣ уваженія, почитая меня удобною къ недостойному поступку, коимъ хотѣли меня очернить предъ тобою? Какъ въ семъ гнусномъ ухищреніи, не пало подозрѣніе на когоилибо изъ старыхъ твоихъ друзей, новый ковъ для тебя составившихъ? Ты говоришь, что напослѣдокъ узналъ свое заблужденіе, и увѣренъ, что для содѣланія меня въ очахъ твоихъ преступницею употребили клевету, такъ какъ, къ вовлеченію меня на край пропасти, вѣроломство: однакожъ, ежели еще осталось въ тебѣ какое сомнѣніе, то пріѣзжай къ общему нашему другу. Тамъ увидишь ты нещастную, которая играла роль непорядочной по видимому женщины. Когда не стало больше нужды въ постыдныхъ ея услугахъ, то искусно сбыли ее съ рукъ, боялся безъ сомнѣнія, чтобы рано или поздо не открыла она нечестиваго ихъ умысла, тѣмъ паче, что она вознамѣрилась отстать отъ прежней невоздержной жизни, и что злымъ людямъ очень

непріятно имѣть при себѣ такихъ, кои имъ не подобны, почему и отпустили ее. А какъ Маркиза Монклеръ имѣла нужду въ комнатной женщинѣ, то сія нещастная объ ономъ узнавши, явилась къ ней для предложенія своихъ услугъ, и разсказала ей (не зная, что говорила съ такою особою, которая отчасти уже догадывалась о истинѣ) то гнусное явленіе, въ которомъ противу желанія должна была она играть роль твоей любовницы. И въ самомъ дѣлѣ я не дивлюсь, что ты съ перваго взгляду за меня ее принялъ. Она очень на меня похожа, и въ нѣкоторомъ разстояніи съ небольшимъ переодѣяніемъ ее разсматривая, можно легко принять ее за меня.

Но, другъ мой! естьли бы ты хорошенько подумалъ, какимъ образомъ обращалася я съ тобою со времени сдѣланнаго мною признанія (котораго, не смотря на твою неправость, отмѣнить еще не могу) о всей моей нѣжности; о томъ, чего требовала я отъ тебя, соглашая чувствованія сердца моего съ твоими; о ненарушимой чистотѣ и искренности нашего союза; то могъ ли бы ты вообразить, чтобы я говорила тебѣ неправду, сказывая, что ни

одинъ мущина кромѣ супруга моего невнушалъ мнѣ нималѣйшаго любовнаго чувствія: а тебѣ мой другъ! извѣстно, что важенъ только первой шагъ, и что когда здѣлаешь его, то идешь уже смѣло, и безъ боязни перескакиваешь рытвины и ямы. Ежели первой проступокъ тягостенъ и нескоръ, говоритъ одинъ сочинитель, то прочія напротивъ всѣ уже скоры и легки. Естьли бы я была порочна прежде моего съ тобою знакомства, то что бы препятствовало мнѣ послѣ быть таковою? я уважаю тебя, мой другъ, и вѣрю, что ты искренно отсталъ отъ своихъ заблужденій; но между тѣмъ сомнѣваюсь, чтобы при первой моей слабости, не смотря на твое исправленіе, захотѣлъ бы ты напомянуть мнѣ о нарушаніи моихъ обязанностей. Прощаю однакожъ тебя за то злословіе, каковое заставила здѣлать тебя любовь, не обдумавши, а чтобъ совершенно я оное забыла, то долженъ ты мнѣ доказать, что чувствуешь свою неправость.

И такъ пріиди, мой другъ, услышать изъ устъ общаго нашего друга всѣ подробности мрачнаго заговора, и потомъ пріѣзжай ко мнѣ попросить ме-

меня вмѣстѣ съ тобою у нее отобѣдать: но помни притомъ, что ты обѣщался презрѣть тщетныя усилія враговъ, погубить насъ желающихъ, и никогда не мстить за причиненное ими намъ оскорбленіе, а предоставить Небу наказать преступленіе ихъ. Когда Богъ не хощетъ смерти грѣшниковъ, то почто мы слабые смертные присвоиваемъ себѣ высокомѣрно право наказывать заблуждшихъ? Ежели они поставили себѣ въ предметъ оскорблять насъ, то мы вмѣнимъ въ должность себѣ прощать ихъ, дабы Существо всѣхъ существъ простило намъ причиненныя Ему отъ насъ оскорбленія. Впрочемъ и для моей славы (а я думаю, что она и для тебя драгоцѣнна) нужно, чтобы всѣ сіи гнусныя ухищренія остались погребены въ вѣчной сокровенности.

Изъ Парижа 5 Сентября.

ПИСЬМО L.

Шевалье къ Зюлимѣ.

Порадуйся, сердце мое! живи для удовольствія мщенія! я приготовилъ еще не большое блюдцо для нихъ своего мастерства, и надѣюсь, что они будутъ имъ довольны, а смакъ, въ немъ находящійся, вразумитъ ихъ, чьей оно работы. Ты станешь безъ сомнѣнія догадываться, что бы то было такое? но я прозакладую сто противъ одного, что не отгадаешь. И такъ безъ дальнихъ околичностей раскажу тебѣ все, признаваясь, что на сей разъ много и щастіе мнѣ послужило.

Узнавши чрезъ лазутчиковъ моихъ, что все было тихо и спокойно, и что они не трогаются съ мѣста, хотя, правду сказать, не медовый источникъ растворили мы въ сердцѣ ихъ, сначала я удивился таковой недѣятельности, Я ожидалъ, что они возжгутъ огнь и пламень, но размысливъ хорошенько, постигнулъ причину бездѣйствія сего. Они не могли оказать явно своего гнѣва безъ того, чтобы не расгласить при томъ собственной своей

исторїи, и любезная Графиня видно замѣтила, что слава для нее дороже мщенія. Можетъ также статься, что они и меня боятся, да и не напрасно; ибо я докажу имъ мое проворство.

Какъ бы то ни было, зная, что они по великодушїю своему прощаютъ намъ небольшія наши ухищренія, или по крайней мѣрѣ притворяются не чувствующими оныхъ, я пошелъ прогуляться по большой дорогѣ и подумать о средствахъ, какъ бы причинить имъ новыя безпокойства, а чрезъ то подать имъ больше удобства изъявить сострадательное и терпѣливое свое свойство. Ты видишь изъ сего, сколь я добросовѣстенъ и человѣколюбивъ! Издали примѣтилъ я почтовую коляску, ѣхавшую очень скоро и въ мигъ очутившуюся подлѣ меня. Въ самое то время, пафъ! трѣснула ось и сидѣвшая въ коляскѣ особа упала въ грязь. Изъ сожалѣнія поспѣшилъ я на помощь къ незнакомцу; по щастію съ нимъ ничего больше не сдѣлалось, какъ только, что ушибъ онъ ногу. Понеже показался онъ человѣкомъ чиновнымъ, то я попросилъ его зайти ко мнѣ и успокоиться, во ожиданїи поправленія его повозки. Скоро узналъ я, что сей незнакомецъ

былъ Графъ д'Озабрюнъ., и потому поспѣшно заставилъ переписать нѣкоторыя письма, изъ переписки жены его съ Маркизомъ, сдѣлавъ въ нихъ нѣкоторую перемѣну. Потомъ завернулъ ихъ съ письмецомъ, въ которомъ написалъ: что одинъ другъ, узнавши о его возвращенiи, почелъ должностiю увѣдомить его о непохвальномъ поведенiи его супруги во время отсутствiя его; что посылаемыя къ нему письма составляютъ малой токмо участокъ любовной между Графинею д'Озамбрюнъ и нѣкоторымъ Маркизомъ переписки, о которой убѣдительнѣйшiя доказательства сыщетъ онъ можетъ быть въ бумажникѣ невѣрной своей супруги.

Я препоручилъ нарочно отправленному вручить сей свертокъ письмъ Графу въ то время, какъ онъ выдетъ изъ коляски, и тотъ часъ скрыться, дабы не льзя было узнать, откуда и отъ кого доставлены оныя бумаги.

Предвидишь ли ты, куколка моя, слѣдствiе увѣдомленiя столь кстати поданнаго? Графъ прiѣхавши домой, не преминетъ броситься къ письменному Графининому столику, и довольныя найдетъ доказательства сомнѣваться въ вѣрности своей супруги, особливо

прочтя поправленныя мною и доставленныя ему письма. — Почему знать, не прикажетъ ли онъ заключить своей супруги? или не вызоветъ ли еще и на поединокъ своего соперка? По навѣрное случится что нибудь такое, которое доставитъ намъ удовольствіе; а сію единственно цѣль въ виду и предполагать себѣ должно. Радость и утѣшеніе одни только жить заставляютъ; безъ того же жизнь есть не иное что, какъ весь маскучное и непріятное провожденіе времени.

Изъ . . . . 8 Сентября.

Первое письмецо отъ Графини къ Маркизѣ.

Не ѣзди, мой другъ, не ѣзди, или по крайней мѣрѣ не привози Маркиза. Супругъ мой пріѣхалъ; онъ обо всемъ знаетъ, и я въ отчаяніи. По довольно холодномъ меня обнятіи, онъ потребовалъ ключа отъ писменнаго моего столика. Суди о моемъ замѣшательствѣ! я колебалась и дрожала; дайте же ключь, сударыня, повторилъ онъ еще гнѣв-

нымъ голосомъ, и бросивъ устрашающій на меня взоръ. Я вынула оный изъ кармана и подала ему трепещущею рукою. Онъ взялъ его съ такимъ гнѣвомъ, къ каковому я никогда удобнымъ его не почитала. Открывъ сердитымъ образомъ письменной мой столикъ, захватилъ всѣ бывшія въ немъ бумаги, и бросивъ на меня страшный взглядъ, коимъ думалъ поразить меня, вышелъ вонъ. Небо! какія нещастія мнѣ угрожаютъ! какой ужасъ въ разсужденіи будущаго мнѣ представляется! — Ежеминутно страшусь я увидѣть входящаго моего мужа съ гнѣвными очами и пожираемаго ядомъ ревности! — Скажи Маркизу — скажи ему все, что изволишь — Я не знаю, что пишу, что думаю и что сказать хочу. — Умъ мой въ замѣшательствѣ — Сія злополучная тайна, узнанная Графомъ—все, все меня угнѣтаетъ и убиваетъ.

8 Сентября, въ часъ послѣ полудни.

Второе письмецо отъ Графини къ Маркизѣ.

Мы ѣдемъ чрезъ часъ во владѣнїе Ст --- Супругъ мой бѣсится! и я признавшись ему во всемъ, не могла его успокоить. Приказавъ мнѣ сухо собраться въ дорогу, присовокупилъ, что онъ знаетъ средство пресѣчь знакомство, за невинность котораго я ему божилась, и что онъ разумѣетъ, сколь невинна связь наша быть долженствуетъ. Какое его намѣренїе? что онъ хочетъ дѣлать? Любезной Алозанъ! — я не увижу тебя больше! — Безжалостный супругъ! — О другъ мой! коликаго достойна я сожалѣнїя! какую печальную жизнь препровождать я стану! Могу ли я перенести толикїя горести и страданїя? а онъ — что съ нимъ послѣдуетъ? — будетъ ли онъ всегда любить меня? — Утѣшь его, милый мой другъ! скажи ему откровенно, скажи ему, что я никогда его не забуду! что онъ всегда будетъ пребывать въ сердцѣ моемъ, что во всю жизнь мою къ нему одному относиться будутъ воздыханїя мои! Увѣрь его о вѣчномъ моемъ постоянствѣ, обнадежь его—Небо!

Я слышу что двери отворяются — Не варваръ ли то, ускоряющій отъѣздомъ моимъ? Сокроемъ скорѣе сіе письмецо — Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что коляска готова — увы! и такъ должно ѣхать! — Должно удалиться отъ всего, что люблю — я иду — Боже! какое мученіе! — О друзья мои! воспріимите нѣжныя прощанія любви, дружбы и всѣхъ чувствованій самой нещастнѣйшей женщины!

Въ тотъ же день, какъ и вышеписанное, въ три часа съ половиною вечера.

ПИСЬМО LI.

Маркиза къ Маркизу.

Я тоже говорю теперь тебѣ, Маркизъ, что говорила благоразумная Клара другу Юліи въ подобномъ же почти случаѣ. „Извѣстны ли тебѣ гра-„ницы отважности и силы твердой „души? и можешь ли ты предсшавить „себѣ, что отречься отъ любимой „особы есть усиліе превыше челов-„ѣчества?„ — Здѣсь слышу я тебя возглашающа подобно нещастному СентъПрё и съ таковыми же движеніями: Она умерла! — Она умерла! — Сентъ-Прё обманулся; Юлія его была жива; а рѣчь была только о удаленіи, которое не лишало его всей надежды. — Но ты, нещастный Маркизъ! увы! ты скажешь истину. Нѣтъ уже ее болѣе на свѣтѣ! Безжалостная смерть у насъ ее похитила; у тебя любовницу, каковой никогда уже не будетъ, а у меня друга, котораго ни чѣмъ замѣнить не могу! Намъ осталось только для питанія нашихъ чувствъ одно токмо объ ней воспоминаніе, и горестное сожаленіе, что навсегда лишились дражайшаго ея присутствія. Печаль и скорбь твоя без-

сомнѣнія будутъ очень велики; но моихъ превосходить не могутъ; ибо хотя дружество и холоднѣе любви, но не меньше однакожъ чувствите; но и не меньше страждетъ при плачевныхъ рока пораженіяхъ.

Долговременная наша дружба и соединявшія насъ одинакія почти склонности тебѣ, Маркизъ, не безизвѣстны. Мы, такъ сказать, въ двухъ различныхъ тѣлахъ имѣли одно сердце и душу. Дружба ея оживотворяла мое существованіе и производила въ душѣ моей животворную теплоту. Съ другомъ моимъ испытывала я всѣ восторги прямой радости безъ примѣшенія горести. Ея удовольствія были моими; я дѣлила съ нею ея страданія и радовалась или печалилась потому, какъ мой другъ чувствовалъ скорбь или радость. Сей другъ составлялъ все мое сокровище, и я была! — ахъ! я была благополучна ея любовію! Смерть, позавидовавъ моему блаженству, наслала червь на сію, едва распустившуюся розу; она пала прежде, нежели увяла! она похищена въ одно мгновеніе ока! Бѣдоносная смерть! безжалостныя Парки! сколь сильно я на васъ негодую! — Чувства мои цѣпенѣютъ, умъ тупѣетъ, и я

едва двигаю перстами моими, ради слабаго начертанія тебѣ скорби моей!

Соединимъ, Маркизъ, слезы наши и оплачемъ совокупно сего достойнаго друга! Она то заслуживаетъ. Естьли бы мы могли когда либо загладить ея образъ въ памяти нашей, то учинились бы самыми неблагодарными чудовищами! Не будемъ однакожъ въ отчаяніи нашемъ роптать на испытующее насъ Небо; почтимъ въ молчаніи Всевышнее опредѣленіе, и безъ сопротивленія покоримся Божественнаго Промысла изволенію.

Обстоятельства, ускорившія кончиною любезнаго нашего друга, мнѣ неизвѣстны; супругъ ея извѣстилъ меня о томъ простымъ только письмецомъ, изъявляя свое сожалѣніе и почитая себя виновнымъ въ жестокихъ съ нею поступкахъ, причинившихъ ей болѣзнь. Но ежели сказать правду, то ты и безчестныя твои друзья всему причиною. Ибо я не сомнѣваюсь, чтобы не они извѣстили Графа о связи твоей съ его женою. И такъ видишь, Маркизъ, сколь опасна и бѣдственна ненависть злыхъ людей — Сей урокъ, хотя нѣсколько поздный, да утвердитъ тебя въ рѣшимости твоей жить съ одними

добрыми людьми и честными сердцами. Позволь дружеству сїе небольшое нравоученїе, и будь увѣренъ, что ты не можешь никогда быть столько щастливъ, сколько я того желаю.

Изъ Парижа 18 Сентября.

ПИСЬМО LII.

Отвѣтъ отъ Маркиза.

Итакъ мѣра золъ моихъ исполнилась, и я поверженъ въ жесточайшее бѣдствїе! Остатокъ надежды подкрѣплялъ еще томную мою жизнь; но я и того лишенъ по нещастїю! Теперь ничего я болѣе предъ собою не вижу, кромѣ образа смерти, и назначенїя влачить плачевныя дни мои въ безславии и уныніи. — Она сокрылась, и сокрылась для того, чтобы больше уже не являться! Потерявъ ее, остался я безъ помощи, безъ подпоры, безъ малѣйшаго упованїя! — Что дѣлать? что начать? куда направить стопы мои? въ какой отдаленной странѣ долженъ я основать

жизнь свою, дабы убѣжать отъ чудовищъ и развратниковъ? подъ какимъ хладнымъ поясомъ могу я укрыться и простудить пожирающія меня пламенныя чувствованія? Могу ли я сопротивляться тѣмъ сильнымъ страстямъ, кои вѣчно будутъ сражаться въ сердцѣ моемъ? Бѣшенство, ярость, мщеніе, отчаяніе, любовь, добродѣтель, рѣшимости мои, клятвы, обѣщанія, должности, всѣ человѣческія слабости будутъ совокупно изнурять меня и заставятъ претерпѣвать тысячу смертей! — Мучители! хитры! не знаю, что удерживаетъ меня укротить гнѣвъ мой въ потокахъ вашея крови, и души всѣхъ бездѣльниковъ въ адскую пропасть низвергнуть! — Ахъ! естьлибъ онѣ, объяты будучи всѣми бѣдствіями, презрѣніемъ, безчестіемъ, заплатили совторицею за все учиненное мнѣ зло! естьлибы нечистыя ихъ души претерпѣвали жесточайшія страданія, и змѣи страшнаго тартара всю внутренность ихъ непрестанно пожирали! естьлибъ они заплатили... Но что я говорю, несчастный? развѣ я забылъ, что законъ повелѣваетъ мнѣ простить ихъ, и что я обѣщалъ не желать имъ ни малѣйшаго зла! И такъ да простятъ имъ

Богъ такъ, какъ я отъ чистаго сердца ихъ прощаю!

Признаюсь однакожъ, что повинуяся закону, не легко мнѣ преодолѣть желаніе къ отмщенію и укротить раздраженныя мои страсти; а потому опасаяся, чтобы иногда не выйти по обстоятельствамъ изъ предѣловъ предписанной мною себѣ умѣренности, хочу оставить мѣста, гнѣвъ мой умножающія; хочу удалиться отъ злодѣевъ, и искать убѣжища среди лѣсовъ между звѣрями, которые несравненно мягкосердечнѣе, нежели люди.— Да и можно ли мнѣ жить въ такой странѣ, гдѣ на всякомъ шагу сталъ бы я встрѣчаться съ предметами, возмущающими и терзающими душу мою; гдѣ непрестанно созерцалъ бы я образъ, мною обожаемый, чтимый мною дороже всего, и который до послѣдняго издыханія обожать не престану. Ахъ! поѣду, поѣду; надобно то непремѣнно; и все меня къ тому обязуетъ. Чувствую, что я долженъ отлучиться отсюда, хотя на нѣкоторое время, дабы сохранить вѣрно свое обѣщаніе.

Прости, достойнѣйшій и несравненный другъ! вспомни иногда о нещастнымъ, которому, кромѣ непрерывной

цѣпи скуки, печали, отвращенія и горести, ничего инаго представляться не будетъ. Въ какую страну жребій ни заведетъ его, онъ никогда не забудетъ что вы были другъ той, которой, увы! уже больше нѣтъ, и что вы принимали участіе въ его нещастіи. Да воздастъ вамъ Богъ за всѣ ваши добродѣтели, и да исполнитъ всѣми божественными и человѣческими благами!

Изъ Парижа 20 Сентября.

ПИСЬМО LIII.

Отъ Зюлимы къ Шевалье.

Безъ сомнѣнія знаешь уже ты, Шевальє, о здѣшнемъ нещастномъ произшествіи. Графъ, огорчася на свою супругу, отвезъ ее поспѣшно въ одну изъ своихъ деревень, гдѣ нещастная въ восьмой день умерла отъ печали и скуки. — Бѣдный Маркизъ пораженный толикимъ ударомъ, не могъ больше жить въ противныхъ ему мѣстахъ; удалился изъ отечества и понесъ невѣдо-

мо куда свое отчаяніе. Все сіе меня сокрушаетъ, и я начинаю вѣрить, что мы слишкомъ далеко простерли мщеніе наше. Правда, что для перемѣны единообразныхъ нашихъ утѣхъ, хотѣлось мнѣ нѣсколько пошутить, но я отнюдь не думала, что бы все оное столь плачевной оборотъ воспріяло. Я почти раскаеваюсь и даже сомнѣваюсь, чтобы распутство было надежнымъ путемъ къ радости и удовольствію. Кажется, что наша неумѣренность, вмѣсто наполненія насъ истиннымъ утѣшеніемъ, по себѣ инаго не оставляетъ кромѣ грусти, отвращенія, нѣкотораго невольнаго безпокойства, ни на одномъ извѣстномъ предметѣ не останавливающагося, и при всемъ томъ крайне несноснаго. — И такъ не ужъ ли въ самомъ дѣлѣ истинное наслажденіе въ единомъ только мудромъ и воздержномъ поведеніи заключается?

Я незнаю, что обо всемъ томъ думать. Чувствую, что душа моя мятется, сердце бьется, умъ колеблется; почему и прошу тебя, Шевалье, возвратиться. Пожалуй скорѣе возвратися! Поелику Маркизъ уже уѣхалъ, то тебѣ нѣчего бояться. Пріѣзжай; твое присутствіе можетъ быть разсѣетъ окру-

жающїя меня мрачныя пары. Еще разъ прошу, возвратися; или въ противномъ случаѣ страшись всего отъ раскаянія и угрызенія моего.

Изъ Парижа 24 Сентября.

ПИСЬМО LIV.

Дартель, домашній Гна. Шевалье Секретарь къ Зюлимѣ.

Какую печальную новость имѣю я сообщить вамъ, сударыня! Меня столь смутило сїе произшествїе, что едва могу писать къ вамъ. Въ жизнь мою не случалось мнѣ быть при зрѣлищѣ толико ужасномъ, толико удобномъ причинить величайшїй трепетъ! Никогда театральное дѣйствїе не производило надъ зрителями того, что производило надо мною и надъ всѣми прочими свидѣтелями приключенїе, о которомъ сообщить вамъ намѣреваюсь. Одно о томъ помышленїе дрожать меня заставляетъ! не могу вообразить безъ трепета и безмѣрнаго ужаса о послѣднихъ минутахъ Гна. Шевалье!

Его уже нѣтъ больше, сударыня! нѣтъ больше сего человѣка, толь ужаснаго во гнѣвѣ, толь опаснаго въ спыльчивости, толь не укротимаго въ желаніяхъ, толь упорнаго во враждѣ, и толь свирѣпаго во мщеніи своемъ. Уже два часа, какъ онъ прекратилъ дыханіе ужасною и страшною кончиною, и, что покажется невѣроятнымъ, сохранилъ до конца злобное и безбожное свое свойство. Никогда бы я не повѣрилъ, чтобы уста смертнаго при послѣднемъ концѣ столько мученій и клятвъ произнести могли!

За нѣсколько дней до своей кончины, Г. Шевалье замѣтилъ одну молодую дѣвицу, и по обыкновенію своему назначилъ содѣлать ее жертвою сладострастія своего. Пятнадцати или шестнадцати-лѣтняя сія особа тщательно была оберегаема своими родителями, и честь которой столь же была для нихъ дорога, какъ своя собственная: почему провозвѣстнику эпикурства никакъ не льзя было приступить къ предмету вожделѣнія своего. Что же онъ сдѣлалъ? Онъ рѣшился ее похитить. Предпріятіе было не легкое; надлежало употребить великую отважность для достиженія къ цѣли

своей. Г. Шевалье точно и избралъ труднѣйшее средство, такъ что въ семъ злополучномъ предпріятіи окончилъ жизнь свою.

Надобно было взлѣсть ночью на стѣну дома, войти во внутренніе покои чрезъ окно и похитить молодую дѣвицу открытою силою, когда бы не удалось другимъ образомъ овладѣть ею. Небо, гнушающееся безъ сомнѣнія таковымъ умысломъ, не попустило, чтобы невинное созданіе учинилось добычею необузданной страсти величайшаго въ свѣтѣ развратника. Шевалье, будучи вооруженъ съ ногъ до головы, добрался уже почти до окошка, чрезъ которое взойти въ домъ предполагалъ, какъ лѣстница покачнулась и въ паденіи повлекла и его за собою. Головою ударился онъ о превеликой камень такъ, что остался недвижимъ на мѣстѣ. Вѣрные его сотрудники, въ числѣ которыхъ былъ и я по щастію, старались ему помочь, и принесли поспѣшно домой. Горломъ вышло у него множество крови. Призванный лѣкарь сказалъ, что онъ не можетъ никакого дать ему лѣкарства, потому что у него раздробленъ черепъ. Часъ спустя, больной опомнился и началъ говорить.

Тогда-то изблевалъ онъ противу Неба и всего человѣческаго рода злохуленія, каковыхъ повторять я не хочу, и отъ которыхъ у самаго величайшаго развратника волосы сталибъ бы дыбомъ. Больше трехъ часовъ находился онъ въ семъ страждущемъ состояніи, возводя къ Небесному селенію грозныя взоры, скрежеща какъ бѣснующійся зубами, дѣлая безпрестанно страшныя движенія, поднимая къ Небу руки яко извергъ для пораженія онаго, и извергая вмѣстѣ съ кровію токъ ругательствъ, лютостей и мерзостныхъ клятвъ. Когда онъ нѣсколько успокоился отъ прежестокой боли, то захотѣлъ объявить мнѣ послѣднюю волю свою. Между прочимъ поручилъ онъ мнѣ отослать къ вамъ всю переписку Маркиза Алозана и Графини д'Озамбрюнъ и просить васъ убѣдительно, чтобы по смерти его, приказали вы обнародовать всѣ ихъ письма, открыть, сколько возможно любовную ихъ связь и совокупнымъ мщеніемъ, относительно живущихъ особъ, преслѣдовать ихъ даже до гроба. Потомъ началися вновь ужасныя его заклятія и продолжалися до послѣдняго его издыханія. — Какой жалкой конецъ, сударыня! Онъ по истинѣ заставитъ

каждаго подумать о себѣ, и когда представишь, что подобный жребій всѣхъ нечестивцовъ ожидаетъ, то не льзя не пожелать онаго избѣгнуть и чтобъ не употребить всѣхъ усилій сдѣлаться добрымъ!

Къ сему письму присоединяю я пукъ тѣхъ писемъ, кои вручить вамъ приказано. Не думаю однакожъ, чтобы вы учинили изъ нихъ предписанное отъ Гна. Шевалье употребленіе. Я увѣренъ, что вы столь далеко не распространите своего мщенія. Но впрочемъ, послику лучше имъ быть въ рукахъ вашихъ, нежели въ моихъ, и они чрезъ васъ гораздо удобнѣе могутъ быть возвращены тѣмъ, кому принадлежатъ, то я вручаю ихъ вамъ. Есмь и пр.

Писано 28 Сентября.

ПИСЬМО LV.

Зюлима къ Маркизѣ Монклерѣ.

Милостивая государыня!

Хотя вы меня едва знаете, однакожъ увѣрена, что клените меня, да имѣете и причину. Безъ сомнѣнія я очень виновата и жестоко за то себя укоряю. Желала бы, во что бы то ни стало, поправить мои проступки и признаться предъ всемъ свѣтомъ въ винѣ моей. Ахъ. чувствую теперь, что есть злобные духи, внушающіе намъ худые помыслы, и помогающіе производить ихъ въ дѣйство; послику съ добрымъ, человѣколюбивымъ и рожденнымъ къ добродѣтели сердцемъ, не рѣдко вовлекаются люди въ неизбѣжное почти преступленій и злодѣйствъ послѣдствіе:

Такова есть моя нещастная исторія! Родяся въ презрѣнномъ состояніи (такъ какъ званіе земледѣльца и ремесленника не первѣйшее есть состояніе), получила я здравое и съ началами истиннаго благоразумія сообразное воспитаніе. Судьба учинила меня сиротою въ десятилѣтнемъ возрастѣ. Суетность нѣкоторыхъ слабыхъ прелестей

и желанїе поправить низкую мою участь, побудили меня оставить деревенскую жизнь. Подкрѣпившими первое мое намѣренїе обстоятельствами скоро вовлечена я была въ такъ называемой большой свѣтъ, гдѣ провела многїе годы, забывъ совершенно правила благоразумїя. Теперь начинаю вѣрить, что есть другїя удовольствїя и гораздо прочнѣйшее блаженство, въ дѣлахъ добродѣтельныхъ заключающїяся. Когда бы можно было, оставя прежнїя заблужденїя, возвратиться къ главнѣйшему для каждаго опредѣленїю, то употребила бы все свое къ тому старанїе, при помощи Небесной, которой и ожидаю. Я хочу удалиться въ монастырь, дабы безъ разсѣянїя предаться сему моему помышленїю и расположенїю. Ахъ! естьли бы Богъ преобразилъ меня тамо, и воспрїялъ самое послѣднее изъ всѣхъ желанїй и сердечныхъ побужденїй моихъ!

Я посылаю къ вамъ, милостивая государыня, связку тайной моей съ Шевалье переписки, и къ тому прїобщаю еще письмо, которое извѣститъ васъ о нещастной кончинѣ сего развратника. Вы изволите увидѣть, что въ послѣднемъ его поступкѣ я никакого

не имѣла участія; но, ахъ! я не меньше однакожъ виновата, хотя въ самой мрачной злобѣ и не участвовала. Есть много другихъ причинъ, заставляющихъ меня воздыхать и умолять Небесное милосердіе! Я есмь и пр.

Изъ Парижа 2 Октября.

ПИСЬМО LVI.

Графиня д'Озамбрюнъ къ Маркизѣ Монклеръ.

Безъ сомнѣнія удивишься ты, дорогая моя Монклеръ, получивъ письмо отъ особы, которую два года умершею уже почитала, и можетъ статься подумаешь, не тѣнь ли ея къ тебѣ пишетъ: но увѣрься, милый мой другъ, что я еще живу, и что всегда люблю тебя неизмѣнно. Извѣстіе о моей смерти было ничто иное, какъ ложный слухъ, нарочно распущенный жестокимъ супругомъ моимъ, дабы сокрыть отъ друзей моихъ и отъ публики страшныя дѣйствія несправедливой своей ревности. Ты восщрепещешь, узнавши

о всѣхъ тѣхъ недостойныхъ поступкахъ, которые, не смотря на мою невинность, я принуждена была сносить отъ него.

О скоромъ моемъ отъѣздѣ и о сопровождавшихъ оной обстоятельствахъ, я не могла тебя инако увѣдомить, какъ простою цидулкою. Тиранъ непрестанно за мною надзиралъ. Ты можешь отчасти представить себѣ, что я чувствовала внутренно; но не можешь постигнуть всѣхъ моихъ мученій! Мнѣ казалось, что при каждомъ шагѣ, отдалявшемъ меня отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ вы живете, и гдѣ оставляла я два обожаемыя существа, исторгали у меня душу. Какія слезы, стенанія, и сколь многія воздыханія удерживать мнѣ надлежало! Жестокій властелинъ наблюдалъ за всѣми моими движеніями, и пользуяся моею скорбію, укорялъ меня въ мнимой моей невѣрности, въ которой всевозможно старался увѣрить себя, что я была виновна.

Пріѣхавши сюда, слегла я въ постелю; такъ отягощена была скорбію и и грустію; ежеминутно чувствовала, что я ослабѣваю. Никогда не имѣла такой нужды во снѣ и никогда меньше не расположена была оному предаться.

Въ теченіе сей первой ночи и двухъ послѣдующихъ я занималась только плачемъ и жалобами. Сколь сильныя стремленія ощущала я къ любимому предмету; какія всегда занимали меня любовныя и горестныя размышленія; какія чувствовала смятенія и безпокойства; какія душевныя колебанія; какія неизъясненныя страданія; ахъ! не возможно описать тогдашняго моего положенія! Присовокупи же къ тому еще точное запрещеніе не писать не только къ кому другому, но даже и къ тебѣ, то и будешь имѣть нѣкоторое понятіе о моемъ состояніи.

Въ концѣ четвертаго или пятаго дня, мужъ мой первой разъ вошелъ ко мнѣ въ покои. Онъ не имѣлъ уже болѣе свирѣпаго и грознаго взора, устрашавшаго меня до отъѣзда и въ дорогѣ. Кроткій и откровенный видъ заступилъ мѣсто мрачнаго и упрямаго нрава. Сѣдши возлѣ моей постели, спросилъ кротко о моемъ здоровьѣ, о которомъ, сказалъ, донесли ему пріятныя вѣсти. „Забудемъ, присовокупилъ „онъ, съ одной и другой стороны „взаимныя наши оскорбленія, и простимъ обоюдныя наши проступки. Ты „имѣла слабость почувствовать лю-

„бовь къ другому, которою мнѣ един-
„ственно долженствовала; въ чемъ
„отсутствіе и молчаніе мое могутъ
„послужить тебѣ извиненіемъ, а при
„томъ я хочу увѣрить себя, что сіе
„не далѣе простерлось, какъ ты мнѣ
„сказывала. Съ моей же стороны, я
„можетъ быть излишно простеръ гнѣвъ
„мой, показавшійся мнѣ основатель-
„нымъ, и въ чемъ любовь моя къ тебѣ
„должна нѣкоторымъ образомъ изви-
„нить меня. — И такъ не станемъ
„больше воспоминать ссоры, неслы-
„ханной между супругами, весьма тѣс-
„но соединенными, и будемъ любить
„по прежнему другъ друга.

Послѣ сего хотѣлъ было онъ ис-
тощить на меня всѣ свои ласки и
употребить право супруга; но я удер-
жавъ его съ тихостію, сказала ему:
остановитесь! Графъ, и выслушайте
меня. Онъ остановился, изъявляя вели-
кое безпокойство о томъ, что я ска-
зать ему хотѣла. Спокойнымъ и умѣ-
реннымъ тономъ сказала я ему, что
чувствованія мои къ Маркизу хотя
были непроизвольныя, но я тѣмъ не
менѣе ихъ имѣла и имѣю; что по ис-
тиннѣ была я всегда вѣрна моему су-
пругу въ разсужденіи дѣйствій моихъ,

коими мы управлять всегда можемъ: но что принадлежитъ до сердца; то онъ больше имъ уже не владѣетъ; ибо противъ воли учинился другой обладателемъ онаго: а въ таковомъ расположеніи я стыжусь позволить ласки человѣку, къ коему, кромѣ почтенія и дружбы, ничего не ощущаю, и что наконецъ хочу остаться и богу любви столь же вѣрною, сколь была вѣрна богу брака.

Подобный разговоръ назвали бы другіе, а не вы, истиннымъ пустословіемъ или притворнымъ жеманствомъ; но мнѣ казался онъ основаннымъ на истинныхъ моихъ чувствованіяхъ. Въ супругѣ моемъ возбудилъ однакоже оный прежній его гнѣвъ и крайне разсердилъ его. Онъ отвѣтствовалъ мнѣ съ изъявленіемъ ярости и изступленія, что это былъ съ его стороны только опытъ надъ моими чувствованіями, дабы не имѣть уже никакого о вѣроломствѣ и невѣрности моей сомнѣнія: и выходя сказалъ мнѣ, что я скоро узнаю, кого раздражать осмѣлилась. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день приказалъ мнѣ отпустить комнатную мою женщину, отлучилъ всѣхъ принадлежащихъ мнѣ служителей, и въ одну темную ночь провелъ меня въ родъ под-

земельнаго жилища, куда свѣтъ проходилъ только чрезъ небольшое въ сводѣ сдѣланное отверстіе. Тутъ то, любезный другъ, оставлена я была два года, не получая другой пищи, кромѣ хлѣба и воды, приносимыхъ мнѣ ежедневнымъ повѣреннымъ моего мужа. Я не стану описывать тебѣ положенія моего въ семъ мрачномъ мѣстѣ: ибо ты гораздо лучше оное себѣ представить, нежели я изъяснить могу. Богъ, пекущійся о моей жизни, удержалъ мою душу, готовую ежечасно оставить тѣло мое. Говорятъ, что нити или паутину, составляемую хитрымъ паукомъ, можно почесть канатомъ въ сравнени узъ, прилѣпляющихъ человѣка къ жизни; но признаться должно, что сіи узы очень крѣпки; ибо онѣ не могли разрушиться, не смотря на толикія скорби, страданія и ужасныя стенанія мои!

Напослѣдокъ смерть супруга моего окончила страшную мою неволю и возвратила меня свѣту и друзьямъ моимъ. Я спѣшу, нѣжный мой другъ, вывести тебя изъ того заблужденія, которое, какъ я увѣрена, многихъ слезъ тебѣ стоило. — А Маркизъ? о сколь великой душѣ, какой героической доб-

родители въ немъ быть должно, дабы перенести сіе новое отъ судьбы пораженіе! Ежели онъ такъ страдалъ, какъ я, то коликаго достоинъ сожаленія! — Поспеши возродить радость въ сердце его, и пресечь все его сетованія, но неиначе, ежели онъ таковъ еще, какъ я желаю; то есть, когда пребылъ онъ въ добродетельной решимости неизмененъ, когда достоинъ еще любви и почтенія моего! Безпокойство, въ каковомъ я въ разсужденіи сего нахожусь, неизъяснимо! — Естьли онъ переменился! — естьли другая любовь! — естьли неблагодарной меня забылъ! — есть ли зделался онъ худшимъ, нежели какъ мы знали его! — Какая страшная неизвестность, и при томъ самое величайшее, после мнимой смерти моей, безпокойство! — Я не могу противиться пожирающему меня желанію быть извещенною обо всемъ. — Письмо мое предваритъ меня токмо однимъ днемъ или двумя. — Спешу окончить свои дела, дабы устремиться въ объятія любезнейшаго сердцу моему друга и—увы! не смею окончить.— Трепещу, не суетно ли было упованіе мое и не принуждена ли буду проливать новыя слезы!

ПИСЬМО LVII.

Маркизъ къ Маркизѣ.

Я пріѣхалъ, сударыня, отъ конца вселенной, и обтекши всѣ четыре части свѣта, ненайдя нигдѣ тишины и спокойствія, возвратился напослѣдокъ въ непріятное мое отечество, котораго никогда бы не желалъ видѣть, естьлибъ не побуждаемъ былъ желаніемъ воззрѣть хотя однажды на дражайшія мѣста любви, коей и трехълѣтнее слишкомъ отсутствіе истребить не могло. И такъ, какъ назвать странное сіе чувство всегда возмущающее, хотя и безнадежное? Думаютъ, что оно составляетъ верьховное человѣческое благополучіе; но ахъ пусть лучше говорятъ, что Боги пораждаютъ оное только для непрестаннаго виновныхъ наказанія! Это, такъ сказать, Танталова жажда, которой хочетъ всегда пить, но не можетъ приближить устъ своихъ къ водѣ, отъ него убѣгающей.

Въ путешествіи моемъ видѣлъ я женщинъ хорошихъ, находилъ милыхъ, и даже встрѣчался съ красавицами; но ни одна, совершенно ни одна не плѣнила

меня, и не сдѣлала невѣрнымъ любви, которой сила и потеря любимаго предмѣта не могла уменьшиться. Можетъ быть сие отъ того, что ни одна изъ нихъ не сходствовала съ моею любовницею, не соединяла въ себѣ плѣняющихъ ея прелестей, не обладала неизъясненными пріятностями добродѣтелей ея! Отъ того можетъ быть, что сердце мое, ею преисполненное, ничего не видало, кромѣ ея образа, ничего не искало, кромѣ ея особы, ничего не желало, кромѣ простыхъ и естественныхъ ея пріятностей; ненаходя же ничего изъ всего онаго, обращалось паки въ себя и укрѣплялось паче и паче въ ненарушимомъ къ ней постоянствѣ.

Сколько разъ въ изступленіи моемъ объималъ я ее въ вѣтрахъ и обожалъ въ тѣни! Сколько разъ заставлялъ я эхо отзываться дражайшимъ ея именемъ! Я начертавалъ его на пескѣ, впечатлѣвалъ на землѣ, вырѣзывалъ на древесной корѣ, изображалъ на листахъ и на цвѣтахъ! Подъ хладнымъ климатомъ горѣлъ я къ ней гораздо сильнѣйшимъ огнемъ, нежели каковой чувствуется подъ экваторомъ! Сирена вѣковъ, уединенный соловей! будучи вдохновенъ нѣжною твоею задум-

мчивостію, не присоединялъ ли я многократно жалобнаго моего голоса къ согласнымъ твоимъ воздыханіямъ? Ты оплакивалъ прежнія свои нещастія, я же о чрезмѣрности моихъ съ тобою разговаривалъ. Соединенные наши голоса, казалось, уменьшали ужасъ глубокаго молчанія. Сестра отсутствующаго солнца, протекая тихо воздушныя поля въ серебряной своей колесницѣ, сниспускалась и останавливалась надъ тѣми лѣсами, въ коихъ мы находились, дабы тѣмъ удобнѣе внимать воспѣваемымъ нами страданіямъ!

Вотъ, сударыня! каковы были почти всѣ упражненія мои во время договременнаго странствованія. Любовь, жестокая любовь! ты одна занимала всѣ мои чувствованія! ты одна меня оживляла; ты одна дышать меня заставляла! Небесная душа самой чистѣйшей твари изъ всѣхъ отъ Бога дуновеніемъ порожденныхъ! душа моей любезной! о тебѣ я помышляю, тебя умоляю, тебя всѣ обѣты мои имѣютъ предметомъ! Съ высоты небесъ, которыя на единое только мгновеніе ты оставляла, воспріими чистое и искреннее поклоненіе, всѣмъ сердцемъ моимъ тебѣ воздаемое! Доколѣ Существо всѣхъ

существъ продлитъ дыханіе мое, дотолѣ душа моя будетъ приносить тебѣ оное въ жертву! Когда смертный потъ покроетъ охладѣвшее чело мое и когда угасающія очи мои стануть закрываться отъ дневнаго свѣта, имя твое и тогда смѣшиваться будетъ со звукомъ ослабѣвающаго моего голоса! Сію клятву дѣлалъ я тысячу разъ, повторяю непрестанно, и никогда ее не нарушу.

Изъ Парижа 12 Маія.

Цидулка отъ Маркизы Монклеръ къ Маркизу Алозану.

Тысящекратно будь щастливъ, нѣжный и вѣрный любовникъ самой достойнѣйшей женщины! — Пріиди, спѣши! дружество тебя ожидаетъ, а любовь готовится незапно увѣнчать тебя! пріиди, говорю тебѣ. Изъ сожалѣнія къ страданіямъ, смятеніямъ и нещастному состоянію твоему, хочу я учинить тебя благополучнымъ чрезъ тоже самое, чрезъ что ты нещастнымъ содѣлался. Я воскрешу, ежели

надобно, оплакиваемую тобою любовницу, дабы только обрадовать и утѣшить тебя! воззову тѣнь, оживотворю прахъ ея, или лучше сказать, не будетъ въ томъ никакой нужды. Я надѣюсь, что когда ты увидишь назначаемую мною для твоего благополучія, то не станешь уже болѣе воздавать суетныхъ поклоненій Небесной душѣ, въ небесахъ царствующей. Благопріятствующее обѣщаніямъ твоимъ Небо сотворило кажется самое то совершенствъ и добродѣтелей чудо, какого ты желалъ, и каковое я представить тебѣ одолжаюсь. Еще разъ прошу поспѣшать; часы дороги и весьма кажутся долгими для нетерпѣливой особы.

12 *Маія въ два часа по полудни.*

ПИСЬМО ПОСЛѢДНЕЕ.

Маркизъ Алозанъ къ Маркизѣ Монклеръ.

Послѣ такихъ возмущений и страшныхъ бурь наконецъ достигли мы пристанища, и впредь я ничего инаго не предусматриваю, кромѣ непрерывнаго удовольствія и блаженства! И такъ владѣю я уже сею единственною въ своемъ родѣ женщиною, которую сердца, ей не подобныя, почитаютъ мечтою! О радость! о блаженство! о восторгъ! о слава! о неисчерпаемая пріятность! какія неизвѣстныя мнѣ донынѣ утѣхи наполняютъ душу мою, проницаютъ всѣ члены! Ахъ! чувствую теперь, что любовь есть величайшій даръ на земли!

Какое различие между мрачностей, доселѣ меня окружавшихъ и небеснымъ свѣтомъ, житворными лучами меня освѣщающимъ! По пасмурныхъ и печальныхъ временахъ, въ кои каждая минута жизни моей отличаема была новою скорбію, печалію и отчаяніемъ, наступили теперь дни столь пріятные и сладостные, что сердце мое едва можетъ насытиться окружающими меня утѣхами! Море кипѣло, вѣтры всѣ бы-

ли спущены, волны непрестанно воздымались, небо всегда было мрачно, громъ гремѣлъ безпрерывно, молнія блистала со всѣхъ сторонъ, тиранство, угнѣтеніе, безчеловѣчіе, измѣна, вѣроломство, мрачная клевета, гнусная зависть, всѣ адскія чудовищи устремились насъ погубить и потопить въ безмѣрной пучинѣ раздраженнаго моря; но вдругъ какая послѣдовала перемѣна! Небо прояснилось, горизонтъ украсился, земля восприяла прежній видъ, вся натура преобразилася, и кажется, воспріемлетъ участіе въ нашей радости и блаженствѣ. Нѣтъ больше ни бурь, ни возмущеній, ни мрачностей. Усматриваются только смѣющіяся картины, виды токмо пріятные и нескончаемыя утѣхи. Сколь ясный день сія заря намъ предвѣщаетъ! сколь великолѣпною ризою одѣвается наше жилище! сколь сладостно для меня облекаться въ сіи покровы, которые сотканы изъ радостей, игръ и смѣховъ, и сопровождаются невинными полевыми забавами! Красота цвѣтовъ, различіе плодовъ, величественныя отлогости, благовоніе полей питаютъ наши чувства сладостными ощущеніями! Сколь чистое, продолжительное, сколь всеобщее удовольствіе! Пріят-

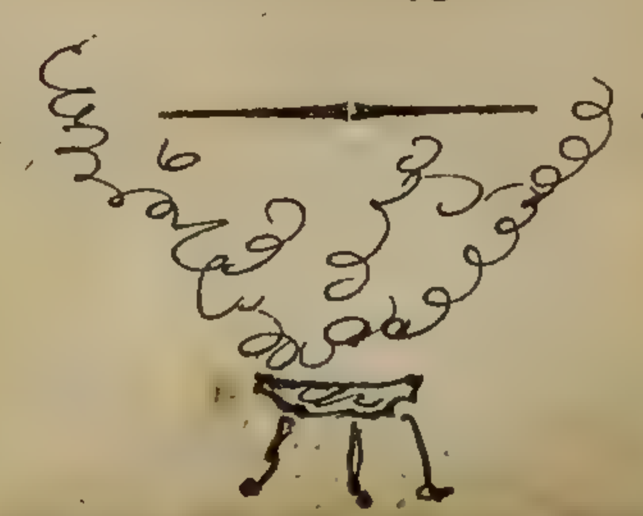
вость наслажденія, говоритъ одинъ сочинитель, находится въ душѣ; оно неисходно въ ней пребываетъ и всегда продолжается.

Пріиди, достойная и любезная женщина, единственный и совершенный образецъ общей дружбы, пріиди соучаствовать въ нашихъ забавахъ! Твоего только присутствія здѣсь не достаетъ. Оно довершитъ наше блаженство. Когда вы будете съ нами, то во вселенной не останется ничего такого, чего бы мы пожелать могли! всѣ земныя утѣхи у насъ тогда водворятся. Щастливая любовь, удовольствованное честолюбіе, довольное дружество, игры и смѣхи, на пути нашемъ посѣянные, могутъ ли заставить насъ пожелать быть еще блаженнѣе? Я теперь съ моею любовницею, супругою, сестрою, божествомъ моимъ: какоежъ существо, на земли благополучнѣе меня? и чѣмъ я заслужилъ столь великое блаженство? Любовь и добродѣтель сіяютъ въ очахъ ея, движутъ ея сердцемъ и мое оживотворяютъ. Все окружающее насъ радостію дышетъ; наружно изливаются доброта, благотвореніе и душамъ нашимъ несказанное приносятъ удовольствіе!

Я упоенъ новою моею участїю. Всѣ прелести чувствую съ восторгомъ, всю полноту оныхъ съ непостижимымъ вкушаю жаромъ! съ услажденїемъ пью изъ златой чаши драгоцѣнный нектаръ, и изнемогая подъ очаровательнымъ впечатлѣнїемъ любви и удовольствїя, я плаваю, такъ сказать, въ сладкихъ водахъ и теряюсь во изобилїи розъ и различныхъ цвѣтовъ! О добродѣтель! верховнѣйшее божественной сущности истеченїе! тебѣ обязанъ я благополучїемъ, неизъясненнымъ блаженствомъ моимъ! тебѣ поставляю нерушимый олтарь въ моемъ сердцѣ, и доколѣ душа моя соединена пребудетъ съ тѣломъ, дотолѣ не престану чтить тебя и служить тебѣ безослабно! — Послѣднїй мой вздохъ будетъ относиться къ тебѣ и къ украшаемому тобою достойному предмету! о Небо! воспрїими нынѣ предварительно куренїе фимїама, и всесовершенное мое поклоненїе!

Изъ Ст . . . . 28 Маїя.

КОНЕЦЪ.

Лавка
писателей
Цена 50 р.

